

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

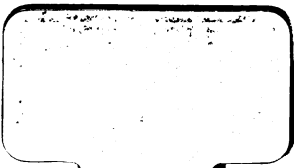
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Vet. DK4. S276. 085

917
СЫНЬ ОТЕЧЕСТВА,

Ж У Р Н А Л Ъ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ

и

Евдеемъ Булгаринимъ.

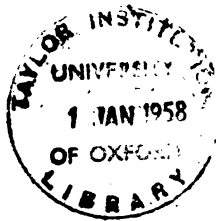
ЧАСТЬ СТО ПЯТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1 8 2 6.

Печатать позволено;

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типогра-
фіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь
экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣ-
дуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Декабря
21 дня 1825 года.

*Цензоръ Статскій Советникъ и Кавалеръ
Александръ Красовскій.*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

1826. № I.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Р О З А У Р А

И

Е Я Р О Д С Т В Е Н Н И К И.

(*Сог. Ламотта Фуке.*)

Мраченъ и задумчивъ стоялъ, прислонясь къ окну, молодой гвардейскій Ротмистръ, Графъ Юлій Вильдекъ. Забывъ, что находишься въ кругу людей, собравшихся на вечернюю бесѣду, онъ вполне предался чувствамъ досады отъ причудливости прекрасной Розауры фонъ-Гальденбахъ, кошорая за любовь его плашила оскорбленіями. Въ думахъ перешель онъ къ воспоминанію предковъ своихъ, знаменитыхъ подвигами, но злополучныхъ судьбою. И онъ, послѣдній опарасль древней фамиліи, оставшійся въ пеленахъ сироты, онъ уже испытывалъ перніе жизни. Жажущая славы душа его помилась въ тревожномъ ожиданіи битвъ, но продолжительному миру не предвидѣлось конца.

Быстрое сердце искало пищи в любви, но любовь только терзала его. Правда, что изъ всехъ искашелей, привлекаемыхъ богашствомъ и красотою Розауры, онъ одинъ удостоивался иногда ея ласковаго взора. За то еще мучительнѣе была для него суровость и сухость обхожденія, какими вдругъ, безъ всякой вообразимой причины, она ошвѣчала нерѣдко на постоянную его преданность. Могъ ли онъ перенести равнодушно такую же суровость шеперь, видя Розауру въ послѣдній разъ передъ своимъ отъѣздомъ? Но цѣлый мѣсяць осправлялась она въ деревню, съ шешкою, сестрою своей матери. Хотя путь ихъ лежалъ не далеко — въ горы, на нѣсколько миль разстоянiемъ, но извѣстно было, что онъ тамъ никого къ себѣ не допускали. Каждые полгода Розаура непременно посвящала по мѣсяцу на совершенное отчужденіе отъ свѣта. Причиною тому полагали какой-то обшъ, сдѣланный ея родителями, и постоянно исполняемый ею. Нѣкоторую вѣроятность такому предположенію давало то, что всякій разъ передъ отъѣздомъ, спановилась она очень тиха и задумчива, а возвращалась всегда съ блѣднымъ заплаканнымъ лицомъ.

Тайна, строго хранимая, привязывала еще болѣе Графа Юлія къ его любезной. Ка-

кое-шо скрыпное чувство говорило ему, будшо онъ предназначенъ судьбою для снятія општѣнковъ скорби съ прелестнаго чела Розауры; и сегодня, еще сегодня смошрѣлъ онъ съ умиленіемъ на блѣднѣющее лице ея, какъ вдругъ внезапная, непріязненная причудливость красавицы опшолкнула его и возбудила въ немъ негодованіе. Погрузясь въ думы о своемъ положеніи, вспомнивъ свое сиротство, онъ шепсаль про себя:

„Къ чему бы намъ и жить, несчастнымъ опрасляемъ древняго геройскаго племени, когда нѣтъ на землѣ болѣе ни славы, ни чисшаго наслажденія!“

На эшо, какъ будшо нарочно, опозвался глухой голосъ: „Надобно ѣздить на охоту. Въ наше время эшо самая прелестная забава.“

Юлій въ изумленіи оглянулся. Подлѣ него споялъ высокій, величавый мужчина, въ шаринномъ мундирѣ, почши прекрасный съ лица, съ живыми, сверкающими глазами и съ такою миною, въ кошорой опражалось много прешерпѣнныхъ спраданій, шакъ, что и разительная черна свирѣпости возбуждала невольную жалость и участіе. Спарець — шакъ дѣйствительнѣно былъ незнакомый — говорилъ приведенныя слова не Графу, а одному изъ гостей, опшодившему ошъ него въ эшо время въ примѣшномъ за-

мѣщательствѣ; когда же Графъ обернулся къ нему съ живымъ участіемъ въ сказанномъ, тогда онъ посмопрѣлъ на него дружески и завелъ съ нимъ рѣчь.

„Мнѣ кажется Графъ,“ — сказалъ онъ: — „что вы совершенно моего мнѣнія.“

— „О, безъ сомнѣнія!“ отвѣчалъ Юлій, приготовленный къ ошвѣту собственными мыслями. — „Охота есть родъ рыцарской забавы и несравнима съ карусельными увеселеніями, потому что съ нею соединены нѣкоторыя опасности; разумѣется, не надобно ограничивать своихъ подвиговъ справедлю зайцевъ или другихъ робкихъ звѣрей.“

„Браво!“ вскричалъ спарець: „Вы мнѣ очень нравишься, и какъ было бы хорошо намъ вмѣстѣ позабавиться охотою нѣсколько недѣль. И безъ того въ наступающее время не люблю я оставаться одинъ въ моемъ замкѣ Финстерборнѣ. Вѣдь я имѣю честь говорить съ Графомъ Лобахомъ — не правда ли?“

— „Извините!“ — отвѣчалъ Юлій: „Графъ „Лобахъ сповѣсть воуъ тамъ.“ — И онъ съ шайнымъ прискорбіемъ посмопрѣлъ вдаль, гдѣ Лобахъ, его соперникъ, очень усердно занималъ разговорами Розауру. Но странное приглашеніе сдѣлано было не напрасно: Юлій обрадовался случаю остаться на время го-

родъ, полкъ и весь свѣтъ, почему онъ посѣщилъ прибавилъ: „Я Графъ Вильдекъ, государь мой, и если ваша благосклонность относится не къ имени, а къ лицу, то я буду имѣть честь посѣтить васъ въ замкъ вашемъ, буде онъ не такъ далеко отсюда. Имени Фейстерборнъ я еще не слыхивалъ.“

„Мой замокъ только въ прехъ миляхъ отсюда;“ сказала незнакомецъ съ примѣннымъ смущеніемъ: „онъ лежитъ въ большой глуши между горами, и потому не такъ извѣстенъ. Я вышлю къ вамъ на встрѣчу, въ городокъ Вальдгеге, своего егеря, который васъ проводитъ ко мнѣ. Такъ вы Графъ Вильдекъ? Графъ Вильдекъ! И въ эти самые дни! — Ну, Богъ не оставитъ насъ! — Мое имя Гальденбахъ — отставной Полковникъ. Извините, если я говорю нѣсколько смущенно. Въ головѣ моей бродитъ многое. Послѣ-завтра я васъ ожидаю. Послѣ-завтра, не такъ ли?“

Онъ крѣпко пожалъ ему руку и, въ какомъ-то спраннымъ замѣшательствѣ, смѣясь и бормоча что-то про себя, посѣщилъ вышелъ.

Юлій споялъ, изумленный, на мѣстѣ. Такъ это былъ Полковникъ Гальденбахъ, дядя Розауры, большой чудакъ, о которомъ слухи давно дошли до него. Одни считали

его за глубокомысленнаго, но злополучнаго мудреца, проводящаго въкъ свой въ уединеніи; другіе называли его прямо сумасбродомъ. И шеперь-какое странное обращеніе: шо любезность, шо вдругъ опяшь какая-шо дикость и неприязненность!

„И прекрасная племянница вѣрно опъ него наслѣдовала свою причудливостъ!“ шепшала про себя Вильдекъ.

Въ это время Розаура проходила мимо. „Что говорили вы съ моимъ дядей, Графъ Вильдекъ?“ дрошепшала она поскливно и поспѣшно. „Ради Бога! будьше на этошь разъ совершенно опкровены со мною.“

„Когда жъ я не былъ опкровенень?“ сказавъ со вздохомъ вспыхнувшій юноша. „Полковникъ говорилъ со мною подружески, и пригласилъ меня на сихъ дняхъ въ свой замокъ Финсперборнъ, чшобъ вмѣстѣ позабавишься охопою.“

Лице Розауры покрыла смершная блѣдностъ. Она еще ближе къ нему наклонилась, и онъ почувспвовалъ ея дыханіе у щеки своей съ шихимъ шопошомъ:

„Завшра вечеромъ, въ Княжескомъ паркѣ, у эрмишажа.“

Она скрылась. Юлій, въ упоеніи опъ радости, но и въ думѣ о дивныхъ загадкахъ, пошелъ домой.

Теплый осенний вечеръ просширался надъ паркомъ; съ препепомъ сердца скакаль Юлій на своемъ спройномъ Арабскомъ жеребцѣ, мимо садовой рѣшетки, и скозь густой куспарникъ посмашриваль, не явилась ли уже въ назначенномъ мѣспѣ его любезная. Вдругъ показалаь она изъ ближней аллеи, но въ сопровожденіи пяши или шесши большивыхъ или смѣшливыхъ подрутъ. Узвденный въ душь, Юлій опуспилъ повода и пришпорилъ коня, шакъ, чшо гордое животное, неприобыкшее къ такому обращенію, вздыбилось и сдѣлао нѣсколькx дерзкихъ скачкxвъ на воздухъ; дамы закричали опъ испуга. Юлій поклонился имъ учшиво, но угрюмо и не привѣшливо.

„Добрый Абдуль!“ сказалъ онъ коню своему, поглаживая гибкую и мягкую его шею: „добрый Абдуль! просши мнѣ, чшо я, глупецъ, вздумаль на шевѣ выместитишъ причуды женскія. Просши мнѣ: зшого не будешъ впередъ.“

И какъ будто понимая всадника, гордый конь опшвѣчалъ радосшнымъ ржаніемъ, и несъ его легкою, покойною рысью.

Въ первомъ пылу негодованія Графъ Юлій порывался вернуться назадъ въ городъ; но размышляя, чшо выказавъ свое неудовольствіе, возвыситъ злобное шоржештво прекрасной сво-

ей ширинки, онъ приневолилъ гордое свое сердце. Соскочивъ съ сѣдла и передавъ лошадь конюху, пошелъ онъ, съ прищворно-беззаботнымъ видомъ, къ шакъ называвшемуся эрмишажу или бесѣдкѣ въ саду, гдѣ еще издали замѣнилъ много дамъ, сидящихъ за чаемъ.

На поворотѣ аллеи встрѣтивъ онъ веселую Принцессу Альвину объ руку съ одною изъ его родственницъ. Она, послѣ привѣтствія, шоропливо сказала ему съ видомъ шайны: „Послушайте, Графъ, помогите намъ въ нашей нгушкѣ. Ужъ мы давно знали, что фамилія Гальденбахъ имѣетъ еще какое-то дивное прозвище, но Розаура никакъ не хотѣла намъ сказать его; она даже сердилась и приходила въ смущеніе отъ вопросовъ о томъ, но вѣдимъ только подспрела наше любопытство. Мой братъ вывѣдалъ вчера отъ стараго чудака-Полковника, что ихъ подное прозваніе Гальденбахъ-Мордбрандъ. Пожалуй-ше, когда явима въ бесѣдку, постарайшеся какъ можно чаще употреблять въ разговорѣ слово Mordbrand (зажигательство) или врознь Mord (убійство) и Brand (пожарь); мы съ своей стороны поже будемъ эшо дѣлать, и Розаура не найдетъ себѣ мѣста!“ Юлій, съ улыбкою согласія на устахъ, поклонился дамамъ, которыя пошчасъ поворотили въ другую аллею, чтобы

присоединилъся къ обществу съ разныхъ сторонъ, и шѣмъ ошклонилъ преждевременную догадку объ ихъ условіи съ Графомъ.

Блѣдность и угрюмость лица Розауры поразили Графа, когда онъ вошелъ. Длинные ресницы большихъ черныхъ глазъ ея поднялись на мгновеніе, и послѣ сдѣланнаго ею поклона, опять опустились, причемъ тяжелый вздохъ едва удержанъ былъ замѣшнымъ волненіемъ груди.

Юлій уже раскаивался въ данномъ Принцессѣ обещаніи. Онъ зналъ, что Розаура не переняла подобныхъ шутокъ, и его пугала мысль встревожить гнѣвомъ вѣну блѣдную, унылую красавицу. Но невозможность сказать ей, или опъ нее услышать хотя что, нибудь искреннее, въ этой пестрой бесѣдѣ равнодушныхъ, частію слишкомъ докучливыхъ людей, подспрекнула снова его досаду. Онъ началъ, — и, поддержанный Альвиною, которая вошла въ сѣдѣ за нимъ, непримѣтно распространялъ такой разговоръ, въ которомъ роковыя слова Morgd и Grand должны были перелетать изъ ушей на уста. Съ самаго начала Розаура встрепенулась, и шоскливо посмотрѣла вокругъ себя; попомъ спанивилась она блѣднѣе и блѣднѣе, и въ то время, какъ Альвина собирала послѣднія силы, чтобы удержавъ коварный смѣхъ свой,

вдругъ молодая Гальденбахъ вспала и произнесла строгимъ голосомъ,

„Графъ Вильдекъ! на два слова.“

Тутъ пошла она вдоль по широкой аллее; нечаянностью оковала молчаніемъ уша всѣхъ, и Юлій почти съ препешомъ послѣдовала за своею дамою,

Съ минушу не говорила она ни слова; потомъ сказала: „Въ самомъ дѣлѣ, Графъ, выдумка ваша прекрасна. Вынудивъ ошъ несчастнаго моего дяди ошкрышіе ужаснаго прозвища нашей фамиліи, вы сдѣлали какъ нельзя лучше, ошдавъ его на забаву пріятной бесѣды, въ которой доешмалась вамъ честь играть въ эшомъ случаѣ первую ролю. Я вамъ очень благодарна, Графъ! право, я очень благодарна. Теперь, въ нѣкоторомъ отношеніи, буду я гораздо покойнѣе при завпрашнемъ своемъ ошвѣздѣ; а сверхъ того и въ шомъ не малая польза, что примѣромъ вашей ошкровенности я много пріобрѣла въ познаніи людей, или лучше сказашъ, мое прежнее мнѣніе подтвердилось. Да, въ самомъ дѣлѣ, вы ни мало не обманули меня вчера. Вы шочно шакъ были со мною ошкровенны, какъ и всегда бывали.“

Ошъ упрековъ возлюбленной спѣснилась грудь юноши, шакъ, что ошъ шель подлѣ нее съ поникшею головою, какъ осужденный: но

обвиненіе въ лживости возмутило въ немъ рыцарское правдушіе.

„Клянусь честію“—сказалъ онъ съ швердостью:—„что мой вчерашній отвѣтъ былъ суцая истина; не отвѣтъ вашего дяди, но только за четверть часа услышалъ я, что къ фамиліи вашей прибавляется другая, Мордбрандъ.“

И онъ самъ теперь только почувствовалъ что-то ужасное въ этомъ имени — и содрогнувшись, умолкъ.

Розаура, еще при началѣ оправданія, не могла вынести свѣтлаго взора Юлія съ тѣмъ же грознымъ видомъ, съ какимъ сама дѣлала ему упреки; она пошупила глаза, и когда онъ кончилъ, произнесла тихимъ голосомъ:

„Виновата, если пошупила съ вами несправедливо. Жаль было бы васъ, Графъ Вильдекъ, и поэтому-то — ахъ, Боже мой! помню ли я сама, что говорю? — Однако, почто поэтому, прошу васъ, не вздигте завтра къ дядѣ моему въ замокъ Финдсперборнъ, если вы дѣйствительно мнѣ сколько нибудь преданы. Да, не вздигте, и никогда не вздигте. Вашу руку, Юлію!“

Она подала ему прелестную, правую руку; въ первый разъ назвала его Юліемъ;

голосъ ея былъ такъ явленъ, такъ прогашелень . . . .

„Все, все для васъ сдѣлаю!“ воскликнула коношя въ умиленіи: „на все готовъ; но позвольте мнѣ, во время оплочки вашей, посѣтить васъ, любезная Розаура!“

„Любезная Розаура!“ повсорила дѣвица Гальденбахъ насмѣшливо и опниала свою руку: „любезная Розаура! какъ легко молодымъ господамъ нашимъ позволишь себѣ всякую вольность! И припомъ совсѣмъ не большая, незначительная просьба! Повзжайте куда вамъ угодно, Графъ Вильдекъ, только не ко мнѣ.“

И вспыхнувъ отъ гнѣва, отвернулася она и поспѣшила назадъ въ бесѣдку. Юлій шелъ вблизи и прошепсаль еще:

„Неужели ни одного снисходительнаго слова? Такъ я долженъ ѣхать въ Финштербернъ?“

„Пожалуй!“ сказала Розаура, не обращаясь къ нему, а Графу показалось, будто произнесла она: „Пожалуй, хоть на смерть.“

„Охотно!“ отвѣчалъ онъ, глубоко уязвленный, и шенерь мвердо рѣшился, лучше опказаться отъ всего на свѣшъ, нежели отъ повздки своей къ Полковнику Гальденбахъ, прозванному Мордбрандъ. — Обществу разошлось въ примѣнномъ смущеніи. Юлій

не получилъ и прощальнаго привѣта отъ своей возлюбленной. Только тогда, какъ ея открытая коляска, уже не въ близкомъ разстояніи отъ медлишельнаго, унылаго всадника поворошила въ сторону, только — тогда показалось ему, будто Розаура махнула плащкомъ и закрыла имъ, съ плачемъ, лице свое.

Подъ вечеръ сѣдующаго дня, ѣхалъ Графъ Юлій верхомъ, въ задумчивости, чрезъ прародительскія ворота небольшого городка Вальдгеге. Ему мечталась Розаура, какъ махала она плащкомъ; но и злобная насмѣшливость ея живо представлялась его воображенію. „Нѣтъ“ — думалъ онъ, лова призракъ нѣжно расстающейся Розауры: „я обманывалъ самъ себя!“ И шутъ поднялъ онъ гордое чело свое и посматривалъ, не увидишь ли гдѣ егеря, котораго Подковникъ хотѣлъ выслать къ нему на встрѣчу.

Изъ воротъ ближайшаго шракшира вышелъ старичекъ въ испасканномъ зеленомъ плащѣ, и вывелъ за собою маленькую, какъ смоль, черную лошадь съ широкою шеєю, отворачивательною головою и спруцовашою гривой, но впрочемъ удивительно спройную. Она взрывала копытами землю и надувала ноздри, хваталась уродливою мордою за что

ни попало. Спарикъ замахнулся на нее длинною, сухою рукою, и она спала неподвижна.

Превозмогая невольное содроганіе при шакомъ неожиданномъ зрѣлищѣ, спросила Юлія: не ты ли, другъ мой, посланъ ошъ Полковника Гаальденбаха сюда, мнѣ на встрѣчу.

„Ахъ — къ вашимъ услугамъ, г. Ром-миспръ“ сказалъ егеръ, и снялъ почтительно съ сѣдой головы своей огромный карпузь. Вечернее солнце бросало послѣдніе лучи прямо на лице его, изуродованное кровавыми рубцами. Тушь вскочилъ онъ съ молодецкою легкостію на своего дыбшагося и прыгающаго коня, и помчался быспрымъ бѣгомъ по неровной мостовой, шакъ, чшо гордый Абдуль Вильдека едва могъ за нимъ слѣдовать, а конюхъ его отсталъ далеко назадъ. Когда скакали они по улицамъ, Графу, при его разспроенныхъ мысляхъ, показалось, будто жителямъ городка смошрѣли на него, качая головою — будто крестились иные, или махали руками, чшобъ его удержашъ. Онъ мчалси вдаль, не зная самъ куда, и едва шолько зная, зачѣмъ,

Выѣхавъ къ гористымъ мѣстамъ, егеръ хощъ и принужденъ былъ скакати нѣсколько медленнѣе, особливо при поворотѣ дороги на Финшперборнъ, чрезъ дикіе хребты и долины, едва нашодшанными пушями; но эти самыя

шрудности, кошорыя конь егера преодолѣвалъ съ удивительною легкостію, усиливали напряженіе Вильдѣка и его конюха, поспѣвашь за ихъ вожащымъ. Впрочемъ Юлій помнилъ, что его считали самымъ смѣлымъ и скорымъ вѣдокомъ въ цѣломъ полку, и никакъ не хотѣлъ задержашь поропавшаго старика, во что бы шо ни спало.

Уже очень смерклося; вдругъ, при внезапномъ поворотѣ, открылись, чуть видныя въ мерцаніи, стѣны стариннаго замка, прямо напрашивъ вѣдоковъ. „Эй, спаричекъ!“ — закричалъ Юлій: — „не это ли замокъ Финясперборнъ?“

Спарикъ оглянулся и съ мрачною миной, положивъ палець на губы, покачалъ отрицательно головою. И пустьъ какъ будто внутренній ужась спалъ потрясашь все его цѣло. Медленно подвигался онъ впередъ, по дорогѣ, кошорая шла вѣлошь мшистыхъ стѣнъ замка, обвиваясь около глубокой пропасти. Казалось, будто боится спарикъ самого гула отъ копыщъ коня своего.

Изъ внутренности замка слышались легкіе звуки цитры, съ призывомъ женскаго голоса. Вошь слова.

Опашь минушъ испытанья
Кровавой месши древнихъ льщъ!
Опашь въ добычу испязанья

Влечешь меня судьбы завѣшь!
 Еще ль слабѣющія руки
 Для новыхъ жершвъ гошовяшь муки?
 Ахъ, не довольно ли смершей?
 Ахъ, не довольно ли шерзанья?
 Скорѣй промчися, испышанье!
 Мчись, пушннѣ, мчись и шы скорѣй!

„Боже великій!“ вскричала Юлія: „мнѣ
 послышался голосъ Розауры!“

Пронзительный вопль раздался въ замкъ,
 и цыфра чрезъ разбиное окно, звеня, проле-
 шѣла мимо головы Юлія, въ глубокую бездну;
 шоропливо пришпорилъ егеръ коня своего;
 опять поскакали всадники по холмамъ и
 хрупкимъ камнямъ, въ шемношъ наспушаю-
 щей ночи.

Яркіе огни блискали въ окнахъ замка
 Финшерборна, такъ, что по долину разви-
 вался почти ослѣпляющій свѣтъ. Со стѣнамъ
 раздавалась роговая музыка, въ пріятныхъ,
 заманчивыхъ тонахъ. — „Слава Богу!“ ска-
 заль проводникъ Графа, оспановя быспрый
 бѣгъ коня своего и шяжелю перевода дыханіе.
 — „И шы, и шы, спаричекъ, вѣрояшно ис-
 помился ошъ шакой скорой ѣзды?“ — ска-
 заль привѣщливо Юлія. На это егеръ оп-
 вѣчалъ отрицательнo, и хотя учтиво, но
 твердо, какъ будшо ему забавно показалось

— думаешь и говоришь въ такое время объ упоминеніи. „Правда“ — прибавилъ онъ: — „я очень радъ, что мы добрались до цѣли своей, но имѣю на то много другихъ причинъ: — „Смогри же!“ — сказала Юлія: — „чтобъ лошадей нашихъ не поспавили разгоряченныхъ въ конюшню.“ — „Вижу“ — отвѣчалъ егеръ: — „что вы не только искусный, бойкій вѣдокъ, но и смысленный.“ —

Сшарикъ оглянулся на Юлію, лице котораго въ эту минуту озарено было полнымъ блескомъ изъ оконъ замка, и спросилъ его чрезвычайно мягкимъ голосомъ: „Такъ вы дѣйствительно Графъ Вильдекъ, господинъ Роммиспръ? Графъ Юлія Вильдекъ, единственная оправа вашего дома, и можешь быть, послѣдняя?“ И получивъ, утвердительный отвѣтъ, онъ прибавилъ: „Ну, Господь Богъ все устроитъ къ лучшему!“ Подъемный мостъ вскорѣ закричалъ подъ копытами коней, и они взвѣхали на широкій дворъ, такъ освѣщенный факелами и огнями изъ оконъ, какъ будто при дневномъ свѣтѣ. Полковникъ Гальденбахъ уже стоялъ у дверей, и съ дружескимъ привѣтствіемъ встрѣтилъ своего гостя.

Юлія, зная по слухамъ о странностяхъ своего хозяина, былъ готовъ ко всему, но, прошивъ чаянію, все шло обыкновеннымъ по-

рядкомъ. За ужиномъ подчивалъ его Гальденбахъ славными яшвами и наливалъ ему въ старинные бокалы самыхъ лучшихъ винъ. Пошомъ, давъ другъ другу слово подняться чупъ свѣшъ и съ подкрѣпленными силами отправишься на справлю кабановъ, они разошлись на покой. Только при самомъ разсаванъ — какъ будшо не могло обойшисъ безъ чего вибудъ спраннаго — сказалъ Полковникъ Юлію на ухо, не шупливо, и не-серьозно, а пополамъ, нѣскольکو порже-спвеннымъ шономъ :

„ Не забудше замкнушь у себя извнупри дверей, да и запоры задвинше. Нельзя знашь, что случишься можешъ. “ —

Тупъ вышелъ онъ.

Успалаго Юлія ввели въ высокую, правддовскими шпалерами обипую комнашу. Едва помнилъ онъ предосшереженіе хозяина, сочиа его шогда же за шупочное испышаніе. Онъ легъ, не замкнувъ дверей, и проспалъ покойно до сумерекъ ушра. Бодръ и весель вскочилъ онъ, набросилъ на себя свое охошничье плашье со всѣмъ снарядомъ, и черезъ нѣскольکو минушь, споялъ уже гошовый, надворъ.

Вышелъ и хозяинъ съ угрюмымъ лицемъ. „ Не мѣшалъ ли вамъ кто ночью? “ спросилъ онъ: „ и были ли запершы у васъ две-

ри? — „Я славно спалъ,“ — опивчалъ Юлія; — „хотя не заперъ замка и не задвинулъ ни одного запора.“ — Полковникъ покачалъ, призадумавшись, головою, но вскорѣ, съ видимымъ самодовольствіемъ, пригласилъ Юлія войши въ комнапы позавтракать передъ охотою.

Въ комнапахъ подъ высокими сводами, все имѣло какой-то торжественный видъ; впрочемъ шакъ обыкновенно кажется все въ покоехъ древняго замка, и ничто бы не удивило Юлія, когда бы не поразило взора его сходство двухъ поршретовъ, представлявшихъ рыцарей во весь ростъ и въ полномъ вооруженіи. Въ одномъ, казалось ему, видѣлъ онъ самого себя, въ другомъ своего хозяина, но и эту мысль выкинулъ изъ головы, какъ обманъ разгоряченнаго воображенія. Только то и привлекало особенно его вниманіе на эти карпины, между всеми другими, что рыцарь, котораго считалъ онъ похожимъ на себя, представленъ былъ во цвѣтѣ лѣтъ, но съ блѣднымъ, какъ смерть лицомъ, посреди яркаго пламени; а другой, котораго сравнивалъ онъ съ Полковникомъ нарисованъ былъ дряхлымъ старичкомъ, но съ шемнымъ румянцемъ на лицѣ и подъ каждымъ-то мрачнымъ монастырскимъ сводомъ

Юлій хотѣлъ спросить о каршинахъ, но старшій Гальденбахъ предупредилъ его привѣспливою, въ полемѣха сказанною рѣчью:

„Какъ нравишесь вы мнѣ, молодой воинъ, въ эшомъ охощничьемъ плашь! Но еще болѣе нравишесь мнѣ то, что вы надѣли его не прежде, какъ собравшись на охощу—вчерась же вѣхали въ полномъ мундирѣ, не шакъ, какъ нынѣшніе молодые офицеры: шѣ, лишь только оспаивашъ свой гарнизонъ, или только промаршируютъ въ парадъ, какъ посмотришь — преобразились уже въ свѣшскихъ щеголей.“

— „Я совсѣмъ не слѣдую эшой модѣ!“ — отвѣчалъ Юлій: „не люблю ходишь безъ оружія, какъ впрочемъ ни выхваляютъ наши ученые древній обычай Грековъ и Римлянъ, что въ мирное время у нихъ не видно было меча. Охощничья одежда шакже по мнѣ, Она напоминаетъ наши старинные Нѣмецкіе нравы, когда предки наши ни на минуту не снимали клинка отъ бедра своего.“

„О! и по мнѣ, эшо славное дѣло, молодой рыцарь! А ночью — не правда ли, что вы и ночью кладете шпагу у постели своей?“

И на утвердительный отвѣсъ Юлія, спазлъ онъ уговаривашъ, никогда не оспаивашъ такого похвальнаго обычая, даже и на одрѣ гощепримсшва. „Но было бы еще лучше“ — бормощалъ онъ сквозь зубы — „если бѣ

вы задвигали запоры, шо ешь, всѣ при за-
пора у дверей вашей спальни. Впрочемъ, ко-
нечно“ — прибавилъ онъ: — „кто-какъ при-
выкъ, и васъ нѣчего учинишь, шакого молодца.
Ну, теперь на охоту!“

На дворѣ замка ожидалъ Вильдека его
конюхъ съ гордымъ Абдуломъ, а подлѣ него
сшоялъ оцашь вчерашній спарый егеръ, и
держалъ за узду шакого же спраннаго воро-
наго коня, на какомъ примчался наканунѣ;
шолько эшопъ былъ конь богато и по спа-
ринному убранъ.

„Вашъ, выбирайте!“ — сказалъ Полков-
никъ. — „Ваша лошадь вѣрно усшала, а мо-
ихъ вы не побойшесь. Онъ взрощены здѣсь
въ горахъ, и даромъ что уродливы, за шо
крѣпки и быштры, но что значашъ эшо для
шакого славнаго вздока, каковъ Графъ Юлій
Вильдекъ, когда мнѣ, спарому инвалиду, каж-
дый день ихъ выгоняюшь!“

Юлій вспрыгнулъ проворно и легко на
брыклявое живошное, и вскорѣ укрошилъ его
шакъ, что когда спускались они въ долину,
Полковникъ закричалъ ему:

„Александромъ бы должно было назвашъ
тебя, славный юноша, пошсму что эшопъ
дикій звѣрь подъ шобою сшопишь какого ни-
будь Буцефала. Но, правда, вѣдь и Юлій
знаменишый завоевашель свѣша, и для жен-

щинъ, можешь бышь, гораздо милве. Bravo, Юлій, bravo! но-шо доспанешся ошь насъ кабанамъ.“

. Кабанамъ досталось, и вообще поохотились они славно, какъ слѣдуешь рыцарямъ; домой возвратились уже поздно вечеромъ. Цѣлый день Полковникъ былъ веселъ и обращался съ Графомъ подружески, но когда вѣчли уже назадъ въ замокъ, онъ все спановилъ щипсе и пинсе. Лишь шолько взонли на лѣспиницу, онъ извинился передъ госшемъ, что въ вшопѣ разъ не можешь съ нимъ ужинашь, ошь большой успалосни. Тупъ пошелъ спарикъ въ свою комнашу, кошорую, къ величайшему изумленію Графа, не шолько заперли изнутри, но и снаружи — шрѣмя большими запорами. Объ вшомъ постарался спарый, уродливый егеръ и, когда кончилъ свою работу и попробовавъ, шочно ли замки крѣпко заперлись, шогда пошелъ прочъ, вздыхая и покачивая головою.

Такая предосторожность самого хозяина зашавила Юлія подумаць о шомъ, шчѣ говорилъ онъ ему поушру; но все не могъ онъ рѣшиться задвинуть запоры — вшо казалось ему шрусосшію. Отпустивъ слугу своего, онъ шолько заперъ дверь на замокъ, однако ложась, былъ уже не въ шакоемъ расположеніи

духа, какъ вчера, и довольно поворочался на своей постели, прежде нежели уснулъ.

Вдругъ, около полуночи, разбудилъ и испугалъ его какой-то странный шумъ. Ему показалось, какъ будто выломали какую-нибудь дверь. — Разбойники? подумалъ онъ: но какъ имъ забраться въ замокъ, окруженный рвами и высокими стѣнами? Къ тому же ночной сторожъ на дворъ покойно шрубилъ въ свой рожокъ, и покрикивалъ; ночь была лунная; собаки молчали. — Юлій легъ опять, закутавшись въ одеяло.

Тутъ послышалось, что кто-то ощупью взбирается, по улитковой лѣшницѣ къ нему наверхъ. Юлій схватился за свою шпагу. У дверей комнаты, забренчала кто-то большою связкою ключей и слышалъ спущать объ замокъ — потомъ ключъ медленно повертывался уже въ замкѣ.

„Кто шумъ?“ закричалъ Юлій, — накинулъ на себя плащъ и вскочилъ съ обнаженной шпагою въ рукѣ. — Ошвѣша не было.

„Кто шумъ?“ закричалъ онъ опять — За дверью послышался глухой, хриплый смѣхъ.

Дверь сдвинулась медленно, со скрипомъ расшворяясь, и въ легкомъ мерцаніи свѣта, бросаемаго луною, сквозь размаляванныя окна, показался высокій мужчина, въ разо-

рванномъ плащѣ — съдые включенные волосы, на лицѣ дикость, въ правой рукѣ длинный предлинный ножъ. Ужасный человѣкъ хохоталъ силымъ, медлищельнымъ голосомъ, и шелъ прямо на Юлія.

„Чего ты хочешь отъ меня?“ сказала Графъ, держа передъ собою шпагу. „Стой и ошвчай, а не по напкнешься на клинокъ.“

— „Клинокъ! чшо мнѣ клинокъ!“ — бормоталъ шарикъ, и глухіе звуки словъ какъ бы выходили изъ глубокаго подземельнаго свода. „Прочь съ твоимъ клинкомъ. Я долженъ тебя заръзать! — выпустишь твою молодую кровь. Не шевелись, говорю я тебѣ; стой смирно, такъ не будешь и больно — все кончу съ одного маха — мой ножъ славно нашоченъ.“

И шущъ нагнулся онъ, какъ будшо желая подвернуться подъ шпагу Юлія, и мвща ошпріемъ ножа прямо на его грудь.

„Чудовище!“ закричалъ юноша въ испу-
пленіи ужаса: „Кто ты? Не драконъ ли испнупленный? Прочь, прочь, именемъ Спасителя! или я развою обнаженный швой черепъ!“

— „Драконъ! драконъ!“ заревѣлъ ужасный человѣкъ ошшупивъ, и вдругъ, повернувшись къ дверямъ, побѣжалъ прочь. Сильно бросилъ и хлопнулъ онъ дверью; съ глухимъ воемъ,

прыгая и падая, полещьль внизъ по улишко-
вой лѣстницѣ.

Юлій, оставшись одинъ, заперъ шеперь
дѣйствительно тройнымъ запоромъ дверь
свою; но эшимъ не избавился ужаса, отъ кошмо-
раго шрепещали въ немъ всѣ члены. Уедине-
нiе, при слабомъ освѣтѣ луны, наводило
на него еще болѣе страха, такъ, что онъ
боялся помѣшаться въ умѣ. Тушъ прекло-
нилъ онъ колѣна и началъ усердно молишься;
душа его облегчилась; мрачныя мысли скоро
его оставили; онъ погрузился опять въ мяг-
кiй пуховикъ, и заснулъ сладко, какъ дитя
въ объятiяхъ матери.

На другой день разбудилъ его спукъ у
дверей и крикъ его конюха. Солнце было
уже высоко; задвинутыя запоры доказали
ему, что онъ не грезилъ. Онъ отперъ дверь,
и вошедшiй сауга сказалъ:

„Вамъ вѣрно по же мѣшали ночью Г.
Рошниспръ? Увѣрюшъ даже, будшо онъ
былъ въ вашей комнашѣ.“

— „Кшо шакой, Францъ?“

„Кто? Сумасшедшiй! Онъ цѣлую ночь
бродилъ по замку. Однажды спучался онъ и у
моей двери. Когда же опощель, я посмотрѣлъ
въ замочную щелку. Въ длинной галлерей
было очень свѣтло. Тамъ сидѣло, скорчась,

спрашилице, и съдые космашые волосы висѣли по вискамъ и лицу. Но я узналъ испасканный зеленый плащъ, и голову свою прозакладую, что это не кто другой, какъ старый, прошивной егеръ, кошорый скокомъ и лепомъ мчался впереди насъ, какъ угорьный. Въ цѣломъ домѣ ни ошъ кого не добыюсь я на шо ошвѣта, однако я точно узналъ плащъ его, а при томъ эпошъ спаричишка съ самого начала не понравился мнѣ. Ахъ, сударь, неужли мы еще долго здѣсь оштанемся!”

— „Я ошпущень всего только на три недѣли“ — ошвѣчала Юлій медленно и задумчиво. „Впрочемъ, не знаю — можешъ бышь, мы и скорѣе уведемъ. Надъюсь однако, Франць“ — продолжалъ онъ, повывсивъ голосъ: — „что шы не прусишь.“

Вѣрный слуга, находившійся издавна при Графѣ и облагороженный его обращеніемъ, ошвѣчала съ улыбкою приспыженности: „Помилуй Господи! чего шумъ прусишь!“ и Юлій пошелъ внизъ, ошвѣдомившися о здоровѣ хозяина.

Подошедь къ дверямъ, увидѣлъ онъ, что, онъ расшворены насшежъ и запоры, изломанные, лежащъ на полу. Юлій ошановился въ размышленіи объ эпош спранныости, а между

лѣтъ вышелъ Полковникъ, блѣдный какъ смерть, но съ кропкою улыбкою на лицѣ.

„Вамъ помѣшали спать въ эту ночь — не правда ли?“ спросилъ онъ:

— „Да!“ отвѣчала Юлій.

„Ну вотъ, любезный Графъ, я вѣдь предостерегалъ васъ. У насъ въ замкѣ есть сумасшедшій шарикъ, на котораго именно въ это время года находятъ величайшее бѣшенство, и, къ сожалѣнію — какъ вы видите — самые крѣпкіе запоры не могутъ противостоять его силѣ. Лучше, думаю, если вы поспѣшите меня въ другой разъ, потому что, признаюсь вамъ, я не считаю васъ ошъ него безопаснымъ — а удалитъ его, при всемъ помѣ, я никакъ не могу. Повзжайте, любезный Графъ, повзжайте домой!“

„Развѣ я вамъ въ пятюешь?“ возразилъ Юлій, оскорбась: „иначе, я совсѣмъ не люблю бѣгашъ ошъ опасностей, и даже для самыхъ эшихъ опасностей попрошу васъ позволить мнѣ дня два здѣсь ошанься.“

— „Храбрый юноша! настоящій Вильдекъ!“ воскликнулъ Полковникъ. „Тебѣ я не могу ни въ чемъ ошказашъ. Ошанься.“

Шарикъ обнялъ его въ умиленіи. Въ это время сходилъ съ лѣшницы чудный, израненный егеръ, и подошедъ, сказалъ, съ грозною на лицѣ миною:

„Слышала я, что здесь даютъ намѣки, будто я въ эту ночь бѣсновалась и помѣшала гостямъ спать. Эй, господинъ Полковникъ, прошу васъ, осперегайтесь меня!“

Рубцы лица его спрашно подергивались и кривлялись. Онъ прошелъ мимо, а Полковникъ, примѣтно встревоженный, поспривалъ на него скоса, и выждавъ, пока онъ ушелъ, сказалъ Графу:

„Я долженъ щадить его, потому что многимъ ему обязанъ. Прошу васъ, любезный Графъ, забудьте все это; не станемъ говорить о томъ больше.“

Тутъ запробилъ онъ въ рогъ, который былъ у него въ рукѣ. Собралось множество егерей; въ томъ числѣ и старикъ съ рубцеватымъ лицомъ — явился, какъ ни въ чемъ не бывалъ. Всѣ, многочисленною шлопою, ошправились на охоту.

Звѣрь заманилъ Графа далеко черезъ горы и долины, и вдругъ слѣдъ его пошеряся. Упомленный Юлій прислонилъ ружье къ дереву, и самъ слѣдъ подъ нимъ, въ высокую шраву.

Едва проникающіе сквозь густыхъ вѣшвей лучи солнца, колыханіе листьевъ и шешаніе въ нихъ вѣшерка, крики ошлешаю-

щихъ пшницъ высоко подь осеннимъ небомъ, цвѣтшимъ шуманомъ задернутымъ — все погрузило душу юноши въ уныніе, которое онъ узналъ съ самыхъ раннихъ дней своей жизни. Какъ часто и среди радостныхъ игръ, щеки ребенка орошались слезами, ни для кого непонятными! И теперь на свѣтлыхъ глазахъ Юдія блискали слезы.

„Можешь бышь“ — говорилъ онъ въ самомъ себѣ: „можешь бышь, тогда еще шайлось въ моемъ сердцѣ предчувствіе, какъ шягостно для него будешь хранишь безнадежную вѣрность.“ Онъ закрылъ обѣими руками лице и прошепталъ со вздохомъ: „Розаура!“

Вдругъ, не вдалекъ отъ него, раздались звуки цитры, и онъ явственно услышалъ слѣдующія слова, хотя, казалось, сильныя рыданія перерывали ихъ:

Вильдекъ, храбрый ты воинъ
Вильдекъ — храбрый ловець!
Ты лучшаго жребья достоинъ
И малъ для себя сей ловишвы вѣнецъ!

Чшо въ горахъ ты блуждаешь?
Чшо задумчивъ, уныль?
О предкахъ ли ты вспоминаешь?
Нѣшь! предковъ, несчастно погибшихъ, забыль.

Сколько разомъ ихъ пало
Жершвой месши лихой!

Бѣги — шушь и храбрости мало:
Ружье не спасешь, ни швой мечь боевой!

Опять все упихло. Юлій не зналъ, во снѣ онъ или наяву. Извѣстно ему было древнее преданіе, какъ предки его, мужчины и женщины, сгорѣли всѣ въ собственномъ своемъ замкѣ, Богъ знаетъ, откуда взявшимся огнемъ, и шолько его прапрадѣдъ, еще будучи ребенкомъ, спасся неизъяснимымъ образомъ, и опъ него-шо пошла опять опрасль эпого благороднаго племени. Но кому же знашь о шомъ здѣсь? Кто могъ предостереганъ его? Или, можешъ бышь, это просшо, народная пѣсня, какимъ нибудь случаемъ сюда занесенная? но голось прерывался рыданіями! И ахъ! эшошъ голось звучалъ шакъ сладосшно, шакъ пріятно!

Опять послышался онъ, и пѣлъ:

Идешъ убійца шпороной.

Ты спросишь: кто убійца злой?

Ахъ, Вильдекъ, я убійца швой!

Въ негодованіи, вскочилъ Юлій на ноги и схватился за свой охотничій ножъ. Ему вспаль на умъ гнусный егеръ. „Но глупецъ“ — думалъ онъ опишь: „вѣдь эшо голось женщины. Навѣрное поюшь въ здѣшней шпороной эшу пѣсню, по преданію о несчастіи моимъ

предковъ. Но откуда эти милые, какъ будто знакомые звуки. „Ахъ, Розаура!“

И онъ оляшь сълъ подь деревомъ, и закрылъ пылающее лице руками.

Вдругъ зашумѣло въ правъ подлѣ него, и вѣшви дерева закачались, и шорохъ листвѣвъ какъ будто осперегалъ его. Онъ вскочилъ. Ружье, которое пославлено было у дерева, исчезло.

Въ досадѣ смотрѣлъ онъ вокругъ; не было видно никого. „Хорошъ, я охотникъ!“ говорилъ онъ насмѣшливо въ самомъ себѣ: „Теперь безъ ружья! А эщо ружье было любимое покойнаго, никогда не виданнаго мною опца моего. Но во что бы ни спало, я долженъ ошыскашь его, и — клянусь честію — пока не найду, не выйду изъ вѣшихъ чудныхъ горь.“

Быспрымъ взоромъ, свойспвеннымъ ему какъ воину и какъ охотнику, прониклъ онъ сквозь густыя вѣшви деревъ, и между спволами ихъ, вдоль по правъ — замѣшилъ легкій сѣдъ маленькой ноги. „Боже!“ сказалъ онъ съ шайнымъ содроганіемъ: „шакъ женщина похишила у меня мое оружіе!“

Мужеспвенно пошелъ онъ по проложенному, едва замѣшному пуши, и вскорѣ, прошедъ рощу, увидѣлъ не вдалекѣ спаринныя, неровныя спѣны замка, и — если не обманывало

его зрѣніе — шого самаго, мимо котораго вхалъ онъ вечеромъ съ уродливимъ егеремъ.

Въ то время, какъ онъ о томъ разсуждалъ, вдругъ слезлъ съ него охошничій каршузъ; пуля просвиспала мимо головы его и ударила въ ближайшее дерево. Невольно покачнулся онъ, не зная самъ, получилъ ли рану или нѣтъ. И пушъ ужасно зацѣлъ женскій голосъ:

Ты спросишь: кто убійца злой?
Ахъ, Вильдекъ, я убійца швой!

Юлій пришелъ въ себя; пуля прострѣлила только его каршузъ. Онъ надвинулъ его опять себѣ на голову, и выхватилъ свой охошничій ножъ.

Вдругъ предстала ему женщина съ его собственнымъ ружьемъ въ рукѣ. Было, какъ снѣгъ, было ея одѣяніе; черны, какъ смола, по волѣ въпра носящіяся, длинные волосы; мушныя глаза крушились и прыдали. — „О небо, нѣтъ сомнѣнія! Это была Розаура.“

Страшно грозила она ружьемъ; попомъ бросила къ ногамъ его и зацѣла:

Ахъ, Вильдекъ, я убійца швой!

Нѣсколько женщинъ выбѣжали шоропливо изъ ближняго кустарника, накинули на Розауру шонкія покрывала и повели прочь.

Когда Юлій услышалъ горькій плачь своей возлюбленной, онъ закричалъ въ испугѣ:
„Что дѣлаете вы съ нею?“

— „Будьте покойны, Графъ Вильдекъ!“ отвѣчала ему шепка Розауры, которую только теперь узналъ онъ между другими женщинами: „Двѣницъ Гальденбахъ не сдѣлаютъ ничего дурнаго; она въ самыхъ лучшихъ рукахъ; а вы — если хотите оказать большую для нее услугу — по удалитесь какъ можно скорѣе, и никогда ни слова не произнесите о томъ, что съ вами случилось въ этихъ горахъ.“

Она скрылась, поклонившись ласково и серьезно. Юлій поднялъ ружье свое и пошелъ въ мучительномъ недоумѣннѣ. Но не скоро могъ онъ найти обратный путь въ замокъ Финшерборнъ.

Уже смеркалось, когда нашъ заблудившійся охотникъ, преодолевая большія трудности, взвзвалъ на высокую гору, которой вершина блистала еще отраженіемъ послѣдняго луча заходящаго солнца. Оштуда надѣялся онъ увидѣть какую нибудь пропущенную башню. На горѣ нашелъ онъ человека, сидящаго къ нему спиною, на самомъ краю скалы, спустивъ ноги къ глубокой пропасти.

*

Боясь, чѣтобъ внезапнымъ пришествіемъ не испугашъ незнакомца, копорый въ такомъ случаѣ легко могъ свалиться въ бездну — Юлій остановился. Когда пошъ оглянулся, онъ узналъ въ немъ ужаснаго егеря.

Топчасъ егеръ поднялся на ноги, почтительно поклонился, и пошелъ прямо къ Юлію. Молодой Ромистръ смутился, видя себя одного съ эшимъ спрашнымъ челоѣкомъ, на краю высокой, ушесисшой скалы. Егеръ вѣроятно замѣшилъ што; онъ улыбнулся и сказалъ:

„Не превожьтесь, Графъ, и не считайше меня сумасшедшимъ. Мой господинъ называется Гальденбахъ, съ прозвищемъ Мордбрандъ, и онъ-то сумасшедшій. Не подумайше, чѣтобъ я говорилъ въ безумствѣ — нѣтъ! я все раскажу вамъ по порядку. Не угодно ли вамъ сѣсть подлѣ меня, пошому чѣто я очень успалъ.“ — И онъ сѣлъ по прежнему на краю бездны: „даи ежели вы опаѣаетесь, то стойше, но не поставьше въ вину мнѣ, спарикку, мою неучпивость.“

Юлій, копорому одна мысль о пошѣ, чѣто могущъ сомнѣваться въ его безспраши, была ужаснѣе всѣхъ опасностей въ свѣтѣ, сѣлъ въ шу же минушу подлѣ егеря, копорый началъ говорить шакъ:

, Льшь за пять сошь, благородные Графы Вильдеки славно пировали, подь осень въ своемъ прародительскомъ замкѣ. На одинъ изъ пировъ съѣхались они всѣ съ женами и дѣшьями; ожидали шолько еще къ полной своей радости, союзнаго себѣ рыцаря, котораго звали Гальденбахъ. Но рыцарь Гальденбахъ былъ уже давно въ замкѣ — шолько они шого не знали. Онъ скрывался подь сводами замка, куда пробрался скрышными пущями. Дѣло въ шомъ, чшо одна изъ дѣвиць фамилии Вильдекъ ошвѣчала холодношю на пламенную любовь его, и онъ зашѣвалъ, въ наказаніе, предашь наспопящему пламени все, чшо носило имя Вильдека. Подь всѣми ворошами и лѣшницами, гдѣ не было спорожевыхъ, подложилъ онъ огонь, и всѣ Вильдеки сторѣли, съ женами и дѣшьями, исключая одного мальчика, котораго вынесла кормилица на свѣжій воздухъ подышашь прохладою вечера. Эшомъ мальчикъ былъ швой прародитель, юный герой! Между же погибавшими Вильдеками находился шарикъ-вѣщунъ. Шшой, весь въ пламени, на послѣдней изъ валящихся башень, пѣлъ онъ шяжкое предрѣченіе. Въ закланіяхъ своихъ на весь родъ Гальденбаховъ прорицалъ онъ, чшо всѣ потомки ихъ будушъ въ каждые полгода по шри недѣли сумасшедшими — не знаю, какое шайное отно-

шеніе душъ могутъ имѣть именно эти числа! — и что это должно продолжаться, пока хоть одинъ Вильдекъ будетъ жить на свѣтѣ. Потомъ — но послѣднія слова развѣяны вѣтромъ, или пресступникъ Гальденбахъ, сидѣвшій вблизи на скалѣ, не слыхалъ уже ихъ въ тоскѣ, раздиравшей его совѣсть. Съ тѣхъ поръ, два раза въ году и по при недѣли сряду, всѣ Гальденбахи дѣлаются бѣшенными ночью и даже около вечера. Даже прекрасная дѣвица Розаура впадаетъ въ это наследственнае бѣшенство! Потому-то и пробѣжалъ я съ вами такъ тихо мимо ея замка. Избави Господи видѣшь этого ангела въ жестокихъ исхязаніяхъ болѣзни!

— „Что жъ, если бѣ умеръ послѣдній Вильдекъ?“ прошепталъ Юлій и наклонился къ безднѣ.

„Вспомнише, Графъ, что вы Христіанинъ?“ сказалъ старикъ торжественнымъ голосомъ, и Юлій, вскочивъ, оставилъ свое опасное свидѣніе.

— „Но почему знаешь ты все это?“ спросилъ онъ, подумавъ. „Почему тебѣ извѣстно это, старикъ?“

„Полковникъ Гальденбахъ“ — отвѣчалъ егеръ: „бывши однажды со мною на этой скалѣ, впалъ внезапно въ свое бѣшенство и

сподкнулъ меня въ пропасть; ошь этого лице мое все такъ разсѣчено и исцѣрзано. Послѣ, въ грызенияхъ совѣсти, признался онъ мнѣ во всемъ. Какое-то темное преданіе дадо роду его прозвище Мордбрандъ, не смотря на то, что сами Вильдеки не знали, кто былъ причиною ужасной гибели ихъ прародителей. Господинъ мой, въ огражденіе себя, не разъ уже выдавалъ между людьми, будучи я тогда бѣшеный, который дѣлаетъ по ночамъ превогу въ замкъ — по какому-то инстинкту, онъ всегда въ это время беретъ даже мое плащье. И вошь, что побудило меня осперечь васъ. Графъ Вильдекъ, и спасши собственную честь свою.“

— „Однако я все таки пойду ночевать въ замокъ Финстерборнъ; проводи меня туда!“ — сказала Юлій.

„Всякому своя воля!“ отвѣчалъ егеръ, и пошелъ впередъ.

Они встрѣнили множество слугъ и егерей, конныхъ и пѣшихъ, которые все осправлялись искашь Полковника. Онъ уже былъ дома, передъ вечеромъ, но пошомъ вдругъ пропалъ; никто не зналъ, куда онъ дѣлся; боялись, чтобы въ бѣшенствѣ не забвдалъ онъ къ асидчему. Юлій, чувствуя

себя слишкомъ упомленнымъ приключеніями этого дня, не захотѣлъ воропиться для поѣсковъ, а отправился съ егеремъ прямо въ замокъ; но пришедши туда, нашли они его почти совсѣмъ пустымъ. Въ его мрачной комнатѣ горѣла только одна свѣча. Начавъ раздѣваться передъ зеркаломъ, замѣнилъ онъ въ немъ, что стоящій позади конюхъ его вдругъ поблѣднѣлъ, будто чего-нибудь испугался. „Что съ тобою, Францъ?“ спросилъ онъ. Вѣрный слуга, вмѣсто отвѣта, показалъ на темный уголокъ комнаты, въ которомъ навѣшенные, по древнему обычаю, отъ карниза до полу шпалеры двигались. Юлій схватилъ свою шпагу и хотѣлъ броситься туда. — „Бога ради!“ шепталъ Францъ, удержавъ его за руку: „не прогайте! мнѣ сдается, не сидишь ли тамъ бѣшеный.“

Хрипавый хохотъ и шопотъ за обоями подтвердилъ опасеніе слуги, и Юлій, вслушиваясь, разобралъ довольно внятно слова:

„Да, да, здѣсь сидишь старый, бѣшеный Мордбрандъ, и спережешь послѣдняго Вильдека. Ложись только спать, молодчикъ!“

Въ испугъ, видъ себя, бросился Юлій вслѣдъ за слугою своимъ, захлопнулъ дверь и замкнулъ ее; потомъ спросилъ своихъ лошадей. Старый егеръ стоялъ на дворѣ и по-

хвалялъ намѣреніе Графа. Ему сказалъ Юлій, гдѣ можешь онъ найши ужаснаго своего господина, и, вспрыгнувъ на коня, помчался вонъ изъ замка.

Провѣзжая мимо замка Розауры, слышалъ онъ пѣснь, ея жалобное смущенное пѣніе.

(Окончаніе впереди.)

II.

Ф И Л О С О Ф И Я.

О Т Р У Д Ъ.

(Изъ Дежерандо.)

Мы видимъ, что трудъ есть необходимое условіе, которому подчинены почти все люди безъ изъятія, что онъ наполняетъ собою большую часть ихъ жизни, и пошому невольно влечемъ къ размышленіямъ о предметѣ, столь тѣсно сопряженномъ съ нашимъ земнымъ существованіемъ. — Сіе зрѣлище столь многихъ усилій и занятій, составляющихъ общую обязанность всѣхъ людей, пробуждаетъ, при первомъ взглядѣ, чувство горести въ душѣ Философа, любящаго

человѣчество. Замѣчая все однообразіе, всякающуюся бесплодность для ума и сердца оныхъ занятій, сплюснутыхъ шакъ много пошла, онъ съ изумленіемъ вопрошаетъ себя, точно ли существо, которое онъ видитъ согбеннымъ къ землѣ или шрудящимся въ мастерской, съ усиліемъ дѣйствуя механическими орудіями, точно ли оно есть оное безсмертное существо, котораго происхожденіе ему казалось споль благороднымъ, а назначеніе споль возвышеннымъ; — онъ съ ужасомъ нѣкошораго рода вопрошаетъ себя, какимъ образомъ шакой порядокъ вещей можно согласишь съ достоинствомъ нашего естества, какимъ образомъ для множества подобныхъ намъ, какъ бы обреченныхъ такимъ положеніемъ на низкую жизнь живописныхъ, можешь существовать поприще нравственнаго усовершенствованія, которое должно было бытъ отверсно для всѣхъ; — онъ съ ужасомъ вопрошаетъ себя, не увлекся ли онъ пріятною, но обманчивою мечшою, составивъ себѣ споль высокія понятія о намѣреніяхъ Провидѣнія въ разсужденіи чловѣка. —

Ныщъ! онъ не ошибся въ мысляхъ своихъ, касательно назначенія и достоинства чловѣческаго и надеждъ на возможное улуч-

щеніе. Если разсмаширивашъ шрудъ во всеѣ обширности его дѣйствій, то онъ нимало не помрачаешъ мудрости намѣреній Провиднїя, но напрошивъ служишь къ подтвержденію оной.

Человѣкъ на землѣ находящїяся въ безпрерывномъ соприкосновенїи съ неодушевленною природою: это справедливо. — Онъ зависитъ ошъ нее въ разсужденїи своихъ главѣйшихъ нуждъ: это справедливо. — Онъ подчиненъ ей чрезъ впечатлѣнїя чувствъ: это также справедливо. — Онъ долженъ нидойти къ ней чрезъ шрудъ; но въ семъ случаѣ онъ уже покоряешъ, преодолаваетъ, преобразуешъ ее. Силы, разсѣянныя въ воздухѣ и водахъ, сокрытыя въ нѣдрахъ спихїй, подчиняешъ онъ своей власши для того, чшобъ управляешъ ими по произволу, чшобъ употребляешъ ихъ въ свою пользу, чшобъ соорудити на землѣ сіе необозримое зданїе, воздвигаемое искусствами и образованностию для человѣческаго общесства, какъ мѣсто его жительства. — Если мы будемъ имѣть въ виду одни такія послѣдствїя, одни такія соображенїя, то и тогда уже безвѣстный шрудъ проспаго лица явшїя намъ совершенно въ новомъ образѣ. — Но предъ нами открываются гораздо важнѣйшія дѣйствїя.

— Изъ ядра довольства, всеобщаго благоденствія, порожденнаго успѣхами труда, изливаешь свѣшь познаній; множество нравственныхъ дѣйствій возникають изъ развитія, получаемаго обществеными связями; усиленіями и попомъ великаго числа людей доставляешь нѣсколькимъ сей кажущійся досугъ, копорый обращаешь въ полезныя размышленія; плоды сихъ размышленій, въ свою очередь, будешь служить нравственной пищею для шодпы трудолюбивыхъ людей и средствомъ къ ихъ улучшенію и счастью. При надлежащемъ вниманіи мы увидимъ, что такимъ образомъ каждый, производя посредствомъ труда необходимое для своей физической жизни, содѣйствуетъ посредственно къ заготовленію шого многочисленнаго запаса полезныхъ знаній, копорыя хопя и выше его, но въ копорыхъ онъ долженъ участвовать различнымъ образомъ.

И шакъ въ обширной системѣ устройства и движенія гражданскаго общества, все относяща къ труду: онъ есть великій и сильный рычагъ, посредствомъ копораго человекъ движеть и располагаетъ природою; онъ есть источникъ общаго богатства. Уже въ шемъ первомъ отношеніи, трудъ, какого бы рода онъ ни былъ, приобретаетъ важность, ибо

составляетъ силу, и даже часто восходитъ въ достоинство добродѣтели; спановишься выполненьемъ всеобщаго долга и превращаешься въ дань, плашиму обществу, которому мы обязаны своимъ состояненьемъ.— Мы привыкли искашь добродѣтели въ дѣянiяхъ чрезвычайныхъ и блеснящихъ; въ вещахъ, выступающихъ изъ общаго и всегдашняго порядка. Спанемъ признавать ее и въ дѣянiяхъ самыхъ обыкновенныхъ, если оныя входяшь въ составъ намѣренiй Провидѣнiя въ разсужденiи нашего назначенiя. Осмѣлимся надѣяться, что она можешь проникнуть въ самую сущность души нашей, учинишься для насъ нѣкошораго рода дыханеньемъ! Не дозволимъ, чтобы предразсудки самолюбiя препяшпствовали намъ признавать добромъ то, что дѣйствительно таково. Такъ! прудъ есть добродѣтель (*). Эта мысль успокоиваетъ, ра-

(*) Здѣсь Сочинитель разумѣетъ подъ прудомъ вообще употребленiе шѣлесныхъ и умшвенныхъ силъ, на совершение полезныхъ и нужныхъ дѣлъ. Такое упражненiе человека дѣйствительно способствуешь къ тому, чтобы пишашъ добродѣтель, то есть, постоянное расположение разумнаго существа, исполняешь обязанности къ Богу, къ самому себѣ и ближнему, по правиламъ, предписываемымъ намъ закономъ ешественнымъ или совѣщiю, и закономъ Ошкровеннымъ, или Вѣрою.

дуетъ сердце мудраго; она чрезвычайно благоговорна; она совершенно измѣняетъ почву зрѣнія, съ кошорой предъставляется судьба чловѣка въ семь мѣръ. — Дѣйствительно, мы видимъ добродѣтель, кошорая составляетъ достоинствѣ всѣхъ, и преимущественно естъ удѣлъ самыхъ многочисленныхъ, самыхъ низкихъ, необлагодѣтельствованныхъ счастьемъ сословій — добродѣтель, кошорая на общее благо посвящаетъ такъ много усилій безвѣстныхъ и споль дурно вознаграждаемыхъ мѣрскимъ воздаянѣемъ, и кошорой, за спольщеніе общему благу плашится пренебреженіемъ — добродѣтель, кошорая занятія, по видимому, совершенно матеріальнымъ, сообщаетъ нравственный характеръ, — добродѣтель, изъ кошорой происпекаетъ существенная заслуга для дѣланій, наполняющихъ цѣлую жизнь нашу, для дѣланій, къ выполненію кошорыхъ мы были бы принуждены уже и одною необходимостію. Первая предписываетъ намъ по же, что и послѣдняя, но пребуетъ побужденій важныхъ и полезныхъ. Самый рудокопъ, кошорый погребенъ во глубину земли и, кажется, будто прещерпываетъ наказаніе, а не ремесломъ занимается, самый рудокопъ сей, говорю, видишь, что его существованіе оживляется,

украшается. Сдѣтъ, чистѣйшій того, кошорого онъ лишенъ въ своихъ подземельныхъ пещерахъ, блещешь предъ взорами его; онъ съ веселіемъ снова принимается за шяжкое орудіе, кошорое почши вынадало изъ изнемогающихъ рукъ его; онъ говоритъ себя: „я также выполняю свашій законъ, данный каждой пвари. И моя жизнь есть искусство для возвышеннѣйшаго назначенія!“ — Сія необозримая масщерская, въ кошорой совершается споль много мирныхъ и незамѣчаемыхъ работъ, превращается, шакъ сказать, въ храмъ, въ кошоромъ раздаются звуки всеобщаго пвнія, — пвнія покорности къ верховнымъ успавамъ. Человѣкъ съ справедливою величавостію можешь поднять чело свое, склоненное къ землѣ, его попомъ орошенной. — Тварь Божія не должна дозволять сердцу своему унывать, а мужеству ослабывать. Рукою ея не само ли швореніе украсилось, въ нѣкошорыхъ отношеніяхъ усовершенилось, привелось къ цѣли, назначенной Творцемъ? Не сооруженію ли великаго зданія гражданскаго обществва содѣйствоваль человекъ? Какая шайная награда скрыта подъ непріятною наружностію! Сія побѣда, одерживаемая нмъ надъ вышшею природой, спавишился образомъ и знаменованіемъ шой му-

дрей и возвышенной побѣды, которую онъ долженъ одержать надъ своими чувствами и спрасьями; и первая уже приугововляетъ, приучаетъ его къ послѣдней.

Трудъ заключаетъ въ себѣ нравственную шайну, шайну глубокую и важную; будучи разсмашириваетъ шолько въ часпномъ опшошеніи, онъ есть средство къ основательному воспитанію, и нуженъ для каждаго изъ насъ.

Человѣку необходимо постоянное и правильное упражненіе: оно предупреждаетъ безпорядокъ, который породила бы неперпѣливая пошребность движенія въ соединеніи съ невѣрностью онаго; оно освобождаетъ его отъ бремени скуки; преиашшвуешь силамъ его цѣпенъшь, уклоняешь и, можешь быть, взаимно ишпребляешь; слѣдовательно оно поддерживаетъ бдишельность, руководшвуя оную, охраняя ее отъ ложнаго направленія. Трудъ покоряетъ чувства, подчиняетъ ихъ спасительному порядку, призываетъ ихъ къ насшоящимъ обязанностямъ, показывая, что они не суть шолько средства для наслажденій; но преимущественно органы для дѣйствій, орудіе для полезныхъ дѣлъ. Онъ есть училище воздержанія и умѣренности. Упраженіе и занятіе предупреждаетъ, укрощаетъ

бури воображенія, разсвѣчаютъ безплодными заблужденіями, отклоняютъ пустыя мечтанія; приводятъ къ сущестственности, возвращаютъ силу и власть назиданіямъ практики. Они непрерывно изоцряютъ вниманіе прилежаніемъ, кошораго требуютъ; они приучаютъ къ постоянству, точности, порядку; они принуждаютъ насъ вникать въ тайны духа порядка (*esprit de l'ordre*) и духа соображенія (*esprit de suite*)—тайны столь важныя для всѣхъ нашихъ поступковъ въ обществѣ. Трудъ окружаетъ хранишельными оплотомъ желанія, коихъ необузданная спремительность не могла бы быть достаточно предупреждена разумомъ; онъ, такъ сказать, заключаетъ ихъ въ шемницу, и такимъ образомъ помогаетъ мудрости сохранять умѣренность, а вмѣстѣ съ нею внутренній миръ, равновѣсіе способностей и здравіе души.

И такъ, хранимый трудомъ и приобретаемыми черезъ него правильными навыками, человекъ наслаждается болѣею безопасностью. Онъ лучше защищенъ отъ спрасей, кошорыя можно назвать блужденіемъ и бродяжничествомъ (*vagabondage*) склонностей. Трудъ служитъ убѣжищемъ для его слабости, лекарствомъ для изнѣженности. Принужденный безпрестанно управлять собою во всегдашней борьбѣ съ трудностями, подверга-

ясь лишениамъ, и изъ всѣхъ лишениій самому для него тяжкому—лишенію свободы,—человѣкъ съ каждымъ днемъ укрѣпляется чрезъ упражненіе, и стѣмъ болѣе, чѣмъ оное труднѣе, его воля пріобрѣтаетъ силу; терпѣніемъ онъ снискиваетъ крѣпость, которая дѣдаетъ его способнымъ къ долговременному упорству; онъ научается переносить искушеніе, которое иногда бываетъ труднѣе причиняемаго спраданіемъ: научается переносить скуку. Отъ всего трудолюбивые люди низшихъ сословій, сколь велико ни было бы презрѣніе, по предразсужденію оказываемое нами къ ихъ скромнымъ занятіямъ, обыкновенно ощущаютъ внутреннюю гордость, спокойную, тихую, которой и не подозреваетъ свѣтъ, а поверхностный наблюдатель не открываетъ, но которую хорошо замѣчаетъ снискавшій ихъ довѣренность.

Трудъ есть училище покорности: онъ научаетъ насъ зависимости нашей; онъ напоминаетъ намъ, чѣмъ мы обязаны другимъ; онъ исправляетъ, наказываетъ наше тщеславіе; онъ есть пространное и непрерывное объясненіе шой главной истины, которая жизнь человѣческую именуешь великимъ искушеніемъ и возвышеннымъ приуголовленіемъ.

Поелику трудъ есть самый чистый, самый законный источникъ изъ всѣхъ испоч-

никовъ собственности, по посвятившій себя труду лучше понимаешь, какое уваженіе прилично собственности, и следовательно имѣешь яснѣйшія понятія о справедливости. Онъ привыкаетъ смотрѣть на житейскія выгоды, какъ на заслуженное вознагражденіе. Трудлюбивые люди вообще уважають порядокъ, ибо общественный порядокъ установленъ для охраненія труда каждаго изъ гражданъ, и для обезопасенія приобретенныхъ имъ оныхъ выгодъ.

Выполняя сію скромную, но непрерывную обязанность, (ибо признаемъ трудъ обязанностію), составляемъ мы себя вообще справедливѣйшія понятія о добродѣтели, лучше постигаемъ ея истинную сущность въ трехъ главныхъ отношеніяхъ: мы выполняемъ ее какъ уставъ, служащій къ удерживанію и обуздыванію нашего честолюбія; — мы научаемся, что она независима оныхъ похвалъ людскихъ, и не основывается на мнѣніи; наконецъ мы познаемъ, что она есть вещь обыкновенная, всегда одинаковая, постоянная, что она должна занимать собою каждый день нашей жизни, каждый часъ, каждое мгновеніе, наполняя самую сущность нашего бытія; словомъ, что наша душа должна дышать ею, какъ плѣдо дышитъ окружающимъ

нась воздухомъ. Такимъ образомъ открывається намъ прекраснѣйшее преимущество нашего естества, но естъ, возможность посвятить все существованіе наше долгу, покоряясь свободною и разсудительною волею пому удѣлу, который назначенъ намъ Творцемъ.

Все, сказанное нами о трудѣ, не должно относиться только къ тому труду, который состоитъ въ упражненіи способностей нашего ума. Сіи разсужденія простираются и на трудъ обыкновенный, утомительный, ежедневный, неизбежный, въ которомъ простое дѣйствіе тѣла бываетъ болѣе или менѣе соединено съ напряженіемъ ума. Такъ, напримеръ, они могутъ быть примѣнены къ трудамъ земледѣльческимъ, составляющимъ обычное занятіе самой бѣльшей части человеческого рода. Жизнь земледѣльца естъ истинное нравственное воспитаніе, если только онъ умѣетъ пользоваться тѣмъ, что заключается въ оной назидательнаго, каковы разнообразіе заботъ, на немъ лежащихъ; произведенія, вознаграждающія его усилія; правильность явленій, коихъ онъ бываетъ зрителемъ; различныя обстоятельства, побуждающія его размышлять о полезности порядка, бережливости, предусмотрительности; нужда, которую онъ имѣетъ въ дру-

гихъ людяхъ, даже и въ то время, когда осыпанъ дарами природы; великолѣпныя каршны, непрерывно возобновляющіяся предъ его взорами; вездѣ обрѣшаемыя свидѣтельства благости и мудрости Творца; сія великая гармонія творенія, повсюду являющаяся въ полнотѣ своей. — Впрочемъ всѣ средства къ усовершенствованію дѣйствительны тогда только, когда мы сами хотимъ употреблять ихъ въ нашу пользу: то же должно сказать и о прудѣ. — Здѣсь не для чего разсматривать, точно ли мы извлекаемъ изъ него пользу, имъ представляемую, но какую выгоду мы могли бы получить, если бѣ захотѣли. Сколько назиданій, и какія назиданія! Хотя земледѣлецъ и не въ состояніи дать себѣ яснаго отчета обо всемъ, что прудъ въ себѣ заключаетъ; но по крайней мѣрѣ, онъ будетъ производить на него вліяніе незамѣтное и неопредѣленное, если только онъ не обречетъ себя на совершенно матеріальное существованіе произвольнымъ уничтоженіемъ: отъ него зависишь, смиренную жизнь свою превратишь въ широкое святилище добродѣтели.

И здѣсь также, и въ семь обширномъ кругѣ человѣческой дѣятельности, пруды, полезны всѣмъ, полезны и виновникамъ своимъ.

Если трудъ столь непосредственно и столь различными образами споспѣшествуешь нашему нравственному улучшенію, то можно сказать что добродѣтельные навыки, въ свою очередь служатъ къ сообщенію труду большей удобности и полезности: испи-на и важная, и утѣшительная! Ремесленники, которые съ работою соединяють пѣніе, работаютъ лучше, дѣйствуютъ удобнѣе и живѣе: то же самое можно сказать о трудѣ, къ которому скрытно присоединяется удовольствіе доброй совѣсти: внутреннее сладкозвучіе пѣніяетъ его еще сильнѣе. Какой трудящійся исчисляетъ дневныя изнуренія, если можешь надѣяться, что другой день будетъ для него праздникомъ? Такъ точно и добродѣтель присоединяетъ свои награды къ маловажной работѣ, заслуживаемой потомъ и усидіями: она общаетъ намъ радостное завтра. Время спановится легче, когда умъ ясенъ, а сердце довольно. Совершивъ доброе дѣло, чувствуемъ себя живѣе, сильнѣе, въ лучшемъ расположеніи духа. Спрямность и постоянство, требуемая трудомъ, менѣе тяжкоопны для того, кто во все продолженіе жизни подчинялъ себя порядку и шертанію, чей характеръ правиленъ и умѣренъ. И если таково свойство просныхъ, меха-

ническихъ упражненій, то что надлежитъ сказать о трудѣ, пребывающемъ содѣйствіемъ и душевныхъ способностей? И якакъ одной выгоды нашей достаточнo, чтобы побудить насъ почитать ежедневный трудъ нашею обязанностию, нашимъ долгомъ: ибо, включая его въ кругъ намѣреній Провидѣнія, мы дѣлаемъ тяжесть труда болѣе удобною къ перенесенію, а плоды гораздо обильнѣйшими.

2.

О Я З Ы К Ъ И С Л О В Ъ (*).

Первыя слова челоуѣка состояли изъ неопредѣленныхъ звуковъ, извлекаемыхъ нуждою, страданіемъ, спрасію или радостію. Это крикъ нашей внутренности. Первымъ языкомъ была пантомима (**): доколѣ родъ че-

(*) Изъ Вирей.

(**) Въ семь *опытъ* философическаго разсужденія, подъ первымъ языкомъ не можеть разумѣться первоначальный языкъ Адама, который существовалъ еще прежде сотворенія жены его Евы, не требуя многого времени и труда для своего созавденія и образованія, подобно какъ дарованіе языковъ въ Апостолахъ. Челоуѣкъ получилъ оный вмѣстѣ съ бытіемъ; можеть быти усовершенна.

дочаскій оспавався въ соснойнїи дїкомъ и разсїанномъ, люди могли выразашь ея шолько простыя понятїя и ощущенїя; Въ первомъ языкъ было болѣе пѣнїя, нежели рѣчи. Дикїе поюшъ, шо ешь говоря, разнообразяшъ сїой языкъ множествомъ неопредѣленныхъ ударенїй или измѣненїй голоса. Они выражаюшъ болѣе чувства, нежели мысли, и говоряшъ болѣе сердцу, нежели уму, и пошому должны прибѣгашъ къ физическимъ предметамъ, чшобъ объяснїшъ всѣ ошвлеченности, постигаемыя умомъ. Вошъ, ошъ

его знанїе бестдою Творца, посредствомъ чувшвенныхъ звуковъ, и дополниль ошъ себя по внушенїю ошъ Бога, предопредѣлившаго человека для обще жишїя. *Нареченїе имень зверямъ и птицамъ*, знаменующее мудрость Адама и вмѣстѣ владычество его, принадлежишъ къ первоначальному языку. Здѣсь равнымъ образомъ подъ первымъ языкомъ не разумѣешся одинъ общїй языкъ, копорымъ говорили люди ошъ Адама до самага сполпошворенїя. По яснымъ понятїямъ, какїя намъ даюшъ о существованїи языка Адамова и о первомъ общемъ языкъ рода человеческого Книга Бышїя и лучшїе ея шолковашели, должно заключишъ, чшо Вирей для своего разсужденїя ищешъ первого языка уже въ вѣкахъ послѣ сполпошворенїя между разсїанными и одичавшими племенами: слѣдшвенно сѣй языкъ ихъ, или какихъ либо другихъ еще позднѣйшихъ обшшашелей земли, не можешъ назвашься первымъ въ прїямомъ значенїи сего слова.

чего они такъ часто употребляютъ метафоры, эмблеммы, аллегоріи, дають жизнь вещамъ неодушевленнымъ и прибѣгаютъ къ шрочамъ самымъ сильнымъ, чтобы были понятными. Это даетъ ихъ разговорамъ образъ поэтическій. Не имѣя въ головѣ словъ для изображенія понятій, они ищутъ ихъ внѣ себя; отъ того произошли у Американцевъ выраженія: *трубка (*) мира, стѣкира войны, полъ дружбы*, и множество другихъ. У нихъ все Поэзія. Европейцы хотѣли заславить одно ихъ поколѣніе переселились изъ опечесства: его глава отвѣчалъ: „*какъ можемъ мы оставить эту землю, Нашу мать? Скажемъ ли костямъ нашихъ отцовъ: изыдите изъ гробовъ и слѣдуйте за нами въ страны чуждыя!*“ Когда дикій дружишься съ жѣмъ нибудь, то мѣняешься съ нимъ именами: симъ онъ хочешь выразишь, что его любишь, какъ самою себя, и какъ будто бы перешелъ въ шѣло своего друга. Массажеты и древніе Скифы дѣлали еще болѣе: они сосали кровь другъ у друга. Вошь языкъ природы: онъ говоритъ чувствомъ, пошрсаешь воображеніе. Если онъ не такъ ясно выражаетъ мысль, за то поражаетъ душу. Онъ, кажется, оживляетъ всю вселенную. Гомеръ и всѣ древніе Поэты давали жизнь вещамъ неодушевлен-

(*) Куришельная.

нымъ: у нихъ спрѣла жаждешь крови, мечъ горитъ мщеніемъ, цвѣшны чувствительны, живошныя говоряшь, всѣ явленія природы олицетворены.

Чѣмъ болѣе языки обогащаются словами и представительными знаками понятій, тѣмъ болѣе становящся они понятными, правильными, ясными, точными, математическими. Они говоряшь много уму, а мало сердцу, заставляяють думашь, а не чувствовашь; болѣе годны для Философіи, для Метафизики, для Наукъ, чѣмъ для Поэзіи или Краснорѣчія. Они позволяють только правильные обороты, не допускають смѣлыхъ перестановокъ словъ, сильныхъ и картинныхъ выраженій, кошорыя переходяшь за предѣлы истины; они располагають рѣчью и представляютъ мысль холоднымъ и описательнымъ образомъ. Напрошивъ того, первые языки заставляють чувствовашь быстро всѣ предметы, дають разговору образъ повѣствовательный, живописуюшь воображенію, между тѣмъ какъ наши безцвѣтные языки представляютъ только ошвеченности. Гомеръ не рассказываетъ; онъ намъ показываешь людей, героевъ дѣйствующихъ и говорящихъ. Въ нашихъ новѣйшихъ нарѣчіяхъ Писатель всегда зашупаешь мѣсто того, кто говоряшь и дѣйствуешь: отъ того разговоръ шераетъ

всю свою заманательность; мы видимъ не предметы, но трудъ Автора; — краски истинны уже нѣтъ. Истинное краснорѣчіе и высокую Поззію (*) трудно найти у народовъ весьма образованныхъ. Если разсматривать ходъ Наукъ, то увидимъ, что Поэты всегда предшествовали Философамъ и ученымъ въ каждомъ народѣ, и что по мѣрѣ успѣховъ сихъ послѣднихъ исчезала Поззія. Не видимъ ли, что осмнадцатое столѣтіе, называемое въ комъ Философіи, слѣдовало за вѣкомъ Позіи Лудовика XIV? Послѣ Виргилія, Горация, Овидія, процвѣтавшихъ въ великій вѣкъ Августа, уже не было истинныхъ Поэтовъ. Луканъ, Спаций, Сидіусъ, Импаликусъ, Клавдіанъ суть опцвѣтъ древней Литературы. Можно ли сравнить слогъ Сенеки съ слогомъ Цицерона? У Грековъ Гомеръ, Гезіодъ далеко предшествовали Философамъ. Послѣ Демосѣена были только декламаторы. Опъ

(*) Опъ чего народы мало образованные, какъ по: Аравіяне, Индійцы, Опягшяне и проч. почитаютъ сердце вмѣстипищемъ души, между тѣмъ какъ народы просвѣщенные и Философы даютъ ей мѣсто въ головѣ? Опъ того, что у первыхъ мозговая система менѣе раскрыта, нежели у вторыхъ, которые, имѣя болѣе познаній лишены чувствительности и глубокихъ спрашешей. *Сот.*

чего Италія изобиловала Поэтами, Живописцами и великими Писателями въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтїяхъ, между тѣмъ, какъ нынѣ не имѣетъ ни одного имъ подобнаго? опъ чего Липерашура наша увядаетъ по мѣрѣ того, какъ мы спановимся умнѣе? Хотя юношесству преподають бездну правилъ Поэзіи и Краснорѣчія, но мы, можешь бышь, не будемъ имѣть великихъ Поэтовъ и Орашоровъ. Прекрасно знають искусство — недостааетъ природы. Ослабѣла ли она прошивъ прежняго времени? Нѣшь! но нашъ напханушый образъ выражашься и искусственные нравы все порпяють. Вмѣсто Поэзіи, мы видимъ стихотворную прозу; вмѣсто Краснорѣчія — сухую декламацию; вмѣсто Исторіи — романы; вмѣсто того, чтооь изображашь вещи, разспавляють слова. На все форма, главный предметъ ничего не значить. Теперь стараются быть не искреннимъ, но остроумнымъ и блѣспящимъ.

Греческая Липерашура, которая для истиннаго генія была первою Липерашурою въ мірѣ, погибла опъ Риторовъ, Грамматиковъ и мелочныхъ Стихотворцевъ. То же самое послѣдовало и съ Липерашурою Латинскою, какъ замѣчаетъ Веллей Патеркуль. Въ Италіанской замѣчается нынѣ только ложный блескъ, игра словъ и ан-

писезы. Французская день оно дня погибаетъ. То же случится со всеми вообще Литературами. Если кто захочетъ наблюдать за этимъ однообразнымъ ходомъ происшедшій въ мѣръ, тошь легко замѣтитъ, что они имѣютъ испочникомъ общія, весьма важныя причины.

Мы видѣли, что всѣ непросвѣщенные были естественны Поэты. Ихъ законы, Исторія, Религія пѣшы стихами. Первые ихъ законодатели, первосвященники, оракулы выражались только стихами. — Между сими народами, еще юными, нравы простые и пашуескіе: любовь къ ошечеству, живое чувствованіе независимости, Религія сердца, совершенное незнаніе естественныхъ причинъ, величественный видъ дикой природы, наконецъ уединеніе, увеличивающее всѣ ощущенія — вотъ, что даетъ ихъ мыслямъ характеръ поэтическій. Просподушные наши предки пѣли романсы или испоріи въ стихахъ; они имѣли Бардовъ, Трубадуровъ прежде нежели образовался ихъ языкъ. Древнѣйшіе Греки имѣли также своихъ Рапсодовъ, а Скандинавы своихъ Скальдовъ. Всѣмъ извѣстныя Поэзія Эрская и пѣсни, приписываемыя Оссиану.

Когда языкъ становится совершеннѣе и богаче, какъ въ среднія времена; когда нравы народа утончаются, тогда Поэзія и

Искусства являющагося во всемъ своемъ блескѣ. Таковы въ Греціи времена Перикла, прославленныя Софоклами, Эврипидами и Фидіями; шаковы въ Римѣ времена Цесаря и Августа, при копорыхъ процвѣтали Цицеронъ, Виргилій, Гораций. Въ новѣйшей Италіи находимъ вѣкъ Льва X, въ копоромъ родились Тассъ, Аріостъ, Рафаэль и Микель-Анжело. При Лудовикѣ XIV, — П. Корнель, Расинъ, Фенелонъ, Боссюэсъ, Паскаль и Живописцы Лесюэръ, Лебрёнъ. —

За сими славными вѣками слѣдуютъ всегда времена Наукъ и Философіи, пошому, что нравы и познанія скоро похищаютъ у насъ пріяшныя мечты Поззіи. Когда Физикъ изяснилъ возрастъ и жизнь распеній, исчезли Фавны и Дріады, населявшіе лѣса; ручей не имѣетъ уже своей Наяды-покровительницы; утесистыя скалы своихъ Санировъ и полевыхъ боговъ. Доказано элекпричесство въ громѣ, и мы переслали вѣришь Юпитеру, вооруженному громовою стрѣлою для наказанія Типановъ (*). Такимъ-то образомъ Науки разочаровываютъ душу и разсвываютъ сладостныя мечты воображенія.

(*) Испребленіемъ сего языческаго суевѣрія мы обязаны не отккрытіямъ Физиковъ, а Христіанскому просвѣщенію, копорымъ не поль-

Такое измененіе въ понятіяхъ есть неизбѣжное слѣдствіе образованія и просвѣщенія людей. Народы, близкіе къ природѣ, мало разсуждаютъ, и потому много чувствуютъ. Народы же болѣе образованные болѣе постигаютъ истину вещей; но размышляя много, они менѣе чувствуютъ и живутъ болѣе головою, нежели сердцемъ. Ихъ нравы перестаютъ уже бытъ поэтическими.

Языкъ идетъ вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ и понятіями народа, которыя передаются въ книгахъ. Авторы рѣдко даютъ свой характеръ вѣку, и по болѣе части сами оный ошь него заимствуютъ. И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ одинакіе успѣхи какого нибудь рода Литературы въ извѣстныя эпохи, и сочиненія всегда носятъ на себѣ печать своего вѣка. При малѣйшемъ размышленіи о родѣ сочиненій, которыя охотнѣе всего читаются, можно получить понятіе о состояніи языка и нравовъ. Умноженіе Журналовъ, Словарей, Романовъ, крапкихъ руководствъ и распространеніе Наукъ во всѣхъ классахъ общества, ко разсѣяна шьма многобожія, но и вообще дано уму человѣческому лучшее направленіе. Кто не знаетъ, что богатѣйшія сокровища познаній находятся между Христіанами, и что скудные и сухіе плоды ума составляютъ собственность язычниковъ и Магометанъ?

показывающъ намъ, съ какою быстрою Поэзія, высшая Литература и Изыщныя Искусства приходящъ въ упадокъ. Не лзя проши-
 ваться сему упадку. Мы сами къ тому вде-
 чемся силою мнѣній и нравовъ. Языки шак-
 же молодѣющъ не могутъ, какъ и царства:
 они сѣдуютъ одинакимъ періодамъ возвы-
 шенія и пониженія. Первые Римляне гово-
 рили языкомъ несовершеннымъ и грубымъ.
 Онъ спалъ богатымъ, звучнымъ и сильнымъ
 во времена Цицерона и Виргилія; попомъ
 поршился по мѣрѣ того, какъ Римская Имперія
 упадала опъ безнравственности своихъ прави-
 шелей (язычниковъ). Можемъ видѣть подобный
 ходъ въ языкѣ Французскомъ, кошорый былъ
 шакжегрубъ въ началѣ: это была смѣсь Целш-
 скаго съ низкимъ Лапинскимъ; попомъ
 языкъ сѣлался однороднѣе, мягче. Въ пятнад-
 цатомъ столѣтіи, онъ получиль новое обра-
 зование. Въ этой эпохѣ правленіе Француз-
 ское испытало волненіе: Наконецъ, во время
 Лудовика XIV, онъ достигъ своего совершен-
 ства. Нравы, кошорые спали развращаться
 въ правленіе Регенша и Лудовика XV, имѣли
 большое вліяніе на чистоту языка: они про-
 извели слогъ изысканный и шочный до мело-
 чи; шеперь онъ болѣе и болѣе поршился и
 исправиль его нельзя иначе, какъ исправиль
 народъ и нравы.

Языки портятся обыкновенно въ ту эпоху, когда сосѣдніе народы начинаютъ имъ учиться. Когда Греческій языкъ распространился въ Египтъ, Сирию, Италію и Римъ — онъ былъ почти обезображенъ. Латинскій языкъ, сдѣлавшись общимъ между народами, кои побѣждены Римлянами скоро превратился въ низкую Лапшю. Языкъ Французскій, распространяющійся въ Европѣ, также начинаетъ терять прежнюю свою чистоту. Можно сдѣлать заключеніе, что языки упадаютъ, когда обременяются бесполезными украшениями, наполняются эпитетами, и выказываютъ пустую роскошь въ словахъ. Желая все выразить, они гризнутъ въ безднѣ подробностей.

Языкъ выказываетъ характеръ и темпераментъ чловѣка. Слогъ показываетъ его нравы и чувства; — имъ изображается чловѣкъ, скрывающійся подъ личиною Автора. Одинъ Натуралистъ говорилъ: дайше мнѣ зубъ какого нибудь животнаго; я отгадаю — плошодно ли оно, или шраводно. Всякій опытный чинашель также можешь отгадать по слогу умъ и качества Автора. Такимъ образомъ слогъ чловѣка сложенія живаго, раздражительнаго, худаго, по бѣльшей части пламенень и оспроумень; меланхолическаго — быспрь, рѣзкокъ, жесккъ; сангви-

ническаго — плодовитъ, разнообразенъ, забавенъ; флегматическаго — расшлануть, шпатель и скупенъ; наконецъ смѣсь характеровъ, возрастъ, различіе половъ, гражданское состояніе чловѣка раскрываютъ еще другіе ошѣнки.

Знашки опличаютъ потчасъ въ Живописи каждую великую школу одну отъ другой: такъ точно можно опредѣлить общій образъ сочиненій каждаго вѣка. Такимъ образомъ увидимъ, что милая простота царствуетъ въ сочиненіяхъ Писателей Французскихъ пятнадцатаго и шестнадцатаго вѣковъ; величія и красоты находимъ болѣе въ произведеніяхъ семнадцатаго столѣтія; въ началѣ осьмнадцатаго было въ нихъ болѣе блестящаго и поверхностнаго; наконецъ видимъ слогъ нашанушый, безчувственный и то, что называютъ остроуміемъ (*bel - esprit*). Замѣчательно, что та же самая постепенность видна въ Литературахъ Греческой, Латинской и Испанской, и это подтверждаетъ истину, что слога есть термометръ нравовъ и образа правленія каждаго народа.

Въ Республикахъ языкъ сильнѣе: онъ долженъ выражать страсти и гораздо ближе къ чувствамъ природы. — Таковъ языкъ первыхъ Грековъ и Римлянъ, когда Фокіоны и

Демосѣны, Катоны и Бруты, говорили рѣчи къ народу; таковъ теперь языкъ Англійскій въ сравненіи съ Италіянскимъ и Французскимъ — языками, народовъ болѣе крошечныхъ. Однако жъ языкъ Французскій сдѣлался сильнѣе во времена Моншаня и Кардинала Репца; сіи Писатели явились въ эпоху внутреннихъ безпокойствъ, а Англійскій во времена Кромвеля. Въ правленіяхъ образованныхъ, Монархическихъ, языкъ становится пріятнымъ, нѣжнымъ пошому, что женщины даюшь понь общеспвамаъ. Языки въ правленіяхъ деспотическихъ должны бытъ наполнены иперболами, неумѣренными похвалами и чрезвычайною низосшію. Чѣмъ болѣе народъ расширяетъ торговлю и внѣшнія сношенія, тѣмъ болѣе обогащается и совершенствуется языкъ; чѣмъ болѣе въ языкъ ошвлеченныхъ выраженій, тѣмъ народъ, говорящій имъ, образованнѣе и ученѣе. Языкъ неподвижный, какъ напрымѣръ Кипайскій, доказываешь, что правленіе, религія, нравы и законы не измѣняются; такова природа вещей: одно разстройство влечетъ за собою множество другихъ, какъ въ мірѣ духовномъ, такъ и въ вещественномъ.

В. С — чь.

К Р И Т И К А

Варрусъ (*), VI Эклога *Виргилева*, переведенная съ Латинскаго Г. Воейковымъ, и напечатанная въ *Невскомъ Альманахѣ* на сей 1826 годъ.

Мы должны съ прискорбіемъ сознаться, что у насъ въ Россіи вообще не много занимающіяся изученіемъ древнихъ языковъ, и что весьма немногосъ оныхъ (***) переводящъ, между шьмъ, какъ древніе Классики переведены на всъ главнѣйшіе Европейскіе языки, объяснены комменшаріями и изданы въ свѣтъ по нѣсколь- ку разъ. Что ни говорятъ Поэты-романтики или приверженцы новой школы, но безъ основательнаго изученія Древнихъ, трудно сдѣлаться великимъ Писателемъ. Самые основатели новой школы въ Англіи и Герма-

---

(*) Правильнѣе *Варусъ* Эпа Эклога во многихъ изданіяхъ имѣеть заглавіе *Silenus. Cor.*

(*) Здѣсь не упоминается объ извѣстныхъ переводахъ нѣкоторыхъ Классиковъ, изданныхъ Академіями Наукъ и Россійской.

ни, Байронъ, Томасъ Муръ, Валтеръ Скоптъ, Шиллеръ, Гете и другіе получили основательное классическое образованіе: изучая древнихъ Поэтовъ и Историковъ, и шакъ сказать, напивавшись великими образцами изящнаго, и чувствуя красоты природы со всею пылкостью душь возвышенныхъ и умовъ образованныхъ, они сами произвели образцы, достойные удивленія современниковъ и потомства. И такъ, почитая изученіе древнихъ Классиковъ и переводы съ древнихъ языковъ дѣломъ важнымъ въ своихъ послѣдствіяхъ для успѣховъ просвѣщенія, мы обратили особенное вниманіе на переводъ Эклоги одного изъ первокласныхъ Поэтовъ древности, Виргилія, котораго по справедливости называютъ царемъ Римскихъ Поэтовъ. Къ сожалѣнію, должны мы сказать, что переводъ Г. Воейкова не можетъ приохотить юношей заниматься изученіемъ языка Латинскаго. Намъ кажется, что Г. Переводчикъ весьма мало знакомъ съ Латинскимъ языкомъ, а еще менѣе съ Латинскими Музами. Все это мы докажемъ выписками и сравненіями; докажемъ, что Г. Переводчикъ болѣе слѣдовала Французскому прозаическому переводу, нежели Латинскому шексту.

Приступимъ къ дѣлу :

Въ предисловіи къ Эклогъ, Г. Переводчикъ говоритъ: „*Виргилій заславляеть въ оной Силена повѣствовашь о сошвореніи міра, сообразно системъ Эпикуровой, коюрой сей Поэтъ былъ ревностнымъ послѣдователемъ.*“ Сколько ошибокъ можеть породить сіе неосновательное мнѣніе! Въря Г. Воейкову, читателя *Невскаго Альманаха* будуще почитають *Виргилія Эпикурейцемъ*, и распростирають это мнѣніе въ свѣтъ. Если бъ мы не знали, что Г. Переводчикъ почерпнулъ это превратное сужденіе о Виргиліи изъ одного весьма плохаго его Комменташора, Рене-Бинета (Réné Binet), то подумали бы, что онъ умышленно свалилъ эту небылицу на Римскаго Поэта.

Намъ кажется, что Г. Воейковъ поступилъ бы гораздо оспорожнѣе, если бъ, прежде произнесенія рѣшительнаго приговора объ *Эпикуреизмѣ Виргилія*, прочелъ что нибудь о Философіи древнихъ, хотя въ Дежерандо или въ другомъ Авторѣ. Г. Переводчикъ узналъ бы, что въ переведенной имъ Эклогъ, Силень повѣствуетъ сообразно ученію древняго политеизма, а не слѣдуя системъ Эпикуровой (*).

(*). Здѣсь не нужно доказывать, сколько неосновательны и нелѣпы мнѣнія азычмковъ о

Силень говорить о хаосѣ, и вовсе не упоминаеть объ *атомахъ*, главномь основаніи системы Эпикуровой. Если Г. В. вздумалъ обвинять *Виргилія* въ ревностномь послѣдованіи Эпикуреизму изъ мнѣній его о сотвореніи міра, то изъ сего слѣдуетъ, что Гомеръ, Гезіодъ, Аполлоторъ и Овидій также были Эпикурейцами (!), пощому, что они также говорили о мірозданіи по преданіямъ поэтизма. Правда, что нѣкоторые Комментаторы, (кои обыкновенно видящъ или думаютъ видѣть въ сочиненіяхъ болѣе, нежели сами Авторы), полагаютъ, что въ сей *Эклогѣ*, *Виргилій* описываетъ происшествіе, случившееся съ нимъ самимъ, что *Хромидъ* и *Мназилъ* суть *Виргилій* и *Варусъ*, Силень ихъ учитель *Сиропъ*, а *Эгле* (передѣланная по-Русски въ *Аглаю*) любовница *Варуса* и любительница Эпикуровой системы, кою Сиропъ былъ ревностнымъ послѣдователемъ. Но это одинъ только догадки, предположенія, мечтанія нѣкоторыхъ Комментаторовъ, о коихъ не слѣдуетъ говорить утвердительно, ибо ни одно слово въ сей *Эклогѣ* не подтверждаетъ сихъ догадокъ.

многобожїи, такъ какъ и система Эпикурова :
о семъ нѣчто спорить не будетъ.

Теперь посмотримъ, какъ Г. Воейковъ переводитъ съ Латинскаго языка, *Виргилій* говоритъ :

„Pergite, Pierides, Chromis et Mnasylos in antro,
 Silenum pueri somno videre jacentem,
 Inflatum hesterno venas, ut semper, Iaccho :
 Serta procul tantum capiti delapsa jacebant,
 Et gravis adtrita pendebat cantharus ansa.
 Adgressi (nam saepe senex spe carminis ambo
 Luserat) injiciunt ipsis ex vincula sertis.
 Addit se sociam, timidisque supervenit, Aegle;
 Aegle, Najadum pulcherrima“ etc.

Переведемъ теперь эти стихи слово въ слово по Русски: „Продолжайте, Пiereды! — Юные пастухи, Хромидъ и Мназилъ, увидѣли Силена, спящаго въ пещеръ. Жилы его, какъ обыкновенно, разбухли отъ вина, послѣ вчерашняго приношенія къ Вакху. Цвѣшочныя вязы, упавшія съ головы, лежали вблизи его и тяжелая чаша была привѣшена за ручку къ поясу. Приблизившись къ нему (сей спарець нѣсколько разъ обманывалъ ихъ надеждою пѣсни), они, изъ его же цвѣшочныхъ вязей, кладушъ на него оковы: сюда же приходишь Эгле, Эгле прекраснѣйшая изъ Наядъ, и присоединись къ юношамъ“ и проч. Г. Воейковъ такъ передалъ смыслъ и красоты подлинника :

„*Пойте же Музы!* въ вершеѣ два пастуха под-
 смотрѣли
 Спящаго крѣпко Силена, *во снѣ разметавшаго*
 члены:

Жилы его еще *полны виномъ* опѣвчаша *хмѣля*;
 Вязь цвѣшовъ и вѣнокъ съ головы на землю *свалились*;
 На поясу у него висѣла *широкая* чаша.

Юноши случая ради, *вѣтъ онъ обѣщаль имъ давно*
ужь (эшо стихъ)

Пѣсню . . . . *схватили* (?) и спарца связали его
 же *цвѣтами*:

Къ нимъ подоспѣла *Аглая* — Наяда *рѣзвая* пош-
 чась“ и пр.

Знающіе Лашинскій языкъ почувствують
 разницу, между сладкозвучными игривыми
 стихами *Виргилія*, и тяжелыми экзаметра-
 ми *Г. Воейкова*. Незнающіе по-Лашыни по-
 думаютъ, что *Виргилій* писалъ дурною про-
 зою. Спрашивается, откуда *Г. Переводчикъ*
 почерпнулъ отврашительную каршину че-
 ловѣка, *во снѣ разметавшаго члены*? *Somno*
iacentem значить: *лежащаго во снѣ, преодо-*
льннаго сномъ или просто *спящаго*. За-
 чѣмъ *Г. Переводчикъ* примѣшала *хмѣль въ*
вино? Эши понятія измѣняютъ мѣстности
 и древнимъ формамъ. Мы, сѣверные жители,
 сдѣлали изъ *хмѣля* метафору, для означенія
 состоянія челоѣка, преисполненнаго крѣп-
 кимъ напишкомъ. Но Римлянъ нельзя заста-
 вить говорить такимъ образомъ, пошому,

что они съ *хмдлемъ* не соединяли понятія о *винѣ*. Если бы мы позволили себѣ такія вольности при переводѣ древнихъ Повѣстей, то скоро заставили бы Римскихъ героевъ выѣзжать въ открытыя *коляскагъ*, во время шріумфовъ; изъ Римскихъ всадниковъ сдѣлали бы *уланъ*, и Ахиллеса заставили бы кушать *бифтекгъ*, въ то время, когда Пріамъ вошелъ въ его пашеръ просить о выдачѣ пѣла Гекторова. По сходству предметовъ, все это можно было бы выразить нынѣшними нашими понятіями. Но это не годится и не дѣлается.

Физиологъ, имѣющій понятіе объ органахъ пищеваренія, пойметъ Virgilia, когда онъ говоритъ, что *жины* Силена *разбухли* отъ излишняго употребленія вина; но этошь Физиологъ призадумается, читая стихъ Г. Воейкова, гдѣ сказано, что *жины Силена были полны виномъ*. Это противно Физиологій, и ни мало не служитъ украшеніемъ слова: лучше было бы оспашься при выраженіи Virgilia.

Вмѣсто: *тяжелая* чаша, у Г. Воейкова поставлено *широкая* — это пусть бы шакъ; но зачѣмъ Г. Воейковъ умолчалъ о *красотѣ* Найды Эгле? Virgilii называетъ ее *pulcherrima*, а Переводчикъ назвалъ ее *рѣзвою*. Въ первый разъ въ жизни слышимъ, что *рѣзвость* и *кра-*

сота синонимы. Г. Переводчику съ древнихъ языковъ должно бытъ извѣстно, что Троинская война началась не за рѣзвость, а за красоту Елены, и что Парисъ вручилъ яблоко Венерѣ также не за преимущество ея въ рѣзвости!

Далье: „ . . . . . Simul incipit ipse.

Tum vero in numerum Faunosque feraeque videres
Ludere, tum rigidas motare cacumina quercus.

Сия прелестныя стихи переведены по-Русски:

. . . . . „И въ ту жь минуту запѣлъ онъ
Сладко и складно: въ восторгъ запрыгали звѣри и
Фавны;

Слушая жадно, главою помавали твердые дубы.

Здѣсь мы почищаемъ излишнимъ всякія замѣчанія: знаменія Лапинскаго языка и любители Поэзіи Виргилія шопчасъ почувствуютъ, какъ неудачно переведено это мѣсто.

Г. Переводчикъ, желая кажется, превратишь Поэзію Виргилія въ тяжелую прозу и изменишь самый смыслъ его стиховъ, призывая на помощь Г. Рене-Бинета, который столь же неудачно перевелъ Виргилія Французскою прозою, какъ и Г. Воейковъ Русскими экзаметрами. Нашъ Переводчикъ не только пользовался оборотами Французскаго Прозанка, но даже замѣнилъ цѣлыя выраженія

Виргилія цѣлыми рѣченіями Французскоѣ прозы: Вошь доказательство:

У Виргилія :

„Namque canebat uti magnum per inane coacta
Semina terrarumque, animaeque, marisque fuisse
Et liquidi simul ignis: ut his exordia primis.
Omnia, et ipse tener mundi concreverit orbis.

У Рене - Бинета (*): „Je chante comment
les principes de toutes choses, la terre, l'air,
l'eau et le fluide du feu étaient jadis confon-
dus dans un vide immense; comment de ces
premiers élémens se formèrent tous les êtres et
le globe même de ce monde“ etc.

У Г. Воейкова :

„Въ самомъ дѣлѣ, онъ пѣлъ какъ въ страшномъ
пространствѣ стихій
Воздухъ, вода и земля и трескуе пламя, смѣ-
шавшись
Видѣшь, боролись; какъ изъ первыхъ началъ разви-
ваются
Стали всѣ существа, и мягкій нашъ міръ окру-
глись“ и пр.

Переводъ Виргиліевыхъ стиховъ слово въ слово: „ибо онъ пѣлъ, какъ сперва собраны были въ обширной пустотѣ зародыши земли, жизни (правильнѣе сказать дыханія), моря и всеплавящаго огня; какъ изъ сихъ перво-

(*) Oeuvres de Virgile par René-Binet, Paris, 1816 pag. 80.

родныхъ существъ произошли начала всѣхъ вещей, и слѣпился (п. е. образовался) самъ міръ, тогда еще юный и нѣжный.“ (*)

Просимъ читателя сравнить теперь, откуда Г. Воейковъ заимствовалъ смыслъ и выраженія для своего перевода, у Виргилія, или у Рене-Бинета.

Позвольте вамъ доложить, Г. Переводчикъ съ Латинскаго языка, что *fluidus ignis* значитъ здѣсь не *fluide du feu*, какъ толкуешь Г. Рене-Бинетъ, но *всеплавящій, всеразлагающій огонь*, приводящій свою силую всѣ вещи въ *состояніе жидкости*.

Вошъ настоящій смыслъ стиховъ Виргилія, весьма естественный при истолкованіи хаоса и мірозданія по системѣ полидеизма, но есть по языческому ученію о многобожии. У Овидія, *огонь* также называется въ этомъ смыслѣ: *fluidus calor*. Теперь спрашиваемъ васъ, почтенный Переводчикъ: откуда вы взяли *трескучее пламя*? Этого нѣтъ ни у Виргилія, ни у Рене-Бинета. Трескучее пламя могло родиться только при взрѣніи на каминъ, а не при мысли о

(*) Это мнѣніе язычниковъ, котораго конечно ни одинъ изъ читателей раздѣлять съ Виргиліемъ не будетъ. Здѣсь разсматривается Виргиліевъ оригиналъ и переводъ въ отношеніи къ Словесности.

міроданіи. Эта карпина ваша собствен-
ность, Г. Переводчикъ: *suum cuique!* У Вир-
гилія сказано: *юный, нѣжный міръ*, а у
Г. Воейкова сказано: *мягкій міръ*; эпотъ
внпшеть, есть слѣдствіе *трескучаго пламе-
ни*, ибо выраженіе *плаващій, разлагающій*
огонь возбуждаетъ понятія болѣе возвышен-
ныя. — *Страшное пространство*, какъ сказа-
но въ переводѣ Г. Воейкова, не есть Лапин-
ское *magnum inane*, и Французское *vide im-
tense*. Виргилій разумѣлъ обширную, неиз-
мѣримую пустоту предъ сотвореніемъ все-
ленныя. Но Г. Воейковъ, при переводѣ Вирги-
лія, смотрѣлъ на всѣ высокія его идеи въ
узкій конецъ подзорной трубки, и попому
онѣ показались ему крошечными. Что за
мысль *страшное пространство*? Она не мо-
жетъ родиться при чтеніи Виргилія.

Но пускай бы Г. Воейковъ переводилъ
Виргилія сплошь съ Французской прозы: то-
гда бы онъ, по крайней мѣрѣ, могъ обратиться на
Французскаго Переводчика въ искаженіи смы-
сла Лапинской Эклоги. Но желая отли-
читься онъ Французскаго Переводчика, Г.
Воейковъ, какъ видно, повѣрялъ Лапинскій
шекстъ съ Французскимъ, и намѣреваясь испра-
вить сей послѣдній, доказавъ, что онъ слабо
знаешь по-Лапыни. Мы докажемъ это въ
свою очередь.

У Виргилія Силень говорить:

Solvite me, pueri, satis est potuisse videri!

Это значить слово въ слово: „Развяжи-
те меня, юноши, довольно того, что вы по-
казали, что въ состояніи сдѣлать со мною!“

Г. Воейковъ перевелъ эпотъ стихъ слѣдую-
щимъ образомъ: „Юноши, будетъ того, что
вы меня *подсмотрѣли въ вертебѣ*.“ Отъ
чего здѣсь такая разница въ смыслѣ? Не отъ
незнанія ли Г. Переводчика, что video имѣетъ
неопредѣленное videre, а videri происходитъ
отъ video, а не отъ video? Эту ошибку мы
подсмотрѣли въ переводъ Г. Воейкова.

Но мы *подсмотрѣли* гораздо больше до-
казательство слабаго знанія Лашинскаго язы-
ка въ Переводчикѣ перваго Лашинскаго Поэша.

У Виргилія сказано:

Aonae in montis ut duxerit una sororum.

Это значить слово въ слово: „какъ одна изъ
(девяти) сестръ завела его на *Аонскія горы*.“

Г. Воейковъ перевелъ: „какъ *Аонидой* *седо-*
мый, достигъ онъ вершинъ Геликона.“ Г.

Переводчику Виргилія съ *Латинскаго* языка
должно быть извѣстно, что Музы называются
Aonides отъ провинціи *Aonia*, гдѣ находится
гора *Геликонъ*, и что слово *Aonides* употреб-

ляется только въ множественномъ числѣ.
И такъ *Aonae* (какъ сказано у Виргилія) не
есть *Аонида*, ибо въ такомъ случаѣ надле-

жало бы по Лашини сказать *Aonis*. *Aonis* есть прилагательное къ *montes*, горамъ, и означашь *Донскія горы*, которыя, въ переводъ Г. Воейкова, превратились въ *Музь*!

Мы бы могли извлечь изъ перевода Г. Воейкова гораздо боѣе доказательствъ, въ подкрѣпленіе сказаннаго нами выше, что Г. Воейковъ не знаешь Лашинскаго языка и переводитъ *Виргилія* наудачу, съ помощію Французскаго прозаическаго перевода; но полагаемъ, что и этого довольно, и попому, предоставляя каждому судить о красотѣ слога въ Русскомъ прозаическомъ переводѣ, оканчиваемъ наши замѣчанія стихомъ *Виргилія* (см. выше):

Satis est, potuisse videri.

Въ угодность Г. Воейкову, мы переведемъ слово *videri* — *подсмотрѣли*, и скажемъ: довольно того, что мы *подсмотрѣли*, какъ Г. Воейковъ переводитъ *Виргилія* съ языка Лашинскаго!

Θ. Булгаринъ.

31 Декабря 1825.

IV.

КРАСНОРЪЧІЕ.

ЧУВСТВА РОССІЯНИНА ПРИ ВЪСТИ О КОНЧИНѢ
АЛЕКСАНДРА I.

Александра не спало! Боже! не мечпали?—Ахъ! вижу повсюду слезы . . . Кого мы лишились? Отецъ народа, Избавитель Европы, Александръ нашъ — скончался! Царь юлуміра — во гробъ! —

Скончался! нѣшь, Богъ воззвалъ Его ошь земли къ небесамъ.

Кончается ли солнце, закапываясь въ Океанъ? — Оно спремишся къ своему восшоку!

И наше благословенное Солнце — восшло въ вѣчный восшокъ, но для насъ оно не взоидеть уже болѣе! — и одна заря Его славы осіяваетъ лице Россіи.

Александра лишились! Бѣдственна вѣшь переходишь изъ ушь въ уша, ошь конца въ конецъ земли. Общая поперя — общія слезы! Всѣ лишились лучшаго изъ Государей, лучшаго изъ челоувковъ!

Возлюбленный внукъ Ежашерини, первоходный сынъ Павла и Маріи, Повелишель полвселенной! что Твое земное вели-

чїе? Рука, ошъ коей зависѣла судьба Россїи и благо Европы — недвижна. Гдѣ дни побѣдъ Твоихъ, дни шоржесствъ, дни семейной радости?

О, когда Александръ во гробъ, а мы живемъ еще, шо не на землѣ счастье, не здѣсь вѣнецъ добродѣтелей! Такъ! Вѣра, Надежда и Любовь, восклонясь на гробъ Его, шоржесествуюшъ о царствѣ безсмертїа!

Но кто изъ насъ думалъ пережить Александра? — Зная общїй удѣлъ чело-
векъ, горесшно было подумашъ и о шомъ, чшо можешъ бышъ дѣши наши услышашъ нѣкогда о кончинѣ Его.— Увы! мы сами свидѣтели сего горесшнаго событїа, котораго спрашились за попомковъ своихъ!

Какую благословенную спаросшъ обѣщали силы Его! — Сколь долге бы могъ Онъ жишъ для нашего блага! Какимъ величїемъ блистало Его мужество? Какое еще поле предстоило для Его благости, для Его любви къ народу? — Неповѣднмы судьбы Вышняго.

Такъ нѣкогда Титъ, прозванный любовью Римскаго народа, скончался сорока двухъ лѣтъ ошъ рожденїа, и всѣ добрые граждане плакали о немъ, какъ о кровномъ родномъ*);

---

*) См. Светонїа.

Александръ оставилъ насъ, не достигнувъ сорока восьми лѣтъ жизни.

Титъ и Александръ! любовь человѣчества! на краткое время вы радовали землю: на многіе вѣки заставили оплакивать васъ!

До полудня закапилось наше свѣшело! Злополучный Таганрогъ! Злополучный самою славю, которая сохранишь твое имя въ самомъ отдаленномъ попомствѣ! Съ какою горестію и смущеніемъ обращаемъ мы взоръ къ предѣламъ твоимъ, какимъ *рокомъ* отзывается намъ имя твое! На тебя ли будешь съновать? Что говорю я? Нѣтъ, городъ несчастный! Мѣсто, гдѣ любовь наша видитъ послѣдніе слѣды Александровы, намъ будешь священно воспомянѣемъ горестнымъ. Такъ мызираемъ на западъ, гдѣ солнце свершило свой путь. Туда! къ морю Азовскому, устремлены и мысли и взоры и сердца Россіянъ! — Тамъ закапилось наше свѣшило!

Но пребудешь незабвенна память Его. — Исторія, почти твоего героя!

Открылась книга царствованія блистательнаго, великодушнаго! — Въ ней начеркала Побѣда завоеваніе Финляндіи, Бессарабіи, областей Персидскихъ, пораженіе Наполеона и полчищъ двадцати народовъ, осво-

*

божденіе Москвы, двукрашнбе взятіе Парижа, присоединеніе къ Россіи Царства Польскаго. — Въ ней начершало Великодушіе освобожденіе Европы, возведеніе Бурбоновъ на преспошь Франціи, Испаніи и обвяхъ Сициліи, Священный Союзъ, пощаду Парижа. Тамъ указала Любовь къ просвѣщенію образованіе шести Университетовъ, Академій, Лицея. Тамъ начершало Милосердіе дѣла Его доспойныя: спасеніе несчастныхъ, великодушное прощеніе преспушниковъ и даже самыхъ оскорбителей Величеспва. Тамъ ознаменовало Правосудіе утвержденіе правъ Дворянства, законъ предоспавляющъ судимымъ полную свободу къ оправданію ихъ *). Всѣ добродѣтели, возвышающія чедовѣка и украшающія Царя, ознаменовали въ сей книгѣ царствование Александра!

Сколько Царей земли удивляли своимъ могущеспвомъ и славою, но многіе ль, подобно Ему, соединали съ могущеспвомъ — смиреніе, съ побѣдами — благошвореніе врагамъ? Александръ Греціи! Цезарь Рима! ваши лавры обрызганы кровью, чесплюбіе обнажало вашъ мечъ. — Нашъ Александръ шоржествоваль

---

*) Александръ рекъ: „если Я хощу, тобъ преступленіе было обнаружено и полуггло должное возмездіе, то наиболье желаю, тобъ невѣнность въ томъ же самомъ законѣ и судѣ находмла всѣ средства къ своему оправданію.“ (Ук. 8 Авг. 1801).

добродѣтелю: Онъ желалъ водворить въ міръ — миръ души Своей.

Пруссія, Австрія! какого Союзника и Друга лишились вы? — Франція! подъ Его профеями расцвѣли вновь свои лиліи, Его мечемъ распоргнуты блестящія цѣпи, скованныя для тебя Наполеономъ, и сохраненный Парижъ твой пребудеть памятникомъ Александровой благости. — Испанія! Онъ опшрашилъ грозную бурю, колебавшую пронь твою. — Италія! Онъ преломилъ кинжалъ безумнаго своеволія, готоваго обогрить тебя кровью сыновъ твоихъ. — Брипаннія! Онъ почпилъ твоего Веллингтона, твоего Каспелъре, и оплагая блескъ Царскій, Самъ пришелъ къ тебѣ, желая видѣшь опчизну великихъ мужей. — Польша! Онъ обновилъ твое бытіе и даровалъ тебѣ прочное благо; померкшій вѣнецъ твой просіялъ на чель Александра.

Какими подвигами челоѡколюбія увѣнчалась жизнь Его? О добродѣтель! Ты была жизнью Александра сердца!

Тысячи людей прощены Имъ, милліоны Имъ спасены, милліоны счастливы. Кому не сосшрадалъ Онъ? Кого изъ приближенныхъ не ушѣшалъ Онъ въ скорби, или въ пошестьяхъ семейственныхъ? — Жители Пешрограда! — За годъ предъ симъ, когда опшсугу-

шло море, грозившее попоишь столицу, вы видѣли своего Государя пробиравашагося по развалинамъ, вы видѣли сего Ангела-ушѣ-шителя, входившаго въ низменныя хижины успокоивашъ бѣдсплюющихъ, вы Его видѣли раздѣляющаго слезы съ несчастными опцами семействъ, съ дѣтьми сиротѣющими. Царь могъ бы совершить чрезъ другихъ подвиговъ милосердія, но Александръ Самъ приходилъ, Самъ помогалъ, ушѣшалъ и плакалъ съ ними.

Такъ поступалъ Онъ, такъ повѣдалъ (*); „Надлежитъ искать несчастныхъ въ самомъ жилищѣ ихъ, въ сей обители плача и страданія.“

О, что мы екорбѣли, когда постигали насъ бѣдспвія? — Теперь время скорби!

Кого мы видимъ въ гробъ? Сіе чедо, вѣнчанное преме коронами (**), было испочникомъ благъ для миліоновъ людей. Чья жизнь исполнена была болѣе блескомъ и славою? — Его любила Россія! Его любила вселенная.

(*) Слѣдующія слова взяты изъ собственноручнаго Указа блаженной памяти Государя Императора Александра Павловича, 1802 Мая 16.

(**) Всероссийской Имперіи, Царства Польскаго и Княжества Финляндскаго.

Взрѣ Его обнималъ проспанство всего Свѣта, предъ глазами Его совершался жребій Царствъ и народовъ. Сколь многихъ радовали сія уста? Сколь многимъ рука сія даровала счастье и прощенье? Чье сердце болѣе вмѣщало любви къ человѣчеству? И сердце сіе хладно! глаза закрыты! уста сомкнулись. Увы! никшо изъ живущихъ, никшо не услышишь Его до скончанія міра!...

Что вижу? подымается священный гробъ, подымается на рукахъ тысячи людей! Двѣи несущъ ошца! Колеблется покровъ злагомъ блестящій, колеблется ошъ порыва народа!— Юноши спремяшся везти погребальную колесницу. Спарцы умоляютъ допустить ихъ, чшобъ имѣть одно ушъшеніе — коснушься Александрова грѣба.— Матери семействъ, павъ на колѣна, просцирають руки ко грѣбу сему! Земля орошена слезами, воздухъ исполненъ спомомъ, сердца хошашъ излишься въ рыданіяхъ!

Что же чувспвуешь Ты, Матерь сиротъ, сама сиротъющая? О Елисавета! да уладишь горестъ Твою сіе зрѣлище слезное. Сколько сердець чувспвуютъ пошерю Твою, сколько слезъ смѣшалось съ Твоими слезами! Живошворное ушъшеніе, котораго испочникъ — въ самой любви къ Александру!

Спремилшесь, спремилшесь къ Нѣму, — Россіане! Сими пушями нѣкогда шестпвоваль Онъ.... Сіи пуши вы предъ Нимъ осыпали цвѣшями. Здѣсь вы недавно встрѣчали Его радостнымъ кликомъ! Здѣсь Онъ привѣщпвоваль васъ, здѣсь вы Его провожали слезами.

Узнаешь ли шеперь Его, Россія? Се — Онъ! испощенный болѣзнію смерпною. Но какое небесное счастье, какое спокойшвіе рая выразилось въ лицѣ Его! это Онъ! это Александръ! — Опець! Опець! кто не узнаешь Тебя? Но Ты не узнаешь дѣшей Своихъ!

Если бѣ можно было воскресить добраго Государя своею жизнью, то милліоны подданныхъ легли бы за Него въ землю!

Зрѣлище безпримѣрное въ Исторіи! — Погребальное шестпвіе на проспранствѣ двухъ тысячъ верспъ! Россія сопровождаетъ Царя своего. — Цѣлые грады двинулись за Нимъ! Гробъ Александра въ одно время совершилшъ пушъ опъ востока на западъ и опъ юга на сѣверъ (*) и, осыняя Благословеннымъ грады и села, промечеть половину Россіи.

(*) Извѣшно, что шѣло покойнаго Государя Императора будетъ везено въ С. П. бургъ чрезъ Харьковъ, Курскъ, Орель и Тулу. По сему напра-

Непрополь! зриай! къ тебѣ приближается гробъ священный! начинается печальное шествіе ошъ моря Азовскаго до моря Балшійскаго! Александръ! Александръ! шакого ли ожидали мы Твоего возвращенія?

Кшо окружающъ гробъ Его? Кшо съ плачемъ и воплемъ стремяшся къ Нему? это храбрые, копорыхъ называлъ Онъ сподвижниками, коихъ подвигамъ Онъ воздвигъ врашапоржешва. Это шѣ, коихъ заслуги почшилъ Онъ щедрошами, это шѣ, коимъ даровалъ Онъ прощеніе, шѣ, коихъ ушѣшалъ, шѣ, коимъ благошворилъ, это Его подданне! это семейство Россіи!

Ты еще увидишь Александра, машерь градовъ Россійскихъ! Ты встрѣшишь Его, Москва, Его на царство вѣнчавшая, Москва благодарная, предавшая себя въ жершву за Него и опечештво, но спасеніемъ Парижа опмщенная, возрожденная славою и щедрошами Александра! Увы! если ты увидишь Его, шо не въ шой красотѣ небешной, въ какой предшоялъ Онъ тебѣ, юный, въ порфирѣ, подъ вѣнцемъ Мономаховымъ, опвѣ-

---

вленію въ шо же самое время когда гробъ будешь подавашся ошъ юга на сѣверъ — онъ будешь приближашся и ошъ востока къ западу.

чая молишвою сердца слову Плашона; не въ шомъ величїи мужества, въ какомъ Онъ, вѣрный обѣщанію царствующаго по сердцу Екатерины, предсталъ тебѣ въ годину Твоего бѣдствїя и славы; не въ шомъ шоржествѣ, въ какомъ ты послѣ срѣшала Его, Избавителя Европы; ты увидишь Его — во гробѣ! ты наполнишь воплемъ снотныхъ пѣсонъ, и оглашая древнїя снѣжны пѣсонъ звономъ плачевнымъ, ты созовешь снѣговую сыновъ Твоихъ въ послѣднїй разъ — съ Александромъ проспишься! Такое ль предшюало Тебѣ шоржество? къ сему ли гошювилась ты въ радостномъ ошданїи совершенїя двадцати цѣти лѣтъ Его царствованїя!

Дивны пуши судьбы! гошювался къ радости, ты смущался безвѣснностью. — Такъ! если бываешь предвѣснїе великой пошери, если человѣческое любопытство находишь предзнаменованїя плачевныхъ событїй, и близость ихъ, шо сїе видимъ при кончанїи Александра.

За годъ предъ снѣмъ — градъ Петра пошопалень былъ водою, чрезъ годъ — онъ наполненъ слезами! Наводненїе ознаменовало радостннй годъ рожденїя Александра. Наводненїе предзнаменовало насщупленїе плачевнаго года кончанїя Его. — Съ снѣмъ го-

домъ совершилось спользніе отъ Петра I. Александръ опшелъ отъ міра въ одномъ году вѣка съ Великимъ Пешромъ, и въ пошъ самый мѣсяць, кошорый былъ предѣломъ земной жизни Екашертны Великой.

Опшелъ Ангель Россіи, болзнуешъ чедовѣчеству; но душа, устремаенная къ небесамъ, можешъ быть выше чедовѣчества. Мы сіе видимъ. Побѣждена слабость, болзнь, скорбь, и какая скорбь? О Супруга Александра, предстоившая гробу Его! Никогда не являлась Ты съ большимъ величіемъ, какъ нынѣ, исполненная безсмертныхъ надеждъ! Одна, на краю Россіи, предъ царшвеннымъ смертнымъ одромъ, земная спупница опшедшаго въ небеса, Ты сполько же превыше смертныхъ, сколько мысль Твоя — возносясь къ небесамъ теперь превыше земли!

О Супруга Александра! къ Тебѣ были обращены послѣдніа слова Его. Тебя еще силцались благодарить нѣмѣвшія уста Его. Сжавъ Твою руку, замерла рука Его. На Тебѣ остановился послѣдній взоръ сей души, къ небесамъ оплешавшей. — Тамъ Твое ушѣшеніе. Земнымъ ушѣшеніемъ не смѣемъ смущать Твою горесць. Здѣсь наслажденіе Твое — предашья вполнѣ Своей скорби. Одно ушѣшеніе Твое было видѣнь останки Александра, кошорые скоро на вѣки скро-

юлся опъ лица земли, но не опъ Тебя. Ты взорами перенесла въ Свое сердце все бышїе Александра! — Но внемли моьбы всъхъ: живи Елисавета!

И ты, о Машерь Александра! — сбри всъ силы души Твоей! укрьпись, сколько можешъ укрьпишь добродъшель, ушьшься, сколько можешъ ушьшишь — взоръ, бращеннй въ безсмертїе. Скипетръ Сына Твоего — прїемлетъ Сынъ Твой. Николай, по священной воь Александръ, восходишь на тронъ Его. —

А Тебя, Благословеннй! прївъспїуемъ прїшекшаго къ небесной опчизнъ Твоей! Да озаряешъ Тебя свъшь пихїй Божїей славы: — Смиренїе Твое опшвергало на земль вьнцы похвалъ. Вселенная видишь, и небо свидъшель: мы благословляемъ Тебя!

Благодарность хотъла воздвигнуть Тебъ памяшникъ, да укажешъ онъ Монархамъ позднъйшихъ вьковъ спезю къ любви народа, и ко благу вселенной. Пусть памяшникъ сей воздвигнешъ пошомшво, а намъ памяшникъ Твой — Россїа, памяшникъ Твой — Европа! — Какой обелискъ не исчезаетъ предъ всеобъемлющимъ величїемъ сего памяшника?

И Ты вьщаль: „Да соорудится Мнъ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, какъ

оний сооруженъ въ чувствахъ Моихъ къ вамъ! Да благословляетъ Меня въ сердцахъ народъ Мой, какъ я въ сердцѣ Моёмъ благословляю оный. Да благоденствуетъ Россія! и да будетъ надо Мною и надъ нею благословеніе Божіе!

Незабвенны слова сіи, въ коихъ изобразилась душа Твоя! Да оправдають же они предъ попомшвомъ плачь нашъ и съпованіе! — Да будутъ они залогомъ благоденствія Россіи, а попомшву — замѣною счастья — зрѣшь Александра.

Александръ! Екашерина! Пешръ! Вы царшвовали надъ сердцами Россіанъ! Будьше ошнынъ геніями Россіи, хранишелями ея счастья и славы.

Александръ! — Россія молишся о Тебѣ. — Молишь о Россіи!

Борисъ Федоровъ.

Декабря 15, 1825.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

ИЗЛІЯНІЕ ЧУВСТВЪ ВЪРНОПОДДАННАГО.

Чшо?... Боже!... Чшо?... Уже ль Его не спало?
 Уже ли жизни свѣшь Внчаннаго погасъ?
 И Богъ ли до конца прогнѣвался на насъ?....
 Но вошь: — повсюду сшонь! — Все царство воз-
 рыдало!

И вопль Россіянъ вшоришь свѣшь:
 Нъшь Александра, нъшь!

Такъ нъшь уже Тебя, нашъ Ангель-ушѣшишель!
 Нъшь болѣ Тебя, полсвѣша Свободышель!
 Нъшь болѣ Тебя, дней счастливыхъ залогъ!
 О горе, горе намъ! прогнѣванъ нами Богъ!

Давно ль немолчная Его внчала слава?
 Давно ль ошь подвига, Россійская Держава
 Въ восшоргѣ видѣла шоржешвенный возврашь?

Давно ль первопрестольный градъ,
 Его рукою обновленный,

Дланъ благодѣющу, шопы Его лобзаль?
 Давно ли Крымъ, въ своихъ долинахъ, повшоряль
 Ошца-Монарха гласъ священный?

Давно ли шихій Донъ бликъ радостный внималь?
 Его пришешвиетъ восшорженнаго края?

Давно ль Россія вся, объшы возсылай
 Во храмахъ Вышняго, молила сохранишь

Злашую дней ошрадныхъ нишь?

Давно ли мысль о Немъ — благъ новыхъ упованье?
 Давно ли брощій взоръ — Россіянъ либованье!

Давно ль? — и что ж? — надгробное рыданье!

Во храмахъ плачь и стонъ!

И вѣшника молчѣнье уныль, помный звонъ,

Изъ края въ край Россію оглашаешь!

И вошь — подъ сѣнію державнаго вѣнца,

Священный гробъ опечеснѣва опца,

Ошь юга къ сѣверу, вопль чады сопровождаешь!

Во плачь погружень Дворъ Царскій и чершогъ!

И войско! и Сягклишь! — О! кто не возрыдаешь!

О царшвующихъ Царь! Великій Россовъ Богъ!

Забыша ли Тобой страна Тебѣ любезна!

Или, Твой правый гнѣвъ! — но се! — ошь круга

звѣзда

Раздался гулъ громовъ! и вошь — съвозъ черныхъ шучь

Проникъ — и озарилъ живошворящій лучъ!

И гласъ Превѣчнаго, неизъяснимый, чудный,

Выцающъ милосшь съ правосюю,

Лѣшь въ сердца восшоргъ, и — шраха свяшой:

„Прервише ропощъ безразсудный!

Судебъ моихъ нѣшто же исповѣшь!

Мнѣ Россъ любезенъ былъ, и ешь!

Посланикъ мой, вашъ Царь, Опецъ, вашъ Другъ на

шронъ,

На опческомъ моемъ почія лонъ,

Примешъ ошь меня мзду правую и чесшь!

Царя надъ вами я, по сердцу вамъ пошпаваю,

Его чрезъ васъ и васъ черезъ Него прославляю.

Еще въ лѣпахъ младыхъ Онъ онышомъ богашъ:

Онъ мудрый, зрѣль примѣръ въ дни скорбнаи години;

Марія Сынъ, Онъ Внукъ Петра, Екатерины,

Онъ Александра Брашь:

Въ Немъ шопъ же крошкый духъ, въ Немъ шо же къ
 благу рвенье:

Престанише ошъ слезъ!

Се Царь вашъ Николай! Се, Александръ вос-
 кресъ!

Се счастья Россіяпъ и славы продолженье!

Надъ Нимъ мое благословенье! “

Ө. Кокошкинъ.

VI.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ОБЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

(Писано въ концъ Декабря мѣсяца 1825,)

Окончаніе 1825 года не соотвѣшество-
 вало радоснымъ и свѣплымъ надеждамъ, съ
 коими встрѣчали начало онаго.

Въ западной и сѣверной часши Европы
 господствующъ шишина и спокойствіе, но
 юговоспочный край оной опустошаешся пла-
 менемъ жесточайшей брани. Надежда Гре-
 ковъ сокрушишь силы сопрошивныя, не сбы-
 лась въ нынѣшнемъ году. Многочисленное
 воинство сильнаго Пашы Египетскаго, въ
 соединеніи съ морскимъ ополченіемъ Капи-
 тана - Пашы, двинулось къ Морю, и, какъ
 слышно, вышло на берегъ. Флотъ Греческій

не могъ воспрепятствовать ихъ плаванію; сухопутныя силы Морен не въ состояніи удержатъ буйный натискъ. Всѣ предвидяшъ близкое паденіе Пелопоннеза. Къ несчастію, Греки не могутъ сказать себѣ въ утѣшеніе, что ими употреблены *всѣ* средства къ отраженію врага: морскіе воины исполняли долгъ свой усердно, но предводители сухопутной арміи ослабили ее своими неумѣстными раздорами, завистію и мѣстничествомъ. Одинъ только городъ Миссонги держится храбро и со славою: многочисленное войско Реннида-Паши сокрушилось о твердые его оплоты. Въроятно, что наступающая зима прекратитъ военныя дѣйствія въ Греціи, что Греки, наученные горькимъ опытомъ, примирятся между собою и видя общую опасность, забудутъ къ веснѣ частныя, мелкія свои выгоды . . . . Въроятно и желанно!

Надлежало бы сообщить читателямъ нашимъ о переговорахъ, происходившихъ у некоторыхъ Державъ западной Европы съ Южною Америкою, о послѣдствіяхъ Сейма Венгерскаго, о преобразованіяхъ въ Баваріи, и проч., но всѣ сии частныя происшествія, сии мѣстныя пошери исчезаютъ предъ величайшимъ несчастіемъ, коимъ Небесному Промыслу угодно было посылить Россію, Европу, всѣ части Свѣта. Александръ Благосло-

венный во гробъ! — Добродѣтельный, незабвенный Монархъ нашъ оставилъ въ началѣ Сентября мѣсяца съверную Свою столицу, для угошовленія души Августѣйшей Супругъ Своей, Кошора, по совѣшамъ врачей, доженствовала провести зиму въ климатъ тепломъ и благораспоренномъ. Государыни въ угодно было предпочестъ путешествіе въ полуденную Россію пребыванію въ чужихъ краяхъ: мѣстомъ жишельства Ея Величества избранъ былъ Таганрогъ. Государь Императоръ, принявъ шамъ Вселюбезнѣйшую Супругу, и усстроивъ все къ спокойному и пріятному проведению зимняго времени, Самъ изволилъ попомъ посѣпить землю храбрыхъ и вѣрныхъ Своихъ Донцевъ, принявшихъ Великаго своего Царя, вождя къ побѣдѣ и славѣ, съ восторгомъ и умиленіемъ любви и благодарности. На обратномъ пути, Государь отправился на южный берегъ Крыма, въ садъ Русской Имперіи, и павнясь прекраснымъ мѣстоположеніемъ, благораспореннымъ климатомъ и обиліемъ сего благословеннаго природою края, воспріимъ намѣреніе украситъ оный и пособіями искусства. Уже отправлены были изъ С. Пешербурга искусные Архитекторы и садоводцы для устройства дворца съ садомъ въ помѣсть, для того купленномъ въ казну. — Но въ судьбахъ

Предвѣчнаго положено было иное: Государь Императоръ, рожденный и воспитанный въ суровомъ сѣверѣ, укрьпившій силы Своею жизнью дѣлательною, умѣренною и простою, сносившій безъ преда всѣ пруды и опасности военной службы во всякое время года, невредимо вышедшій изъ кровавыхъ битвъ, гдѣ смерть избирала добычу свою подлѣ самой Его особы, — содѣлался жертвою жестокаго недуга въ краю шепломъ и благораспоренномъ, посреди мира и занятій гражданскихъ, въ лѣта зрѣлаго мужества, общаващаго Ему долготѣе . . . . Рука нѣжнойшей Супруги закрыла глаза, искавшия послѣдней оспрады въ Ея взорахъ; остановилось сердце, бившееся любовію и благоешію къ Россіянамъ и всему роду человѣческому; великая душа, вмѣщавшая въ себя попеченія о благи миліоновъ, направлявшая всѣ дѣла міра сего къ тишинѣ, спокойствію, братодлюбію, дѣлской покорности Промыслу, всѣмъ въ мірѣ управляющему, вознеслась къ своему источнику; представъ у Престола Всевышняго Царя Царей, она получила праведную награду шрудовъ своихъ, коею не могла имѣть въ семъ мірѣ.

Россіяне лишились чадолюбиваго Ошца, но не осиротѣли. По Его священной волѣ на тронъ Петра, Екатерины, Александра восшелъ достойный Преемникъ Ихъ доблесней

и славы, благодушный и правосудный Николай. Самыя первыя дѣла юнаго нашего Монарха свидѣтельствуютъ намъ, что мы обрѣли въ Немъ Царя по сердцу Божію и по желанію Россіи; всѣ чувствованія, мысли и подвиги Вселюбезнѣйшаго нашего Императора служатъ намъ порукою въ нашемъ благоденствіи: намъ оспается преданностию, повинностию, усердіемъ и любовью заслужить довѣренность нашего Государя — и Россія пребудетъ благословенною отъ Бога странною.

Н. Г.

VII.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
БИБЛИОГРАФІЯ.

Вѣдомости и Журналы.

1826.

Въ Санктпетербургѣ:

1. Санктпетербургскія Вѣдомости, и
2. St. Petersburgische Zeitung, издаваемый Императорскою Академіею Наукъ.

3. *Санктпетербургскія Сенатскія Вѣдомости*, и
4. *St. Petersburgische Senats-Zeitung*, издаваемыя при Правительствующемъ Сенатѣ.
5. *Journal de St. Pétersbourg*, издаваемый при Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.
6. *Технологическій Журналъ*, издаваемый Императорскою Академіею Наукъ.
7. *Христіанское чтеніе*, изд. при Санктпетербургской Духовной Академіи.
8. *Журналъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества*, издаваемый Комитетомъ онаго по ученой части.
9. *Санктпетербургская Коммерческая Газета* и
10. *St. Petersburgische Handels-Zeitung*, издаваемыя при Департаментѣ Внѣшней Торговли.
11. *Журналъ Мануфактуръ и Торговли*, издаваемый при Департаментѣ Мануфактуръ и Внѣшней торговли.
12. *Горный Журналъ*, издаваемый при Департаментѣ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ.
13. *Санктпетербургскій Прейсъ-Курантъ* ;
14. *St. Petersburgischer Preis-Courant*, и
15. *St. Petersburg Price-Courant*, издаваемыя при Департаментѣ Внѣшней Торговли.
16. *Запрещенія на недвижимыя имѣнія*,

издаваемыя при Сенашскихъ Вѣдомос-
сняхъ.

17. *Объявленія о купчихъ и пр.*, прилагае-
мыя къ Академическимъ Вѣдомосціямъ.
18. *Русскій Инвалидъ или Военныя Вѣдо-
мости*, и
19. *Новости Литературы*, издаваемыя *А.
Θ. Воейковымъ*.
20. *Сынъ Отечества*, Журналь Литерату-
ры, Полиптики и Современной Исторіи,
издаваемый *Н. Гречемъ и Θ. Булгари-
нымъ*.
21. *Сѣверный Архивъ*, Журналь древностей
и новостей по части Исторіи, Стати-
стики, Правовѣднія и Нравовъ, издавае-
мый *Θ. Булгаринымъ и Н. Гречемъ*.
22. *Сѣверная Пчела*, Журналь новостей по
части Литературы, Исторіи, Полипти-
ки и Нравовъ, издаваемый *Н. Гречемъ
и Θ. Булгаринымъ*.
23. *Дѣтскій Собесѣдникъ*, издаваемый ими
же.
24. *Благонамѣренный*, издаваемый *А. Е.
Измайловымъ*.
25. *Азіятскій Вѣстникъ*, издаваемый *Г. И.
Спасскимъ*.
26. *Отечественныя Записки*, издаваемыя
П. П. Свиньнымъ.

27. *Журналъ Изящныхъ Искусствъ*; издаваемый *В. И. Григоровичемъ*.
28. *St. Petersburgische Zeitschrift (Санктпетербургскій Журналъ)*, издаваемый *Г. Ольдекопомъ*.
29. *Дѣтскій Музеумъ*.
30. *Указатель открытій по Физикѣ, Химіи, Естественной Исторіи и Технологіи*, издаваемый *Г. Профессоромъ Н. Пр. Щегловымъ*.

При сравненіи сего списка съ прошлогоднимъ, видимъ, что прекратились два Журнала: *Соревнователь Просвѣщенія и Библиографическіе листы*; прибавился же одинъ — *Дѣтскій Собесѣдникъ* (*).

Въ числѣ сихъ періодическихъ изданій, одно (№ 18) выходитъ шесть разъ въ недѣлю, два (№№ 5 и 22) по три раза; девять (№№ 1, 2, 9, 10, 13, 14, 15, 16, 17) по два раза; два (№№ 3 и 4) однажды въ недѣлю; три (№№ 20, 21 и 24) по два раза въ мѣсяцъ; семь (№№ 7, 8, 19, 25, 26, 28 и 29) ежемѣсячно; четыре (№№ 11, 12, 27 и 30) чрезъ два мѣсяца; два (№№ 6 и 23) четырьмя книжками въ годъ.

(*) Но предсавленный нами списокъ періодическихъ изданій можешь увеличиться другими новыми Журналами.

Оснадцать из сихъ Журналовъ и Вѣдомостей издаются отъ казенныхъ мѣстъ, а двѣнадцать частными людьми. Въ числѣ оныхъ находящяся: три официальные полишическія Газеты (N№ 1, 2 и 5); три официальные же Газеты, по особымъ предметамъ (N№ 9, 10 и 18); пять официально издаваемыхъ Объявленій (N№ 13, 14, 15, 16 и 17); два Журнала, посвященные исключительно Нравственности и Благотворительности (№ 7 и 8); пять Журналовъ, посвященныхъ особенно какой нибудь Наукѣ или Искусству (N№ 6, 11, 12, 27, 30); два изданія въ пользу дѣтей (N№ 23 и 29); одна партикулярная полишическая и лишературная Газета (№ 22); пять изданій по части Исторіи, Полишики и Лишературы (N№ 20, 21, 25, 26 и 28); два, исключительно посвященныхъ Изыщной Лишературѣ (N№ 19 и 24).

О П Е Ч А Т К И

въ 24 кн. Сына Отечества 1825:

Стр. 359 стрк. 13 кап. le rucux, ум. le gueux.
— 398 — 16 — per, — par.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № II.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Р О З А У Р А

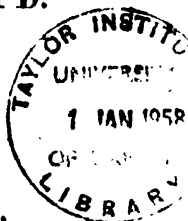
и

В Я Р О Д С Т В Е Н Н И К И.

(Окончаніе.)

Въ городкѣ Ваальдгерс, встрѣшилъ Графъ посланнаго къ нему курьера, съ повелѣніемъ немедленно явиться въ столицу. Неожиданно вспыхнула война между сосѣдственными державами; предвидѣлась и для Принца той страны необходимость въ ней участвовашь; всѣ полки получили приказаніе держашь себя въ готовности къ походу.

Эшо было бальзамомъ для ранъ Юлія. Гораздо веселѣе, нежели надѣялся, въѣхалъ онъ въ ворота города, и съ удовольствіемъ смопрѣлъ, какъ выносили оружіе изъ арсенала, и какъ солдаты пѣснями и шутками изъявляли не одну готовность, но и радость свою, при наступленіи давно желанныхъ

бипивъ. И самъ онъ вскорѣ занялся нужными распоряженіями для своего эскадрона. Въ пріятной сумашохѣ, часы казались для него минушами, однако не проходило ни одного безъ того, чшобъ не вылетѣло вздоха изъ груди его о печальной участи любезной ему Розауры.

При Дворѣ нашель онъ, не скучавшую прежде ни одной минушы, Принцессу Альвину, задумчивою и блѣдною. Юлій опнесъ што къ наступающему военному времени. Но однажды воспользовалась она минушою, когда никто не могъ ихъ слышать, и сказала:

„Я имѣю нѣчто важное сообщить вамъ, Графъ. Приходите пожалуй-те завтра, въ 11 часовъ въ мою пріемную.“

Когда явился Юлій въ назначенный часъ, его пошчасъ допустили. Принцессу нашель онъ съ навернувшимися на глазахъ слезами. Она попросила его състѣ прошивъ себя, и спала говорить шакъ:

„Я виновата передъ вами въ томъ, что заставила васъ въ послѣдній вечеръ передъ въпъездомъ Розауры, дразнить ее столь опаснымъ, даже страшнымъ образомъ. Я вижу, что вамъ уже не неизвѣстно, ошъ чего Гальденбахи носятъ прозвание Мордбрандъ. Ска-

жите, не случилось ли въ замкѣ Фйнштерборнѣ опять какого нибудь несчастія? “

Графъ успокоилъ ее своимъ оповѣщеньемъ. Переведа духъ, она продолжала: „ Слава Богу! — Я ужасно боялась за васъ. Вы должны знать, что удивляясь въ то время необыкновенно страннымъ поступкамъ Розауры, я говорила послѣ о томъ своему родителю. Онъ побранилъ и меня и моего брата за неумѣстную шушку, и приказалъ въ тайномъ архивѣ найти для насъ бумаги, объяснившія намъ всю ужасную исторію фамиліи Гальденбахъ. Теперь, Графъ, позвольте спросить, все ли и вамъ извѣстно въ точности? “

— „ Мнѣ кажется, “ — оповѣчалъ Графъ: „ что это сцѣпленіе ужасовъ, неославляющее никакой надежды на будущее, мнѣ совершенно извѣстно. “

„ Никакой! “ повторила Принцесса: „ къ сожалѣнію, это правда! Единственная возможность избавленія заключаетъ въ себѣ такое условіе. . . “

Знаю его, Принцесса. Можетъ быть; наступающая война приведетъ его въ исполненіе, и я буду считать себя счастливымъ, когда, проливая кровь свою за Государа и отечество, искуплю въ то же время и любезную мнѣ фамилію Гальденбахъ отъ гнѣшущаго ее ужаснаго проклятія. “

„Теперь я вижу, Графъ, что вы не все знаете. Прочтите вошь это. Я приду узнать о вашихъ намъреніяхъ.

Она положила передъ нимъ самый старинный пергаменный свисокъ, и оставила его.

Вошь что прочитала Юлій:

„Свидѣтельствуемъ чрезъ сіе мы, Конрадъ - фонъ Тисбахъ, рыцарь, и Альбертъ фонъ - Лангофъ, дворянинъ, что мы слышали нижеслѣдующее изъ устъ рыцаря Вольфрама фонъ - Гальденбаха въ послѣдніе минуты его жизни, когда боролся онъ съ опчальніемъ. Да спасетъ Господь его душу!“

„Помянутый рыцарь Вольфрамъ погорячился на охотѣ и, упавъ съ лошади въ оврагъ, расшибся до полусмерти. Когда привезли его домой, то послалъ онъ за нами, товарищами его по охотѣ, и въ перзаніяхъ совѣсти расказалъ намъ все о поступкѣ своемъ относительно благородныхъ Графовъ Вильдековъ, такъ, что у насъ отъ ужаса волосы дыбомъ стали.“

За симъ слѣдовалъ подробный расказъ ужаснаго происшествія въ замкѣ Вильдековъ. Въ томъ же мѣсцѣ, когда сгорающій спа-

рець проізносивъ проклятіе на Гальденбахъ, написано было такъ:

„И старый умирающий прорицатель присовокупилъ, что хотя бы все племя Вильдековъ испребилось, но если прежде одинъ изъ нихъ не приметъ въ замужство дѣвицы изъ племенъ Гальденбахъ, то все таки его заклятіе будетъ дѣйствительное. Послѣ того прорицатель, — вспомнивъ конечно, какъ самъ онъ близко въ вѣчнаго судилища, хотѣлъ по всей вѣроятности, прибавить что нибудь утѣшительное для проклятаго имъ племени, но въ то самое время плащъ его былъ пропеченъ и проискренъ пламенемъ; и сіе такъ ужаснымъ казалось, что онъ — господинъ Вольфрамъ — не могъ снести того въ грязевѣяхъ своей совѣсти, и убѣжалъ въ лѣсъ. Когда ворошился онъ, упавшая башня давно уже погребла подъ собою прорицателя, и г. Вольфрамъ, къ величайшему сожалѣнію, ничего не знаетъ, какія утѣшительныя для него слова были сказаны.„

, Для засвидѣтельствованія всего слышаннаго нами, написана сія грамота одною почтенною особою съ тѣмъ, что можеть бытъ она со временемъ, кому нибудь изъ Графовъ Вильдековъ или рыцарей Гальденбахъ послужитъ въ пользу. И я, Конрадъ фонъ Тисбахъ, рыцарь, съ приложеніемъ

печати герба своего, въ наивысшее ручапельство, подписываю свое имя; а я Альбертъ фонъ Лангофъ, дворянинъ, прилагаю печать герба своего, за неумѣнїемъ грамотъ, спавляю крестъ.

„Написано въ замкѣ Тисбахъ, въ 25 день Зимняго мѣсяца (Ноября), лѣта по Рождествѣ Христовомъ 1293-го.

Конрадъ фонъ Тисбахъ, +.“

Глубоко былъ пронужь Юлій, разбирая мало по малу, съ большимъ трудомъ, связно, старинною рукою, неправильно написанныя строки. Когда онъ кончилъ, ему казалось, будто голоса предковъ его възываютъ къ нему изъ гробовъ. Бодро, но задумчиво — руки сложивъ крестомъ — сподялъ онъ передъ свѣчкомъ пергаментша.

Вошда Принцесса.

„Вашей Свѣшлости“ сказалъ Вильдекъ: „можешь быть лучше извѣстно, прилично ли будешь, и согласишься ли Принцъ, ващъ родитель, если я передъ походомъ буду просиць дѣвицу Гальденбахъ обвинчаться со мною и носишь имя Графини Вильдекъ.“

— „Эшого я отъ васъ и ожидала“ — отцвѣшествовала Принцесса, и лучъ чистѣйшей радости заблещалъ изъ прекрасныхъ

глазь ея: „Принцу все извѣстно, и онъ все предославляеть вамъ. Я уже писала и къ шешкѣ Розауры. Ужасное время болѣзни шеперь миновалось. Пригошовьшесь къ опрѣзду завтра въ девять часовъ. За вами заѣдетъ мой Каммергеръ и будетъ вашимъ провозачнымъ. Я сама намѣрена бытъ на вашей свадьбѣ.“

Ласковымъ наклоненіемъ головы Принцесса просшилась съ Графомъ. Счастливымъ въ чиспыхъ своихъ намѣреніяхъ, Юлій поспѣшила пригошовить все къ предпринимающему дѣлу.

При легкомъ мерцаніи вечера, остано-вился Юлій, на слѣдующій день, передъ воротами замка Розауры. Каммергеръ вошелъ шуда, чшобъ пригошовить къ пріему жениха. Юлій медленно выходилъ изъ коляски. Издали увидѣлъ онъ шестерню Принцессиныхъ коней, скачущихъ по долинь; онъ самъ не зналъ, будетъ ли допущенъ къ Розаурѣ прежде прибытія высокої госпши; даже не смѣлъ на то и надѣяться. Наконецъ Каммергеръ появился въ ворошакъ, и, молча, показалъ на близстоящую, освѣненную вѣшви-спными лицами часовню. Тетка невѣсты была шамъ одна. Въ умиленіи, почтенная женщина схватила руку юноши, и сказала:

„Вы принесете величайшую жертву, Графъ Вильдекъ, если успоите въ своемъ намѣреніи. Безъ сомнѣнія, чувствуете вы, что не можете имѣть другихъ правъ на супругу вашу, кромѣ тѣхъ, чтобы дать ей ваше имя, и охранять честь и покой ея.“

— „А развѣ этого мало?“ возразилъ Юлій, вспыхнувъ. „Здѣсь клянусь вамъ, исполнять усердно и праводушно, что вы на меня возлагаете; клянусь, до послѣдняго мгновенія жизни любить и уважать мою Розауру.“

Онъ преклонилъ колѣна. Смиренная вдова напечатлѣла скромный поцѣлуй одобренія на чело его, и скрылась.

Вскорѣ за пѣмъ Розаура, блѣдная, но прелестная, съ миртовымъ вѣнкомъ на головѣ, явилась въ сопровожденіи Принцессы и своей пешки.

Безъ пышности, но въ умиленіи сердце совершился обрядомъ церкви эпошъ необыкновенный союзъ. Священникъ, почтенный старецъ, былъ глубоко пронунъ, потому что зналъ обо всемъ.

Рѣшительное согласіе слѣзѣло внятно, хотя не громко, съ устъ Розауры, и Юлій, почтительно поклонясь, хотѣлъ уже обратиться къ дверямъ, какъ она подозвала его опашь къ себѣ. „Юлій!“ сказала она, и сле-

зы полились изъ глазъ ея: „пы мой храни-
пель, Юлій.“ Тутъ скрыла она лице свое
на груди Принцессы, а Юлій, исполненный
сладостнаго восшорга, и вмѣстѣ унынія,
поѣхалъ назадъ, въ шуманъ безмолвной осен-
ней ночи.

Вскорѣ зашѣмъ послѣдовалъ желанный
призывъ на войну. Юлій сражался, какъ че-
ловѣкъ, спремащійся на смерть — какъ
герой, нежелающій уступитъ въ герой-
скихъ подвигахъ предкамъ своимъ. Припомъ,
одушевляемый чувствомъ Розауриной любви,
онъ питалъ въ себѣ такую крошкующую весе-
лосць, что всѣ сердца воиновъ спремили-
сь нему въ искренней довѣренности и въ со-
ревнованіи славы его. Богъ чудесно спасъ
младую жизнь, и вырвалъ ее изъ грозившихъ
повсюду опасностей. Изъ чина въ чинъ без-
престанно возвышался Графъ Вильдекъ, и съ
наступленіемъ полной зимы, былъ онъ уже
Полковникомъ драгунскаго полка. И между
тѣмъ, какъ другіе въ это грозное время года
покоились, молодой герой съ смѣлыми своими
наздниками, по забиралъ, въ пылу непріа-
теля, посылаемыхъ ошъ него курьеровъ, и
разбивалъ обозы; по нападалъ на зимніа
квартиры считающихъ себя въ безопасно-

спи войскъ, по смѣлоу, насильственнымъ вылазкою пробивался черезъ форпосты или занятыя непріятелемъ города, на какое нибудь важное предпріятіе; и всегда возвращался съ побѣдою и добычею къ своему стану. „Идутъ Вильдековы драгуны!“ восклицали непріятели въ страхъ; но между тѣмъ другъ и недругъ съ радостнымъ восторгомъ произносили имя самого Графа Вильдека, потому что всякому представлялся онъ приѣмомъ спрашнаго и добродушнаго, грознаго и привлекательнаго воина-героя. Наспоящій солдатъ всегда уважаемъ, даже любимъ самыми противниками.

Однажды, возвратившись въ главную квартиру Принца съ военнопленными и разными трофеями, нашелъ Юлій слѣдующее письмо Розауры, первое, писанное къ нему ея предестинною рукою:

„Мой герой, мой любезный, мой покровитель! Имя твое гремишь въ ушахъ Орашеровъ и Поэшовъ, какъ и въ ушахъ народа. Я напередъ предвидѣла и предчувствовала это, задолго до того, какъ призналась тебѣ въ любви своей. Тогда желала я войны, чтобы ты могъ двинуться свѣту во всемъ твоимъ величїи и славу. Но теперь — ахъ, Юлій! неужели ищешь ты смерти для больной дѣвушки? — Нѣтъ, не дѣлай этого,

Хотя любовь моя къ тебѣ никогда не перемѣнилась, но съ меньшею, нежели шеперь, гордостію, подписывала бы я тогда свое имя—

*Графиня Розаура Вильдекъ,
урожденная Гальденбахъ.*“

Какъ изобразить восторгъ Юлія! какъ начертать опившъ его! Кто не можетъ предсавить себя въ подобномъ случаѣ, пусть пусть не домогается знать написанныхъ имъ спрокъ — пусть пропустишь ихъ, счиная письмо нераспечатаннымъ.

Но — ахъ! съ весною, во время возобновившагося брашнаго шума, пришло къ нему не столь уже радостное извѣстіе. Принцесса Альвина писала къ нему со всѣмъ приличіемъ и оспорожностію, какія только можетъ употребить искусная рука, что проклятіе дѣйствовало на Розауру еще сильнѣе и ужаснѣе, нежели когда нибудь. Принуждены были непременно уведомить о томъ Графа, пошому, что несчастная супруга его, въ одношь разъ, сдѣлалась жертвою болѣзни своей въ Принцевомъ дворцѣ, и хотя вездѣ разнеслось, что это горячка, но вѣсть о смертельныхъ испязаніяхъ Розауры могла достигнуть до Графа во всемъ своемъ ужасѣ. Теперь все миновалось. Сама Розаура при-

писала въ письмѣ, слабою рукою, нѣсколько утѣшительныхъ строкъ.

До того времени все еще шла легкая надежда въ сердцѣ Графа. Можешь бышь — думалъ онъ — заклианіе уничтожишься брачнымъ благословеніемъ — если дѣйствительно злобщій прорицатель хотѣлъ сказать что нибудь въ утѣшеніе, по конечнo всего ближе это. Но теперь послѣдній лучъ надежды погасъ въ душѣ его! Теперь ничто, казалось, не въ состояніи искупить Розауры, кромѣ смерти ея супруга! Онъ усердно просилъ Бога о дарованіи скорой смерти, съ честію и славою, и отправился съ бодрымъ духомъ въ пылъ обновившейся битвы.

Сраженіе увѣнчалось побѣдою; за нимъ послѣдовали еще два въ теченіе весны и лѣта. Юлій оспался невредимъ въ то время, какъ справа и слева падали воины, и конечно большая часть такихъ, кошорые столь же горячо любили жизнь, какъ онъ желалъ смерти. Сколько разъ, дерзновенный, рвался онъ самъ прямо на непріятельскіе штыки, но мысль о той, для кошорой отдавалъ онъ себя на жертву — мысль объ ея нѣжномъ письмѣ, кошорое всегда носилъ онъ на гру-

ди своей, опять его удерживала. И тогда благоспѣ Господа явилась ему во всемъ величїи — онъ вѣровалъ и уповалъ, хотя никакая человѣческая мудрость не могла бы тушь предвидѣть спасенїя.

Къ осени побѣдоносное войско весьма умалилось; союзники, для которыхъ вся война была предпринята, уже не оказывали прежняго духа и соревнованїя, съ пѣхъ поръ, какъ опасности перешли за предѣлы ихъ Государства; чпобы дашь рѣшишельное сраженїе, надлежало въ собственнѣй землѣ искать способовъ и подкрѣпленїя. Тогда многіе храбрые дворяне, вспомнивъ о славѣ своихъ предковъ, взяли сами оружіе, и собравъ вокругъ себя цѣлыми полками искусныхъ горныхъ стрѣлковъ, пошли предъ ними на защиту Государя и опечесства. Со всѣхъ сторонъ сходились шакїе опряды подъ веселыми звуками охопничьихъ рожковъ. Неуспрашимый видъ ихъ и крѣпкія мышцы подавали надежду, чпо съ ними легко однимъ ударомъ на враговъ возстановить желанный миръ. Вильдекъ, незадолго пожалованный въ Генералы, но давно уважаемый предводителями войска и всегда съ пользою совѣщавшїй въ военномъ Совѣтѣ, говорилъ и теперь съ юношескою живостью, о скорѣйшемъ исполненїи предназначаемаго, великаго пла-

на, для чего на важнейшія дѣла рекомендо-
 вать вновь прибывшихъ свѣжихъ стрѣлковъ.
 Хотя не видалъ онъ еще никого изъ этой
 толпы, находясь на другомъ крылѣ войска,
 но предшествовавшая молва за нее ручалась,
 а при томъ по собственной, пылкой душѣ,
 судилъ Вильдекъ о доблести столь благород-
 но возставшаго народнаго воинства.

Изъ другихъ Генераловъ никто не имѣлъ
 особенной охоты вдаваться въ опасности съ
 этими непривычными къ порядку пришель-
 цами. Прямо говорили иные, что между не-
 знающими правилъ войны и подчиненности
 стрѣлками, не найдуть они средствъ удер-
 жать за собою побѣду; другіе съ важностію
 улыбались въ молчаніи, или шептали пова-
 рищамъ, что не чувствуютъ въ себѣ столь-
 ко поэтическаго духа, чтобы управлять
 такими поэтическими подчиненными; на-
 конецъ многіе наспавали, чтобы поучить
 стрѣлковъ по крайней мѣрѣ главнымъ прави-
 ламъ новаго воинскаго Устава. Но съ тѣмъ
 вѣстѣ многіе, стѣнами украшенные герои,
 сокрушались въ благородной душѣ, зачѣмъ
 не оживляетъ ихъ прежняя сила юности,
 чтобы итти на битву передъ рядами сихъ
 юношей. Тутъ съ привѣтливою улыбкою об-
 ратился Принцъ къ Юлію и сказалъ: „У-
 васъ, Генераль Вильдекъ, кажется, и силы и

желанія въ добромъ согласіи на эшотъ случай. Поспѣшите къ спрѣлкамъ и, по принятому плану пусть, дѣйствуютъ неопытные пришельцы подѣ вашимъ начальствомъ. Поставъ завпра, чуть забреждеть свѣтъ, я сдѣлаю нападеніе ошсюда. “

Еще Юлій не имѣлъ времени объѣхать всѣ отряды новой своей команды, какъ сигнальная ракета, на разсвѣтъ дня, взвилась надъ горами, и вызвала его къ нападенію. — „Всего лучше узнаемъ другъ друга въ сраженіи!“ сказалъ онъ ласково, и окинувъ быстрымъ взоромъ еще разъ положеніе непріятелей, разослалъ Аджюшаншовъ и ординарцевъ во всѣ концы, съ повелѣніемъ выступить на бивву. Радостно повиновались спрѣлки. Служить подѣ начальствомъ Графа Вильдека желалъ каждый изъ нихъ, и еще сильнѣе воспламенило ихъ воинственный духъ его первое, на бой призывающее повелѣніе, лишь только прибылъ онъ въ станъ ихъ.

Сраженіе началось. Юноша-герой, предѣ рядами храбрыхъ юношей, сдѣлалъ сильный напискъ противъ непріятеля расположеннаго на возвышеніи; но и тошъ, зная важность эшого пункта, противопоставилъ лишь лучшіе отряды свои подѣ началь-

спвомъ смѣлѣйшаго и разсудительнѣйшаго полководца. Пули градомъ посыпались на спрълковъ; уже многіе изъ нихъ плавали въ крови своей, а прочіе, конечно не во всей силѣ предшавлявшіе себѣ прежде ужасы войны, спали какъ въ оцѣпенѣніи. Но одного клика ободренія, одного знака ихъ воинственнаго предводителя было досташочно, и скова двинулись ряды ихъ впередъ, съ восклицаніями отважности и воспорага. Вильдекъ былъ повсюду, гдѣ наиболѣе угрожала опасно пь, и вездѣ привѣщивовало его громкое ура! и храбрѣе, радостнѣе взбѣрались побѣдоносныя дружины его на усѣянную непріятелемъ гору. Уже Юлію казалось не однажды, будшо на скоромъ скаку мелькалъ въ глазахъ его Полковникъ Гальденбахъ, передъ значительнымъ опрядомъ спрълковъ. Скоро онъ удостовѣрился въ томъ. Лишь только первыя высопы были взяшы, и Юлій съ надгорнаго мѣста спалъ окидывашъ взоромъ окружности, какъ явился передъ нимъ знакомый егеръ съ рубцевавшимъ лицомъ и на чудномъ горскомъ конѣ.

„Генераль!“ воскликнулъ егеръ, отдавая честь: „Полковникъ Гальденбахъ, предводительствующій прешнимъ опрядомъ на правомъ крылѣ, приказалъ донести, что непріятель передъ нимъ бѣжитъ стремглавъ,

и что не позволено ли будетъ обойти его съ боку и для того выдвинуться изъ линіи?

Юлій подумалъ съ минутой, смотря въ ту сторону, о которой говорено; пощомъ сказалъ:

„Пусть Полковникъ дѣлаешь, что покажется ему выгоднѣе на его мѣстѣ. Я замѣчу его движеніе и распоряжусь о прикрытіи праваго крыла. Только пусть не забываетъ онъ, что у насъ нѣтъ конницы; что непріятельскіе гусары уже беспокоятъ насъ, и что въ ту сторону поверхность земли ровнѣе и открытѣе. Слупай съ Богомъ, ординарецъ, и поклонись отъ меня своему Полковнику,

Опдавъ опять воинскую почестъ, поксакалъ егеръ къ своему отряду; а Юлій, сдѣлавъ нужныя распоряженія по измѣненію боеваго порядка, помчался самъ къ рѣшишельному пункту. Между тѣмъ на высотахъ разспавилъ онъ ординарцевъ, чшобъ немедленно достигали къ нему извѣстія со всѣхъ споронъ

Старый, спрашный Гальденбахъ, какъ бы вѣстникъ смерти, явилъ себя спрашнымъ и непріятелю. Уже лѣвое крыло послѣдняго пустилось бѣжать, какъ между тѣмъ разосланые Адьюшанты Юлія, по разумнымъ приказаніямъ Генерала, устроили все такъ,

что въ этой, поросшей кустарникомъ спрянъ, все противное войско приведено было въ недоумѣніе, откуда собственно разразился на него ожидаемый рѣшительный напискъ.

„Теперь настоящее время!“ вскричалъ Юлій: „за мною! впередъ!“

Звуки роговъ раздались по долинамъ, сопровождаемые отголосками грознаго *ура!* стрѣлковъ, и шокливаго преска оружія въ непріятельскомъ станѣ. Уже стрѣлки не дѣлали ни одного высрѣла. Ихъ охошничьи ножи были привинчены къ ружьямъ, наподобіе штыковъ; съ ними бросились они, всѣ вдругъ, на непріятеля. На немногихъ только мѣстахъ удержался онъ при семъ непредвидѣнномъ нападеніи; и тамъ не надолго. Побѣда съ этой стороны была рѣшена; непріятельскія пушки большею частію отбины. Уже вдали, изъ-за разсѣявшихся ружей противнаго войска, показалась союзная кавалерія, которая пошчасъ построилась, чтобы принять непріятеля съ тыла.

Юлій съ радостнымъ шрепетомъ сердца ошъ успѣховъ сраженія, остановился на одной изъ взятыхъ высотъ. Гальденбахъ все еще преслѣдовалъ остатки бѣгущаго войска и приближался къ равнинѣ, гдѣ стояли непріятельскіе гусары. Хотя, по приказанію Вильдека, громили уже сихъ послѣднихъ изъ взя-

ныхъ орудій, но разсѣваемые по часщамъ, удерживали они въ главномъ пунктѣ свое положеніе, рѣшась прикрышь по возможности бѣгущую свою пѣхоту, и не была конницы прошивниковъ, кошорая спояла вдалекъ и заняша была другимъ, важнѣйшимъ дѣломъ.

„Скачите“ сказала Юлій одному изъ своихъ Адьюшаншовъ: „скачите, что есть силы, и осперегите Полковника Гальденбаха опъ непріятельскихъ гусаровъ. Онъ слышкомъ далеко вдаешся.“

Но едва поскакалъ Адьюшаншъ, какъ уже Гальденбахъ, со всѣми своими силами, двинулся на равнину, и въ одно мгновеніе бросились и пріударили на него гусары. Юлій, запылавъ гнѣвомъ при мысли, что ж одинъ листокъ вырванъ будешь изъ сегодняшняго побѣднаго вѣнка его, осмошрѣлся вокругъ себя, и мановеніемъ руки собравъ Адьюшаншовъ и ординарцевъ своихъ, воскликнулъ: „Нась не много, но мы посноимъ за два эскадрона—не шакъ ли? Не въ числѣ сила. За мною, друзья!“ И шупъ помчался онъ, держа надъ головою побѣдоносную саблю, и небольшая избранная шолпа кинулась за нимъ, одушевленная примѣромъ. Съ громкимъ крикомъ ударили они на непріятеля, кошорый, опчасща испуганный внезапнымъ напа-

деніемъ всадниковъ, опчаски пораженный
прежними ожесточенными прошивниками,
мгновенно обратился въ бѣгство.

Спрѣлки Гальденбаха были спасены; но
самого стараго Полковника, обезоруженнаго,
израненаго, на ушомленномъ конѣ, увлекли
за собою двое гусаровъ. Еще разъ прищпорилъ
Юлій вѣрнаго Абдула; съ быспротою вѣпра
догналъ онъ дерзкихъ, махомъ меча свалилъ
одного изъ гусаровъ на землю; другой, въ
опчаяніи, кошѣлъ заспрѣлишь своего пѣвни-
ка изъ писполета, но Юлій опшибъ ору-
жіе, и выспрѣлъ, въ измѣненномъ направле-
ніи, обратился въ него: пуля прошла ему въ
грудь. Окровавленный, упалъ онъ на шею ко-
ня; попомъ безъ чувствъ повалился въ
справу.

Отнувшись, нашель себя Юлій на мяг-
комъ ложѣ, въ нышно убранныхъ комнашахъ
Княжескаго охотничьяго замка, кошорый на-
ходился посреди завоеванныхъ высошь. Это
извѣстіе получилъ Юлій, на вопрошающій
взоръ, ошь Адьюшаншовъ своихъ, кошорые
доложили въ шо же время, что сраженіе вы-
играно совершенно; что и Полковникъ спа-
сень, и что его, съ легкою ранюю въ голову,
привезли въ шошь же замокъ. Юлій съ

улыбкою благодарности, подавъ руку храбрымъ друзьямъ. Горячія слезы навернулись у нихъ на глазахъ; лекаръ опошелъ въ уныніи. Юлій предчувствовала, что это значило.

Еще хотѣлъ онъ спрашивать, но разбитая грудь измѣнила его голосу. Онъ одѣлалъ знакъ лекарю, и съ большимъ усиліемъ пролепеталъ: „Долго ли проживу я? скажите не совѣсь!“ — „Съ недѣлю, много двѣ!“ отвѣчалъ въ уныніи лекаръ, зная Христіанскія правила своего Генерала, и видя, что непростительно, даже грѣшно было бы скрывать правду въ такомъ случаѣ.

Весело и признательно поднялъ Юлій къ небу руки свои. Онъ умиралъ за Монарха, ошечество и Розауру—переселялся съ поля побѣды къ героямъ-прародителямъ. Какъ часто и прежде представлялъ онъ себя что-то подобно въ дѣшствѣ! Какъ часто, юношею желалъ онъ того на яву и во снѣ!

Сближалось время, въ которое Гальденбахамъ надлежало отдашь полугодичный долгъ испязаніямъ лежащаго на нихъ заклятія. Юлій желалъ умереть прежде, чтобы Розаура не потерпѣла ни разу болѣе ошъ измучительныхъ, незаслуженныхъ мученій. Тупъ пришло ему на мысль, какъ ужасны должны были припадки спараго Полковника, при его израненной головѣ. Онъ велѣлъ подать ка-

рандаши и бумаги. Дрожащею рукою написала сѣдующее:

„Днемъ и ночью, два хирурга, при ординарца при Полковникъ Гальденбахъ. Мнѣ чрезъ каждыя три часа о немъ доносишь. “
 Лекаръ пошелъ распорядишься о приказанномъ. Юлій, упомянутый усиленъ, погружлся, почти не чувствуя боли, въ сладоспный сонъ.

Проходили дни и ночи. Юлій получала все хорошія вѣсти о здоровьѣ Полковника. Лекаръ удивлялся даже, опчего такъ заботишься о немъ Генераль, и часто распространялся въ увѣреніяхъ, что рана Полковника Гальденбаха совсѣмъ незначишельна, и его почти уже можно считаешь исцѣлившимся.

Въ то же время, сверхъ всякаго чаянія, получала облегченіе и самъ Юлій, такъ зажившию, что радоспныя лица Адьюшаншовъ, а иногда и веселая улыбка лекаря показывали болѣе и болѣе надежды къ его выздоровленію. Юлій глубоко вздыхала при мысляхъ о томъ. Ахъ, неужели должно еще продлаться время испытанія Розауры!

Прошло уже болѣе шрехъ недѣль послѣ бывшаго кроваваго дня, и лекаръ Юлія смотрѣлъ на него непрерывно съ бѣльшимъ

упованіємъ. Однажды пришли доложить Генералу, что Полковникъ Гальденбахъ, совсѣмъ уже выздоровѣвшій, проситъ позволенія съ нимъ говорить, и, если можно, наединѣ.

Легкій прѣпешъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ Юлія. Онъ подумалъ о возможности внезапнаго припадка наследственной его болѣзни, о собственной своей слабости и раздражительности припомъ своего воображенія, — однако вскорѣ опспоронилъ опъ себя всѣ мучительныя мысли, и согласился на свиданіе.

Спарикъ вошелъ съ торжественною, строгою на лицѣ миною, но припомъ съ черпою крошости, какой прѣжде не замѣчалъ въ немъ Юлій.

„Не страшись меня болѣе, молодой герой!“ сказалъ Полковникъ тихо: „миновались припадки бѣшенства, мои и всего моего рода. Уже болѣе сушокъ, какъ прошло все, обыкновенно мучительное для меня время, но ни малѣйшаго признака прежней болѣзни не было. Ты нащѣ избавишель, конный Вильдекъ, но ахъ! какъ бы ни надѣялся лекаря, шѣмъ увѣришелье кажешся мнѣ, что моя прекрасная племянница будешь скоро вдовою.“

Онъ плакалъ горько, но удерживалъ по-рывмъ своей печали. Подомъ сказалъ:

„Съ побѣдою нашею какъ будто должно было исчезнуть и всякое для меня воспоминаніе о томъ ужасномъ времени. Мой храбрый, вѣрный егеръ палъ, защищая меня, и погребенъ на мѣстѣ сраженія. Но когда я подумую, что и тебя не спанеть скоро...“

Его голосъ опять прервался отъ слезъ; руками закрылъ онъ лице свое.

Между тѣмъ Юлій, для кошораго вѣсть объ избавленіи Розауры послужила живительнымъ бальзамомъ, поднялся весело на ноги своею, и сказала съ необыкновенною силою:

„Будь покоенъ, старый герой, будь покоенъ! Я выздоровѣю и долго, долго буду жить съ Розаурой, буду счастлива; что прорицатель, мой предокъ, хотѣлъ оказать угнетеннаго для вашего племени, то — повѣрь мнѣ — теперь свершилось, точно свершилось.“

Въ изумленіи, колеблясь между радостію и сомнѣніями, смотрѣлъ Полковникъ на вдохновеннаго юношу. Но дальнѣйшихъ объясненій не было, потому что вдругъ въбѣжалъ Адьюшансъ и объявилъ Генералу о прибытіи Принца. И вскорѣ за тѣмъ явился самъ почтенный Монархъ и отецъ той сироты.

„Я много, много привезъ вамъ вѣстей, Графъ Вильдекъ“ сказалъ онъ послѣ первыхъ привѣтствій: „Начну съ того, что конечно

вашему рыцарскому сердцу будетъ всего при-
 ятнее: мы заключили миръ, славный, проч-
 ный миръ, какой только могъ бытъ когда-
 либо вынужденъ побѣдою. Попомъ вошь не-
 большая бездѣлка“— и онъ вынулъ важнѣйшій
 орденъ Государства и положилъ его на по-
 шелью больнаго: „знаю, однако, что Ваше
 Превосходительство порадуетесь и тому.
 Побѣдитель вѣшихъ высотъ заслужилъ при-
 помъ званіе моего Генералъ - Лейтенанта —
 впо само собою разумѣется. Наконецъ еще
 послѣдній курьеръ привезъ ко мнѣ кое-что,
 ни съ чѣмъ несравнимое. Дочь моя Альви-
 на пишетъ ко мнѣ, что Графиня Розаура
 совершенно освободилась отъ своихъ пре-
 жнихъ припадковъ, а вошь и письмо къ вамъ
 Графини, изъ кошораго узнаете, отъ чего не
 спашусь я болѣе смерти моего храбраго
 Вильдека.“

Съ блистающими радостію глазами смо-
 трѣлъ Юлій на драгоценный листокъ, раз-
 вернулъ его и прочиталъ:

„Наступало ужасное для меня время; я
 пригосовилась къ нему попомъ и молишвою.
 Но все миновалось благополучно. Я не чув-
 ствовала въ себѣ и слѣда прежней болѣзни.
 Ахъ, Юлій, живъ ли ты? или смерть швоя
 даровала мнѣ спокойствіе? — Ужасно было
 бы такое спокойствіе! —

„Но нѣтъ, Юлій, ты живъ, и при всемъ томъ проклятіе уничтожилось. Вчера мнѣ открыло то сновидѣніе.

„Юлій, мой герой, избавишель мой! О, ты навѣрное живъ и мое сновидѣніе не лживо! Ты живъ и скоро увидишь швою, шобою дышащую Розауру.“

Предчувствіе сбылось. Вскорѣ Графъ Юлій, совершенно оправясь, пріѣхалъ въ шоржествѣ и въ радости на родину. Отъ брачнаго союза его съ Розаурою произошли сыновья и дочери, и снова процвѣло благородное цоколѣніе Вильдековъ.

Съ Ниль. Ж.

II.

Б И О Г Р А Ф И Я.

А Н Н А Р А Д К Л И Ф Ъ.

(Изъ сочиненій Вальтера Скотта.)

(Жизнь Анны Радклифъ, проведенная въ тишинѣ домашняго круга и родспвенной дружбы, столь же кажется неизвѣстною и уединенною, сколь блистательна и повсемѣстна была слава ея швореній. Слѣдующее извѣстіе, доставленное одному современному Біографу, заключаетъ въ себѣ досповѣрныя показанія о ея рожденіи, семейственныхъ связяхъ и личныхъ качествахъ.)

Она родилась въ Лондонѣ, 9 Іюля 1764 года. Опець и мать ея, Вилліамъ и Анна Вардъ, происходили отъ доспашочныхъ купеческихъ домовъ, но сами были небогаты, или по крайней мѣрѣ не жили въ доспашкѣ. Бабушка ея, со стороны матери изъ фамиліи Чизельденъ, была сестра славнаго Хирурга. Г. Вардъ съ благодарностію воспоминалъ о милостяхъ своего дяди. Я видѣлъ книги, подаренныя имъ своему племяннику. Кажется, что покойный Подполковникъ Чизельденъ, изъ Сомерби, въ Графствѣ Лейсмерскомъ, былъ другой племянникъ сего Хирурга. Г-жа Барвиль, шешка Г. Варда,

жившая' прежде въ Лейсперѣ, а пошомъ въ Дуффельдѣ, въ Графствѣ Дербійскомъ, была одною изъ крестныхъ матерей Г-жи Радклифъ (*). Ея бабка со стороны матери была Анна Опсъ (Oates), сестра Доктора Самуэля Джебба, изъ Шаффордъ, опца Ричарда Джебба. По сей бабкѣ она была также въ родствѣ съ Докторомъ Галифаксомъ, Епископомъ Глосперскимъ, и съ Докторомъ Галифаксомъ, Лейбъ-Медикомъ Королевскимъ. Г-жа Радклифъ была въ родствѣ съ знаменитымъ домомъ де-Вишпъ въ Голландіи. По нѣкоторымъ, бывшимъ у меня въ рукахъ родословнымъ бумагамъ, видно, что одинъ изъ де-Вишповъ, изъ фамиліи Яна и Корнеліа, прибылъ въ Англію по приглашенію Правительства, для составленія плана къ высушенію болотъ въ Графствѣ Линкольнскомъ. Вѣроятно, что исполненію сего проэкта воспрепятствовала революція, случившаяся въ правленіе Карла I; и де-Вишпъ, кажется, провелъ остатокъ своей жизни въ помѣстьѣ, купленномъ имъ близъ Гулла. Онъ оставилъ многихъ дѣшей, изъ коихъ Амалія была матерью одного изъ предковъ Г-жи Радклифъ.

(*) Въ Англіи обыкновенно бываетъ по два крестныхъ опца у мальчиковъ, и по двѣ крестныхъ матери у дѣвочекъ.

Г-жа Радклифъ, — которую я знавалъ, когда ей едва было двадцать лѣтъ отъ роду, — имѣла весьма стройный станъ, хотя была малаго роста, подобно своему отцу, брату и сестрѣ. Она имѣла пріятное, свѣжее лице, особенно прекрасныя глаза, брови и ротъ. Качества ея ума довольно извѣсны изъ ея сочиненій, и по нимъ можно судить о любимыхъ ея занятіяхъ. Она находила великое удовольствіе въ созерцаніи величественныхъ и грозныхъ красотъ природы, также любила хорошую музыку. Особенно нравились ей звуки гармоническихъ языковъ: она заставляла повторять себѣ мѣста изъ Греческихъ и Латинскихъ Классиковъ; иногда просила дѣлать изъ нихъ самыя строгіе буквальные переводы, стараясь такимъ образомъ сохранять въ памяти все, что только было можно, изъ языковъ, ей совершенно чуждыхъ. Она была одарена живымъ воображеніемъ и многими другими преимуществами, которыя могли сдѣлать бесѣду ея занимательною, но не имѣла смѣлости и присутствія духа, которыя нужны для того, чтобы блистать въ свѣтѣ. Впрочемъ Г-жа Радклифъ въ кругу своихъ знакомыхъ, имѣла случаи видѣть примѣры легкихъ и непринужденныхъ бесѣдъ въ большихъ собраніяхъ. Она провела большую

часшъ своей молодости на дачахъ богатыхъ родственниковъ. Въ малолѣтствѣ своемъ, она была любимицею Г. Беншлей, которъ завѣдывалъ художественною часшию на превосходномъ фарфоровомъ заводѣ, извѣстномъ подъ фирмою Веджвуда и Беншлей. Г. Веджвудъ былъ человекъ дѣловой, прудодлюбивый и искусный Химикъ; Г. Беншлей имѣлъ хорошия свѣдѣнiя въ Липерашурѣ, и вкусъ необходимый въ заншiяхъ сего рода.

Г. Беншлей былъ женашъ на одной изъ ея шешокъ: сiя почшенная женщина въ продолженiе всей жизни своей нѣжно любила племянницу. Госпожа Радклифъ (сперва въ Чельзи, а пошомъ въ Турнамгринѣ) видала у своей шешки опашчныхъ Авшоровъ и другихъ людей, которые, не имѣя громкой славы въ Липерашурѣ, обращали на себя вниманiе своимъ умомъ и обхожденiемъ. Г-жа Моншегю, Г-жа Пиоцци, прiятельница Докшора Джонсона, и умная Г-жа Ордъ часпо посѣщали Г-жу Беншлей. Г. Сшюаршъ, извѣстный подъ именемъ Аемнинина Сшюарша (*), принадлежалъ шакже къ домашнеку кругу Г. и Г-жи Беншлей.

(*) Сiе прозванiе дано было ему по причинѣ его необыкновенно ловкаго и прiятнаго обрашценiя.

Двадцати прехъ лѣтъ, Миссъ Вардъ приняла имя, кошорое она въ послѣдствіи прославила: она вышла за мужъ за Вилліама Радклифа, получившаго ученую спенень въ Оксфордскомъ Университетѣ; опказавшись отъ Юриспруденціи, онъ предназначилъ себя къ подишической должности. Въ послѣдствіи былъ онъ хозяиномъ и Издашелемъ *Англійской Хроники (The English Chronicle)*.

Такимъ образомъ Г-жа Радклифъ заключила союзъ, кошорый могъ возбудишь въ ней желаніе заняшья Литературою. Въ 1789, два года спустя по вступленіи въ бракъ, имѣя двадцать чешыре года отъ роду, она издала въ свѣтъ *The Castles Athlincand Dunbaune (Замки Атлинскій и Дуибенскій)*, Романъ, кошорый не показывалъ еще особеннаго дарованія. Дѣйствіе происходитъ въ Шопландіи, въ вѣки невѣжеслива; но въ немъ ничего не усматриваешся шакого, что могло бы дать поняшіе о нравахъ или объ особенномъ характерѣ той земли, и хотя, читая шеперь сіе сочиненіе съ намѣреніемъ ошкрышь въ немъ первыя примѣпы шаланша Г-жи Радклифъ и ея вкуса къ романтическому и таинственному, мы могли бы найши нѣкошорые слѣды онаго; однако вообще нельзя почитать сего Романа достойнымъ ея пера. Впрочемъ для пользы

Исторію ума человеческого, всегда нужно читать первое произведеніе, чтобы, по возможности, изяснить себя, какимъ образомъ высокій и стѣншій дубъ произросъ изъ едва замѣтнаго желудя.

Г-жа Радклифъ была счастливѣе въ послѣдовавшемъ за симъ сочиненіи. Въ самомъ дѣлѣ видно гораздо болѣе дарованія въ *Сицилійскомъ Романѣ* (*The Sicilian Romance*), изданномъ въ 1790 году; мы помнимъ, что онъ надѣлалъ довольно шума. Въ семъ произведеніи находимъ роскошь и плодовитость воображенія, которыя были отличительнымъ характеромъ ея твореній. Безчисленныя приключенія, быстро слѣдующія одно за другимъ, и опасности, избѣгаемыя въ ту самую минушу, когда онѣ кажутся неизбежными, увлекающъ читателя, а богатыя картинныя описанія, возвышающія дѣйствіе, имѣютъ прелесть воспомыныхъ сказокъ. При всемъ томъ въ немъ примѣтна еще кисть художника, ненавыкшаго управлять ею. Сцены связаны не искусно; характеры, наскоро набросанные и безъ отличительныхъ признаковъ, отдѣланы по обыкновенной формѣ спрашпныхъ любовниковъ, суровыхъ родителей, убійць, измѣнниковъ и проч., спрадающихъ или предающихся своей ярости, безъ малѣйшаго разнообразія: точно такіе ха-

рактеры и картины находимъ во всѣхъ по-
чти Романахъ, изданныхъ въ продолженіе по-
лушолѣтія до времени Г-жи Радклифъ. Не
смотря на то, *Сицилійскій Романъ* обра-
тилъ на себя вниманіе чипапеллей, какъ
произведеніе гораздо превосходнѣйшее шѣхъ
слабыхъ и незанимательныхъ Романовъ, ко-
ими снабжала ихъ Ленденгальская типогра-
фія (*). И дѣйствительно Г-жѣ Радклифъ мо-
жно приписать эту заслугу, что она первая
ввела въ изображенія прозаическихъ вымы-
словъ живой описательный слогу и прога-
пительный рассказъ; которые до того времени
употребляемы были въ одной только Поэзіи.
Фильдингъ, Ричардсонъ, Смоллеть и даже
Вальполь, описывая предметы воображенія,
не могутъ подняться выше прозы. Г-жу
Радклифъ должно почестъ первымъ Поэтомъ
въ Романъ; если только стихотворный раз-
мѣръ не есть существенная принадлежность
Поэзіи.

The Romance of the Forest (Лѣсъ, или
Сенъ-Клерское Аббатство), изданный въ 1791
году, далъ Г-жѣ Радклифъ мѣсто въ первомъ

(*) Подъ сими разумѣется *Minerva-press*, ти-
пографическое Общество, основанное въ Лен-
денгалѣ, изъ котораго всякую недѣлю выходилъ
довольно посредственные Романы.

ряду Сочинителей Романовъ, и съ сего времени достоинства ея ни мало не ослабвали. Въ семь новомъ сочиненіи она подчинила свое воображеніе плану, болѣе правильному. Хотя характеры не имѣютъ въ себѣ ничего особенно оригинальнаго, но изображены гораздо искуснѣе, нежели въ прежнихъ ея сочиненіяхъ. По этой причинѣ новый сей Романъ произвелъ въ публикѣ несравненно большее впечатлѣніе. Характеръ де Ла-Моша изображенъ съ отличнымъ талантомъ; и почти вся занимательность Романа основана на первостепенныхъ качествахъ сего чловѣка: онъ не злодѣй, но пороченъ и слабъ, и всякую минушу горько исполнилъ гнусныя дѣла отвергаемыя его сердцемъ. Ожесточенный противъ свѣща, изъ коего онъ былъ изгнанъ съ презрѣніемъ, и принужденный обстоятельствомъ искать убѣжища въ развалинахъ таинственнаго и ужаснаго замка, онъ опмщаетъ пиранскою властію надъ своимъ семействомъ и жестокими опмщателями терзаетъ тѣхъ, которые уступаютъ ему только по чувству своего долга. Чловѣкъ характера сильнѣйшаго является на сценѣ, беретъ власть надъ симъ суровымъ, но первостепеннымъ чловѣкомъ, и, упоминая попеременно обмщанія и угрозы, принуждаетъ его сдѣлаться исполнителемъ сво-

ихъ намѣреній противъ добродѣтели и даже противъ жизни сироты, которую онъ, по долгу признапельности, чести и гостеприимства, обязанъ былъ уважать и покровительствовать.

Главное женское лице имѣетъ всѣ свойства романическихъ героинь: невинность, чистосердечіе и простоту, но отличаетъся и нѣкоторыми особенными чертами. Ея благодарность, привязанность и довѣріе къ чести Ла-Мотова семейства, въ то время, когда жена грубо, а мужъ вѣроломно пошупали съ нею, составляютъ особенную и привлекательную черту въ ея характерѣ.

Въ семь Романъ Г-жа Радклифъ, безъ сомнѣнія, показала болѣе *драматическаго* дарованія, нежели въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ; она возвысилась надъ толпою обыкновенныхъ романистовъ, но не этому достоинству обязана она своею славою. Публика была ослѣплена сочиненіемъ, возбуждавшимъ какой-то непонятный ужасъ, между тѣмъ какъ новыя приключенія постоянно поддерживали занимательность и напрягали любопытство. Всѣ читатели чувствовали сіи впечатлѣнія, отъ ученой особы въ кабинетѣ до простыхъ любителей чтенія, которые, усѣвшись вечеромъ вокругъ стола, ищущъ въ странѣ воображенія отдыха послѣ обыкновен-

венныхъ шрудовъ житейскихъ. Сей Романъ пѣмъ болѣе произвелъ дѣйствія надъ публикою, что былъ разнообразенъ и украшенъ описаніями, развалинъ замка и окружавшаго его лѣса, описаніями привлекательными, дикими и ужасными. Сии сцены могли быть изображены шолько шакимъ Авшоромъ, которому природа дала взглядъ Живописца и геній Поэша.

Въ 1793 году, Г-жа Радклифъ посѣтила берега Рейна, и, вѣроятно сочинила, или по крайней мѣрѣ, передѣлала *Таинства Удольфскія* (*The Mysteries of Udolpho*) по возвращеніи своемъ изъ сего путешествія. Развалившіеся замки хищныхъ Германскихъ рыцарей, разсѣянные на дикихъ берегахъ сей знаменитой рѣки, придали воображенію Г-жи Радклифъ болѣе смѣлости, и ея краскамъ болѣе блеска. Около сего же времени посѣтила она озера въ Графствѣ Вестморландскомъ, коихъ картинные виды способны были воспламенишь ея воображеніе: природа осуществила шамъ описанія, копоры Г-жа Радклифъ шоль охотно помѣщала въ своихъ Романахъ. Замѣчанія ея о сихъ живописныхъ мѣстахъ вышли въ свѣтъ въ 1794 году, въ книгѣ, очень хорошо написанной, подъ заглавіемъ: *A Journey through Holland, etc.* (*Путешествіе въ Голландію, и проч.*).

Публика могла справедливо ожидать отъ Г-жи Радклифъ сочиненія, доспойнаго ея пера. Книгопродавцы предложили ей за *Таинства Удольфскія* пять сотъ фуншовъ стерлинговъ, цѣну значительную, и въ то время безпримѣрную. Часто случается, что слава Автора бываетъ для него опаснѣйшимъ врагомъ, какого только можно ему опасаться при всякомъ новомъ покушеніи на пріобрѣтеніе благосклонности публики. Сочиненіе, напередъ расхваленное, пробуждаетъ крипику, и заславляетъ ее принимая свои мѣры.

Г-жа Радклифъ обезоружила крипику, и ея слава возрасла еще болѣе по изданіи въ свѣтъ *Таинствъ Удольфскихъ*. Одно уже заглавіе служило приманкою, и публика съ жадностію кинулась на эту книгу. Въ многочисленныхъ семействахъ шомы сего Романа переходили изъ рукъ въ руки; непрерывныя чтецы вырывали ихъ другъ у друга, и повсемѣстныя жалобы на оспановки въ нужныхъ дѣлахъ, причиненныя сею книгою, служили общею данью, приносимою генію Сочинительницы. Совсѣмъ иную и болѣе лестную дань платили Автору удивленные больные или безпріютные холосишки, которые, благодаря очаровательной силѣ сего Романа, переспали жаловаться на свою пущинную жизнь, и позабывали свои спра-

данія, осиротѣлость и тайныя горести, Чтеніе сочиненій сего рода можно, по справедливости, сравнить съ употребленіемъ пѣхъ лекарствъ, которыя могутъ нанести великій вредъ, если принимаешь ихъ безпрестанно, но въ минушы печали или уныніа оказывають удивительное дѣйствіе. Если бы пѣ, кои осуждаютъ сей родъ сочиненій безъ различія, помыслили о существенныхъ удовольствіяхъ и горестяхъ, ими доставляемыхъ или облегчаемыхъ, то изъ *человѣколюбія* должны бы были умѣрить свою гордую кристику или безмѣрную неперпимость.

Но возвращимся къ *Тайнствамъ Удольфскимъ*. Писательница, привязываясь болѣе и болѣе къ своему любимому роду, вновь производить волшебнымъ жезломъ своимъ очарованіе въ чипашеляхъ. Положеніе и несчастія героини придають сему Роману шу же физіономію, какую мы замѣтили въ *Льсѣ или Сенѣ Клерскомъ Аббатствѣ*. Какъ въ томъ, такъ въ другомъ, главныя героини разлучены съ своими любовниками вліяніемъ жестокосердыхъ опекуновъ; обѣ заключены въ башни, угрожающія скорымъ разрушеніемъ; памъ онѣ спановаясь свидѣтельницами явленій ужасныхъ, почти свержъ-есшесшвенныхъ. Но сіе сходство такого же рода, какое мы съ удоволь-

спвіемъ находимъ въ карпинахъ одного и того же Художника, служащихъ одна другой панданами. Въ *Таинствахъ Удольфскихъ* все представляется въ большемъ видѣ, нежели въ прежнемъ Романѣ: любопытство живѣе, описанія ужаснѣе, характеры ошличены чертами, болѣе мужественными, исполненскими: Моншони, человекъ дерзкій, начальникъ Кондоштіеровъ, въ сравненіи съ Ла-Монпомъ и его Маркизомъ есть то же, что падшій ангелъ Мильпоновъ подлѣ бѣса чародѣйки. Аделина живешь въ развалившемся домѣ; а Эмилія заключена въ обширномъ замкѣ, подобномъ замкамъ, существовавшимъ въ феодальныя времена; одинъ осажденъ опрядомъ наемныхъ солдатъ, а другому угрожаютъ только полицейскіе чиновники. Положеніе мѣстъ не менѣе различно: тихая и шѣсная картина лѣса совершенно противоположна величественнымъ горамъ Ипаліц.

Когда *Таинства Удольфскія* появились въ свѣтъ, общій голосъ публики сподобъ же превознесъ ихъ надъ *Льсомъ* или *Сенъ - Клерскимъ Аббатствомъ*, сколько сіе послѣднее сочиненіе было поставлено выше *Замковъ Дунбенскаго и Атлинскаго*. Мы такого же мнѣнія о сихъ Романахъ, прочитавъ ихъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ. Между тѣмъ нѣкоторые люди, коихъ сужденіе должно

сколько нибудь значишь, предпочитаюшь простому *Альса* расшланному хотя и блистательному слогу *Танкстез Удольфскихъ*; такое предпочтеніе походитъ на первую любовь, кошорая, какъ въ *Литературь*, такъ и въ жизни, часто дѣлаешь насъ несправедливыми. Но большинство голосовъ отдаешь послѣдному шворенію первенство, кошорое оно заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, какъ великолѣпною живописью мѣстъ, такъ и разительными чертами характеровъ.

Г-жа Радклифъ вскорѣ издала пятое сочиненіе кошорому надлежало бытъ послѣднимъ ея Романомъ. *Италіанецъ* вышелъ въ свѣтъ въ 1797 году. Книгопродавцы заплащали за рукопись восемь сошь фуншовъ сперлинговъ, а публика приняла сей Романъ съ такою же благосклонностію, какъ и предыдущіе. При помощи оплчнаго дара и живописнаго слога, ею самою изобрѣшеннаго, Г-жа Радклифъ съ большимъ искусствомъ избѣжала повшореній, коцій съ прежнихъ картинъ и характеровъ. Она воспользовалась въ *Италіанецъ* обрядами Римско-Католической Церкви и изобразила вѣрными красками историческія подробности, выходившія изъ обыкновеннаго круга жишейскаго.

Почти всѣ писатели Романовъ старались представлять свои предметы такимъ образомъ, чшобъ возбудить любопытство читателя, и пригошовишь его душу къ впечатлѣніямъ, когорыя они произвешъ желаютъ. *Итальянецъ* Г-жи Радклифъ имѣлъ въ этомъ случаѣ рѣдкій успѣхъ, и введеніе сего новаго Романа, по необыкновенной своей заманчивости, есть самая разительная часть всего сочиненія.

Англійскіе Путешественники осматриваютъ церковь въ окрестностяхъ Неаполя (*).

„Подъ поршикомъ, одинъ мужчина, сложивъ крестомъ руки и пошупивъ глаза въ землю, прохаживался взадъ и впередъ позади колоннады, и шакъ былъ погруженъ въ мысли, что, казалось, вовсе не примѣчалъ приближавшихся къ нему иностранцевъ. Но услышавъ шаги ихъ, онъ содрогнулся, шолчасъ повернулъ назадъ, не оспанавливаясь, побѣжалъ къ двери, ведущей во внутренность церкви, и скрылся.

„Въ наружности сего человека было нѣчто столь необыкновенное, и въ поступкѣ его нѣчто столь странное, что наши путешественники обратили на него все свое

(*) Они были, какъ увидимъ, не Римско-Католическаго исповѣданія, и судилъ о обрядахъ онаго по своему.

„вниманіе. Онъ былъ спасенъ и высокъ ро-
 „спомъ; согнушыя плеча, желшовапый цвѣтъ,
 „суровыя черпты лица и свирѣпый взглядъ,
 „когда посмошрѣлъ онъ на иностраницевъ изъ за
 „плаща, закрывавшаго нижнюю часть лицъ
 „его, поразили ихъ взоры.

„Войдя въ церковь, путешественники
 „щещно искали глазами незнакомца, копо-
 „рый, за минушу до нихъ, вошелъ шуда же.
 „Въ сумракъ боковыхъ придѣловъ, они уви-
 „дѣли шолько одного монаха изъ сосѣдствен-
 „наго монастыря, кошорый иногда показы-
 „валъ въ сей церкви путешественникамъ
 „предметы, достойныя ихъ вниманія, и для
 „сего нарочно приходилъ сюда предлагашъ
 „имъ свои услуги.

„Путешественники, осмошрѣвъ различ-
 „ныя придѣлы, и все, что заслуживало ихъ
 „любопытство, возвращались чрезъ одинъ
 „пришворъ къ порпнику, и вдругъ увидѣли сво-
 „его незнакомца; онъ вошелъ въ исповѣдную,
 „находившуюся у нихъ по лѣвую спорону.
 „Когда онъ скрылся, одинъ изъ путеше-
 „ственниковъ спросилъ у монаха: что это
 „за человекъ? Монахъ оборопился, чшобъ
 „посмошрѣшь, о комъ идешь рѣчь, и, каза-
 „лось, медлилъ ошвѣшомъ; но когда иностра-
 „нецъ повшорилъ свой вопросъ, шо онъ на-

„клонилъ голову, въ знакъ послушанія, и опш-
вѣчалъ тихо : — „эшо убійца.“

„— Убійца!„ — вскричалъ одинъ изъ Ан-
„гличанъ: „убійца, и онъ свободенъ!“ Ишалія-
„нецъ, находившійся въ семь обществѣ, улыб-
„нулся, замѣшивъ удивленіе своего пріищеля.

„Онъ нашель здѣсь убѣжище,“ опшвѣчалъ
„монахъ : — „онъ шеперь въ свящилищѣ, гдѣ
„не можеть бышь схваченъ.“

„— И шакъ здѣсь не преслѣдуюшь
„злодѣевъ?“ сказалъ Англичанинъ.

„— Онъ не былъ бы безопасенъ ни въ
„какомъ другомъ мѣстѣ,“ опшвѣчалъ монахъ съ
„кропосію.

„— Но замѣшьше,“ продолжалъ Ишалія-
„нецъ: „исповѣдную, шамъ, по шу спорону,
„колоннъ, подъ раскрашенными окнами. Ви-
„дише ли? Можеть бышь, цвѣшныя шекла,
„бросая шускмый свѣшъ на сію часшь церк-
„ви не позволяюшь вамъ замѣшишь оной?“

„Англичанинъ, посмошрѣвъ съ большимъ
„вниманіемъ, увидѣлъ исповѣдную изъ дубо-
„ваго дерева, придѣланную къ стѣнѣ, и
„узналъ, что она была ша самая, въ кошорую
„вошелъ убійца. Она была разгорожена на
„при часши, и покрыша черною маперією.
„Въ среднемъ опдѣленіи было мѣсто для ду-
„ховника, нѣсколькими ступенями выше цер-
„ковнаго пола; по правую и по лѣвую спод-

„рону находилась двѣ каморки, въ кошорыхъ
 „кающійся, спавъ на колыни, на деревянную
 „ступень, могъ чрезъ рѣшетчатое отверстіе
 „сказывашь духовнику на ухо всѣ прес-
 „скупленія, коими ошягчена его совѣсть.

„Видише ли ее?“ сказалъ Испаліанецъ.

„— Да,“ ошвѣчалъ Англичанинъ: — „это
 „исповѣдная, въ кошорую вошелъ убійца, и
 „мнѣ кажется, что я ничего не видалъ пе-
 „чальнѣе сего мѣста; одинъ уже видъ его
 „можешъ повергнуць прескупника въ ошча-
 „чаніе.

„Нашъ не такъ легко привесни въ
 „ошчаніе!“ сказалъ Испаліанецъ.

„— Что вы хотише сказать мнѣ объ
 „этой исповѣдной?“ спросилъ Англичанинъ.

„Она не имѣешъ никакого отноше-
 „нія къ шому, что я сказалъ,“ ошвѣчалъ Испа-
 „ліанецъ: „но я шолько хочу обратишь на
 „нее ваше вниманіе, пошому, что весьма не-
 „обыкновенныя обстоятельствва находяшся
 „въ связи съ нею.

„— Какія?“ спросилъ Англичанинъ съ лю-
 „бопытствомъ.

„Сія исповѣдная, видъ убійцы, и ваше
 „удивленіе, что онъ свободенъ, привели мнѣ
 „на память одну исторію. Когда вы приде-
 „ше домой, я вамъ сообщу ее; она находиш-
 „ся у меня въ манускриптъ, написанномъ

рукою одного Падуанскаго студента, который былъ въ Неаполѣ въ скоромъ времени послѣ того, какъ сіе ужасное происшествіе сдѣлалось всѣмъ извѣстнымъ.

„Между тѣмъ, какъ Англичанинъ разсматривалъ своды и величественный внутренній видъ Santa del Pianto, убійца вышелъ изъ исподной и прошелъ мимо алтаря; почувствовавъ при видѣ его невольный ужасъ, Англичанинъ оштрашилъ отъ него взоры свои, и поспѣшно удалился изъ церкви.

„Пріятели разсказались: — Англичанинъ получилъ рукопись чрезъ нѣсколько минутъ по возвращеніи въ свою кварширу, и началъ читать слѣдующее.“

Сіе введеніе приготавливаетъ насъ къ таинственному и ужасному повѣствованію. Порождая въ душѣ читателя безпокойное любопытство, оно можетъ быть сравнено съ мрачнымъ сводомъ, ведущимъ во внутренность древняго замка. Гжа Радклифъ, умѣющая съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ придавать своимъ рассказамъ таинственность, употребила оную съ отличнымъ успѣхомъ въ подробностяхъ сего введенія, которыя заставляють предугадывать ужасныя приключенія, сокрытыя завѣсою шайны. Мы не можемъ произнести приговора до прочтенія всей книги; и только закрывъ по-

свѣдную часть, позволяемъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія о томъ, что доставило намъ столь живое удовольствіе. Тогда мы должны признасться, что планъ сочиненія не имѣетъ особеннаго достоинства, что многія приключенія невѣроятны, и что нѣкоторыя тайны вовсе необъяснены. Но общее впечатлѣніе оспаривается по же, потому что оно основывается на воспоминаніи о различныхъ глубокихъ чувствахъ, которыя любопытство, недоумѣніе и самый страхъ попеременно производили въ насъ во все продолженіе повѣствованія.

Молодой человекъ знатнаго рода и чрезвычайно богатый влюбляется въ дѣвицу, бѣдную, неизвѣстной фамиліи, но одаренную красою и всеми качествами, какія обыкновенно находимъ въ героиняхъ романовъ. Семейство молодого человека не хочетъ слышать о союзѣ, которой особенно оскорбляетъ гордость матери. Она призываетъ на помощь истиннаго героя сей исторіи, Аббата Скедони, человека рѣзкаго характера, ужаснаго сколько по прежнимъ его преступленіямъ, столько и по шѣмъ, на которыя онъ снова готовъ рѣшиться; опаснаго по его дарованіямъ и твердой волѣ; вѣсистъ лицемернаго и развращающаго, нечувствительнаго и непреклоннаго. Съ помощію сего повѣ-

реннаго, Вивальди, любовникъ, заключенъ въ темницы Инквизиціи, а Елена, предметъ его страсти, завлечена въ мрачную пещеру, гдѣ Аббашъ, опасаясь ввѣришь ее кому либо изъ своихъ соучастниковъ, рѣшился умершвишь ее собственными руками. До сего мѣста повѣствованіе, или по крайней мѣрѣ положеніе дѣйствующихъ лицъ не много разнишся отъ Таинствъ Удольфскихъ; но ужасная сцена, когда Аббашъ, поднявъ руку для пораженія своей спящей жертвы, узнаешъ въ ней дочь свою — естъ сцена новая, разительная и высокая; ужась ощущаемый злодѣемъ, который, готовясь сдѣлать смертоубійство, избѣгаешъ пресупленія еще болѣе ужаснаго, естъ самая удачная картина, какую только могла изобразить кисть Г-жи Радклифъ. Гнусный Скедони встрѣчаешся съ человѣкомъ, споль же, какъ онъ, злобнымъ, который обманываетъ его, испровергаешъ всѣ его замыслы, и изъ наперсника дѣлаешся наконецъ его обвинителемъ. Г-жа Радклифъ умѣла сдѣлать всѣ сіи интриги занимательными: онъ доводяшь любопытство читателя до крайней степени.

Разсматривая историческую часть романа, находимъ, что многія обстоятельства не ясны и неудовлетворительны. Къ числу оныхъ принадлежишь удивленіе Великаго Ин-

квинзишора, въ то время, когда слышался
 незнакомый голосъ, принявшій на себя, даже
 въ присушствіи сего ужаснаго судилища,
 званіе допрощика, принадлежащее однимъ
 только судіямъ. Необыкновенное дѣйстви-
 е возбуждаетъ сцену, когда приводятъ Виваль-
 ди, съ плашкѣмъ на глазахъ, и привязыва-
 ютъ его къ колесу; шайсѣвскій агентъ,
 кошорый много разъ спалкивался съ нимъ
 на улицѣ, и всегда умѣлъ избѣгать его поис-
 ковъ, присоединяетъ свой голосъ къ допро-
 самъ судей, и приводитъ въ замѣшатель-
 ство все собраніе. „Кто замѣшался между
 „нами?“ повторилъ Инквизишоръ возвышен-
 „нымъ голосомъ. Еще нѣтъ описанія; но
 вдругъ слышался глухой ропотъ, и смя-
 „шеніе сдѣлалось всеобщимъ. Никто не го-
 „ворилъ такъ громко, чтобы Вивальди могъ
 „слышать слова; казалось, произошло нѣ-
 „что чрезвычайное, и онъ ожидалъ конца
 „со всемъ свойственнымъ ему перепѣи-
 „емъ. Но вскорѣ онъ услышалъ, что распорились
 „двери, и люди начали выходить изъ комна-
 „ты. Насупила глубокая тишина; но онъ
 „былъ увѣренъ, что приставы находились
 „возлѣ него, въ ожиданіи приказанія начать
 „рѣшкѣ.“

Сія сцена весьма разительна; но мы
 узнаемъ только, что все замѣшательство

судей произошло отъ присуществіи одного чиновника Инквизиціи: хотя сіе обстоятельство довольно показывается, какимъ образомъ онъ могъ бытъ при допросѣ Вивальди, но ни мало не объясняешь, для чего и какъ онъ принялъ въ помѣ участіе противъ воли Великаго Инквизитора. Сей послѣдній конечно не былъ бы удивленъ присуществіемъ одного изъ своихъ чиновниковъ, и еще менѣе приведенъ въ робость. Онъ находился шупъ по должности, и его неумѣстные вопросы пошнены были бы за дерзость. Можно сказать также, что Сочинительница не приводитъ никакой удовлетворительной причины жестокой и непримиримой вражды Запари и Скедони, и что обстоятельства, подавшія поводъ къ сей закоснѣлой ненависти, слабы и довольно обыкновенны.

Мы могли бы замѣнить еще большую небрежность касательно развалившагося замка Барона Камбруши, гдѣ недоконченный рассказъ ужасной исторіи, — на которую намѣкаешь крестьянинъ, служащій проводникомъ Скедони, — по видимому производишь сильное впечатлѣніе въ Аббата, угрызаемомъ совѣстью, и притоповляешь чинашеля ко многимъ важнымъ слѣдствіямъ. Безъ сомнѣнія, Г-жа Радкливъ хотѣла сію начашую повѣсть связать съ нѣкоторыми подробностями глав-

наго приключенія; но окончила ее скорбе, или не такъ, какъ сначала предполагала: Это значить обманывашь воображеніе читателя, тогда, какъ Авшоръ Романа, однажды возбудивъ оное, не долженъ оставлять его безъ удовлетворенія. Съ другой стороны Кришики не должны шерять изъ виду, что гораздо легче сославившъ цѣль интригъ, нежели развязать оную удовлетворительно. Драйденъ, говоряшъ, проклиналъ шѣхъ, которые выдумали пятое дѣйствіе въ Трагедіяхъ и Комедіяхъ; и Романисты не должны славить память того, кто изобрѣлъ объяснительныя главы.

Говоряшъ, что обычаи и правила Инквизиціоннаго Суда не хорошо соблюдаены въ семь прекрасномъ Романѣ: сіе обвиненіе легче представитъ, чѣмъ доказать; если бъ оно было справедливо, то не имѣло бы особенной важности, пошому, что законоположеніе сего судилища, къ счастью, мало намъ извѣстно. Гораздо значительнѣйшая ошибка состоить въ худомъ выборѣ Испанскихъ словъ, упошребленныхъ кой-гдѣ для приданія дѣйствию болѣе мѣстности, и опзывающихъ напязкою. Но если Г-жа Радклифъ не совершенно знала Испанскій языкъ и Испанскіе обычаи, то слѣдующее мѣсто показываетъ, что она умѣла живописать виды

Италіи, извѣстныя ей только по картинамъ Пуссеня и Клода - Лоррена.

„Сія прогулка предпринимали они иногда въ Пуццоло, въ Байю, или на лѣснатыя холмы Павзалипскіе; когда же возвращались на лодкѣ вдоль залива, освѣщеннаго луною, по мелодическія пѣсни Италіи, казалось, распространяли очарованіе по всему берегу. Иногда это было *трио* виноградарей, опдыхавшихъ осьмь трудовъ дневныхъ на скалѣ мыса, подъ свѣію поподей; иногда живая и веселая музыка, подъ кошорую плясали рыбаки, собравшіеся на берегу моря. Гребцы невольно опускали весла, а путешественники со вниманіемъ слушали пѣніе голосовъ, кошорому чувство, незаметное ни какими искусствомъ, придавало особенную прелесть, или смотрѣли на легкую пріятную и естественную пляску, кошорую особенно отличаются рыбаки и крестьянки въ окрестностяхъ Неаполя. Часто, обвѣхавъ мысъ, коего утесы, покрытые деревьями, казались повисшими надъ моремъ, они открывали волшебныя картины, оживленныя пляскою поселянъ, и неизобразимыя никакою кистью. Въ глубокой и свѣплой водѣ вся сцена отражалась, какъ въ зеркалѣ: скалы, взгроможденныя спранными видами, и покрытыя густыми

„деревами, коихъ листья касаются земли;
 „развалины *Виллы*, мелькающія сквозь зе-
 „лень, на мысъ, вдающемся въ море; хижины,
 „висящія надъ пропастями; и пляшущіе хо-
 „роводы на берегу моря — всё сіи предметы,
 „освѣщенные серебристыми лучами мѣсяца,
 „или пріосвѣненные покровомъ ночи, а съ дру-
 „гой стороны блестящее море, разсѣваемое
 „во всѣхъ направленіяхъ кораблями, вдали
 „усматриваемыми, представляла зрѣлище
 „изящное и великолѣпное.“

Есть въ *Италіянецъ* и другія описа-
 тельныя мѣста, которыя, подобно карпин-
 намъ *Таинствъ Удольфскихъ*, относятся
 къ спилу Сальвадора Розы.

Сей новый Романъ Г-жи Радклифъ былъ
 принятъ съ такимъ же воспергомъ, какъ и
 оба предъидущіе, и нельзя сказать, чтобы
 холодность публики засадила ее сойши съ
 поприща, на кошоромъ она блистала всеми
 лучами своей славы. Но при всемъ томъ
Италіянецъ былъ послѣднимъ сочиненіемъ
 Г-жи Радклифъ, изданнымъ въ свѣтъ.

Нельзя, безъ смѣлыхъ догадокъ, утвер-
 дительно сказать, какія причины могли за-
 ставить столь плодовитое и творческое
 воображеніе пребывать болѣе двадцати лѣтъ
 въ бездѣйствіи, столь мало утѣшительномъ
 для чашащелей. Можешь быть, крошкѣй ея

характеръ былъ огорченъ грубою критикою, кошорая, подобно зависни, рѣдко уважаетъ дарованія; или, можеть бытъ, какъ часто случается, Г-жа Радклифъ почувствовала ошвращеніе къ роду сочиненія, вошедшаго чрезъ нее въ славу, но обезславленнаго по-слѣ того толпою рабскихъ подражателей, кошорые способные были выказывать ея ошибки, неѣли распростирантъ красоты. Она оспалась споль швердою въ своемъ намѣреніи, что въ продолженіе слишкомъ двадцати лѣтъ, имя Г-жи Радклифъ произносилось сполько чиншателями старыхъ ея Романовъ; припомъ она вела жизнь споль уединенную, что всѣ вообще чиншали ее умершею.

Хоша она съ того времени ничего не издала въ свѣтъ, однако невозможно думать, чтобы шакое шворческое воображеніе, вспомошествоваемое необыкновенною легкостью, оспавалось въ праздности споль долгое время; но рукописи ея, — если она ихъ и оспавила, — еще по сю пору не изданы. Мы имѣемъ нѣкошорыя причины думать, что она однажды почти уже совсѣмъ заключила условіе съ однимъ почтеннымъ книгопродавцемъ, касательно сочиненія пинического Романа; но сіи сношенія были прерваны, кошому, что Г-жа Радклифъ пе-

ремѣнила свои мысли, или не хотѣла такъ скоро издашь свое сочиненіе. Должно надѣяться, что свѣтъ не совсѣмъ будетъ лишенъ наслажденія читать сіе произведеніе.

Частная жизнь Г-жи Радклифъ, кажется, протекла въ особенной тишинѣ и уединеніи. Въроятно, она ошказалась ошъ того рода извѣстности, которая бываетъ въ Лондонѣ удѣломъ особъ, прославившихся своими сочиненіями. Можешь бышь, ни одинъ Авторъ, коего шворенія читающа и уважающа во всемъ свѣтѣ, не былъ такъ мало извѣстенъ со стороны своей личности, даже шому классу знашнихъ людей, которые присвоивающъ себѣ право избирать для себя ошличное общество Литераторовъ. Но ошъ того жизнь Г-жи Радклифъ не уштравила своей пріятности, и ея домашнее счастье не было возмущаемо, хотя многіе изъ ея почитателей думали, а нѣкоторые и теперь еще думаютъ, что она, занимаясь безпрестанно изображеніемъ ужасовъ, помѣшалась наконецъ въ умъ, и что Сочинительница *Удольфскихъ Тайнствъ* заключена была въ плачевномъ жилищѣ — въ домъ сумасшедшихъ. Сей слухъ распространился повсюду, и такъ часто былъ повшорямъ въ Журналахъ и обществахъ, что и самъ Издатель сего извѣстія о ея жизни, въ продолже-

ніе нѣсколькихъ лѣтъ, вѣрилъ оному, пока не узналъ ошъ досповѣрныхъ людей, что сія непріятная выдумка не имѣеть ни малѣйшаго основанія.

Ложная вѣсшь другаго рода причинила много хлопотъ Гжѣ Радклифъ. Какая-то Миссъ Севардъ, принадлежавшая къ числу разглашашелей ежедневныхъ липературныхъ новостей, начала, безъ всякихъ обиняковъ, утверждать, что *The Plays on the Passions* (*Зрѣлища Страстей*, соч. Миссъ Байльи) написаны Г-жею Радклифъ, и что она сама признала ихъ своимъ сочиненіемъ. Г-жа Радклифъ была весьма оскорблена мыслію, что публика почла ее способною присвоить себѣ чужую славу; и, вѣроятно, Миссъ Севардъ не менѣе была бы опечалена, если бѣ могла предвидѣть всѣ непріятности, причиненныя неосновательными ея догадками. Всѣ сіи сплетни произошли ошъ того, что Миссъ Севардъ, приспрасясь къ липературнымъ новостямъ, сама часто была обманываема собирашелями вѣсшей, кошорые, будучи понуждаемы сообщить ей что нибудь новое, рассказывали всякую всячину, ни мало не заботясь, справедливо ли шо или нѣтъ.

Въ продолженіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ своей жизни, Г-жа Радклифъ много

спрадала ошъ удушья , которов совершенно
разешпроидо ея здоровье. Сія болѣзнь сдѣла-
лась 9 Января 1822 года весьма опасною , и
7 Февраля того же года прекранила жизнь
сей умной и любезной женщины : она скон-
чалась въ Лондонъ , въ своемъ домѣ.

(Будеть продолженіе.)

III.

С Л О В Е С Н О С Т Ъ .

С Т А Р Ы Е И Н О В Ы Е Н Р А В Ы .

(Изъ шестаго тома Записокъ Г-жи Жанлисъ.)

Между шѣмъ приближались мы къ вели-
кому политическому переворошу : Наполе-
онъ пригошоваль его самъ безразсуднымъ
походомъ въ Россію. Не присупая еще къ
описанію сего перевороша, я намѣрена окон-
чить изображеніе общешвенныхъ нравовъ,
сравненіемъ ихъ съ нравами прешняго време-
ни. Прежде всего буду говорить о предметѣ,
для меня чрезвычайно занимательномъ : о
частномъ и публичномъ воспитаніи.

Сначала воспитывали по-Жанъ-Жаков-
ски; не было ни уроковъ, ни учителей; дѣ-
шей поручали природѣ; а какъ природа не
учишь ни правописанію, ни Лапыни, шо въ

свѣтъ вдругъ появилось множество молодыхъ людей, невѣждъ удивительныхъ. Тогда бросались въ другую крайность: дѣтей начали обременять ученьемъ и занятіями: изъ нихъ кошлись сдѣлать маленькихъ ученыхъ. Геометрія, Физика, Химія были въ модѣ. — Исторією и моралью занимались мало, но слушали курсы Гг. Шарля, Мишуара и Сиго-де-Лафона; вздвигали верхомъ по-Англійски, объявляли себя Глукистами или Пиччинистами, и полковали объ опытахъ надъ удущивымъ газомъ и проч. и это называлось — бытъ воспитаннымъ. Во время революціи ударились въ полишику; всѣ молодые люди сдѣлались людьми Государственными. Съ 1791 по 1796, воспитаніе совершенно было прервано; дѣти ошдохнули; они росли и никакъ ихъ не безпокоилъ. Наконецъ вспомнили, что должно бытъ много подросточковъ, которыхъ не имѣли времени выучить грамматъ. Назначили Профессоровъ, которыхъ единственнѣмъ желаніемъ было сдѣлать учениковъ своихъ сшоль же краснорѣчивыми, какъ новѣйшіе наши полишическіе Орапоры. Въ школахъ, заспавляли учениковъ дѣлать *амплификаціи*, и за самыя смѣшныя и надущыя обыкновенно давались награды. По выходѣ изъ школы, эти блиспашельные питомцы бросались въ Литературу и перече-

сли въ нее неологизмъ, напыщенность и философизмъ, копорыми прославились въ классахъ. Они наводнили Парижъ политическими брошюрами, философическими Романами, прогашельными Драмами и Мелодрамами, въ копорыхъ невѣрная супруга, или незамужняя мать играли всегда главную ролью....

Какъ нынѣ не извинишь людей тридцати и сорока лѣтъ, копорые не имѣють здраваго смысла! Какъ не удивляешься людямъ въ эти лѣта, копорые имѣють добрыя правила и порядочныя понятія.....

Между шѣмъ въ воспитаніи сдѣлали полезную переѣну: назначили другихъ Профессоровъ; главный надзоръ за училищами поручили челоѣку, копорый, по правиламъ и дарованіямъ своимъ, въ соспоініи былъ ихъ улучшишь (*); но *конскрипція* уничтожила споль пріятную надежду. Острое желѣзо Беллоны пересѣкло счастливо связанную лишь ученія и нравственности; молодымъ людямъ нельзя было уже выбирать себѣ соспоініа по произволу; съ ихъ наклонностями не совѣшовались; дарованія ихъ не веселили родителей; мать сокрушалась, смотря на возрастающаго сына. . . . Прекраснѣйшее развитіе способностей ребенка только огор-

---

(*) Графу Фоншану.

чало отца его, который говорилъ печально: въ немъ открываются дарованія, но ему нельзя будетъ ихъ образовашь!... Война произвела ненавистное равенство между всеми молодыми людьми; она заглушала гений Наукъ и Искусствъ, или дѣлала его бесполезнымъ. Въ это время составляли Кодексъ (*), и забыли въ немъ власшь родительскую.

Въ последнее время говорили и писали; что смѣшно учить дѣшей, забавляя, и что такой образъ воспитанія никуда не годится. Между тѣмъ, неужели необходимо нужно скучашь для того, чтобы научишься, и неужели усладосшь и скука суть единственныя основанія ученія? На это отвѣчають: *„то только хорошо знаемъ, что въ трудахъ выучиваемъ.“* Въ такомъ случаѣ, одни только ученики, неимѣющіе ни памяти, ни понимавости, должны быть со временемъ истинно учеными Литераторами, потому, что тѣ, у которыхъ хорошая память, воображеніе и умъ, безъ труда помнятъ прекрасные стихи, и также *безъ труда выучиваютъ* замѣчательнѣйшія мѣста изъ славныхъ Ораповъ и Моралистовъ и описанія историческихъ происшествій. Особы, коимъ случалось учить дѣшей, знаютъ, что,

---

(*) Уставъ Наполеона.

напрошивъ шого, дѣти хорошо знаютъ шолько шо, что учили съ прилежаніемъ, п. с. съ удовольствіемъ. Можно заспавишь ребенка сидѣшь смирно на спудѣ и глядѣшь въ книгу; но его не заспавишь бышь внимательнымъ: вниманіе возбуждается шолько любодѣшшвомъ и поддерживается охотою. Правда, что дурно не подверганъ дѣшей никакимъ посполнымъ занятіямъ и хопѣшь, чтобы ученіе предспавлялось имъ всегда подъ видомъ забавы, но всема хорошо очищашъ ихъ занятія ошь всѣхъ ненужныхъ непріятностей, и избавляшъ ихъ ошь всякаго лишняго шруда. Можно научашъ ихъ даже въ самыхъ играхъ, и дѣлашъ самое ошдохновеніе полезнымъ для науки.

Ушверждаюшь, что за шестъдешашъ лѣшь предъ симъ, учили гораздо лучше, ибо не скрывали, что ученіе дѣйшвительно шребуешъ большихъ шрудовъ, и что шогда не было ни Сокращенныхъ Руководшвъ, ни легкихъ сочиненій о предметахъ важныхъ. Не надобно забывашъ, что Босеюшь дѣлалъ сокращенія; что Фенелонъ написалъ для своего воспитанника Разговоры и прекрасную полишическую Поѣму; что Г-жа Меншенонъ сочиняла также предешные Разговоры для Сень-Сира; что по ея приказанію, Аббашъ Рагуа дѣлалъ сокращенія Исто-

рїи и Географїи, служившія для Герцога Менскаго, что Фонтенель предсхавилъ Астрономію въ занимательныхъ разговорахъ, исполненныхъ ума и игривости; что Аббашъ Террасонъ всѣ свои ученныя изысканія о древнихъ Египтянахъ, помѣстивъ въ весьма занимательномъ Романѣ; что Плюшъ въ книгѣ своей: *Зрѣлище природы*, старался предсхавить изученіе Естественной Исторіи въ видѣ чрезвычайно пріятномъ; что Ламотъ описалъ прекрасными стихами разныя историческія происшествія, для наученія юношества; что Іезуишты, лучшіе наставники сего времени, всячески заботились о томъ, чтобы сдѣлать ученіе пріятнымъ; что они сочиняли для своихъ воспитанниковъ нравоучительныя Трагедіи, Комедіи и Балеты.

Воспитаніе двѣиць было также неоднотрашно измѣняемо. Долгое время старались учить ихъ только танцованію, рисованію и музыкѣ, не заботясь ни мало о образованіи ума. Употребивъ лишь двѣнадцать на то, чтобы выучить ихъ одѣваться со вкусомъ, танцовать съ пріятностію, пѣть и играть на инструментахъ самымъ блестящимъ образомъ, ихъ выдавали замужъ по честолюбію или расчешамъ, и опуская ихъ въ свѣтъ, говорили имъ съ важностію: „будьте просты и безъ требованій; не прѣдъпляйшесь

къ ненужному и излишнему; не обольщайше никого, што было бы пресупленіе; и особенно будше нечувствительны къ похвалямъ, на счесть вашей красоты и дарованій.“ Можно себѣ представить, какое дѣйствіе производили сіи прекрасныя увѣщанія въ шестнадцати - лѣтней дѣвушкѣ, которая въ часы отдохновенія думала только о счастіи и *слава* блисташъ въ концерпѣ или на балѣ. Ошъ сего рода воспитанія перешли къ другой крайности. Нѣсколько времени матери думали только о томъ, чшобы сдѣлать дочерей своихъ *хорошими хозяйками*, какъ будто невѣжество и грубость могутъ быть поруками добраго поведенія, и какъ будто съ образованными способностями нельзя хорошо управлять домою! Рѣшили, чшо женщины не должны ни читать, ни писать, ни заниматься Изящными Искусствами.

Однако жъ жаль было бы, если бѣ Г-жи Гролье и Лебрень и дѣвица Леско никогда не рисовали, Г-жа Монжеру не играла на фортепіано, и нѣкоторые другія не писали. Въ воспитаніи, болѣе еще нежели въ чемъ либо другомъ, исключительная система всегда будетъ вредна: надобно помогать естественнымъ склонностямъ, а не спарашь ихъ пересилить. Воспитаніе обогащаетъ только тѣхъ, которые сами родились бога-

шими; оно до нѣкоторой степени можетъ исправитьъ природныя недоспѣлости; оно направляетъ, развиваетъ, усовершенствуетъ, но не шворитъ. Искусный садовникъ можетъ только сдѣлать прекрасный цвѣтокъ махровымъ, а такой только и сподобитъ тщательнаго обработанія; но онъ не можетъ произвести и малѣйшей правки: нужно, чтобы природа на то дала сѣмя. Если у вашего воспитанника нѣтъ памяти, понятливости и прилежанія, то вы никогда не сдѣлаете его ученымъ, и повѣрьте, что онъ никогда не будетъ отличнымъ Литераторомъ или Художникомъ, если природа его для того не образовала. Если воспитатель ожидаетъ отъ ученика своего болѣе, или не того, что должно, то воспитаніе никогда не достигнетъ своей цѣли, какъ бы оно тщательнее ни было: тотъ никогда не будетъ учиться охотно, отъ кого требуютъ болѣе, нежели сколько онъ можетъ выполнить.

Когда во Франціи перепробовали всѣ опыты, о которыхъ я говорила, воспитательницы прилепились къ учености, и даже кухарки захотѣли сдѣлать своихъ дочерей учеными. Наконецъ, послѣ столькихъ заблужденій, единственная привязанность, оставшаяся постоянно въ печеніе шридцати пяти лѣтъ, привязанность къ *новому*, при-

редеть, можешь быть, на хорошей путь: дай Богъ, чѣмъ на немъ остановились, попому чѣмъ воспитаніе всегда будешь имѣть величайшее вліяніе на нравы, и сдѣлственно на общее благополучіе: оно способствуетъ испребленію неависпнаго эгоизма.

Во время Лудовика XIV и прежде, мать не требовала у дочери сѣраспной любви и мелочныхъ угожденій; привязанность ея къ мужу, къ свекрови, къ сестрамъ, не возбуждала ревности въ ея матери, какъ по случаю послѣ и случается нынѣ. Тогда не унижали чистѣйшаго изъ чувствованій примѣсью неумѣстныхъ и себялюбивыхъ требованій. Случалось, чѣмъ мать любила только дочь свою, но не ожидала отъ нея исключительной привязанности; совершенно невозможной, попому, чѣмъ такую чрезвычайную склонность природа дала только тѣмъ, кому нужно принимать на себя неусыпныя попеченія, оказывать благотворенія и подвергать себя различнымъ лишеніямъ для блага существа любезнаго. Если сердце матери не испорчено излишнимъ самолюбіемъ, то нигдѣ нельзя найти такъ мало эгоизма. Мать знаетъ, чѣмъ она воспитываетъ дочь свою для другаго семейства, чѣмъ она сама не будешь наслаждаться добродѣтелями и характеромъ, которыхъ стараешься образовать, посвящая

себя совершенно воспитанію своего дѣтства. Въ материнскихъ наслажденіяхъ все пожертвованіе, все — даже самое счастье, которое чувствуешь мать въ эпоху драгоценнѣйшую и важнѣйшую въ ея жизни — когда она выдаетъ дочь свою замужъ. Надобно будетъ съ нею разлучиться, или, по крайней мѣрѣ, ввѣришь судьбу ея другому! . . . .

Прежде сего родители не возили въ общество семи или осьми-лѣтнихъ дѣтей; рѣдко даже вывозили пятнадцати или шестнадцати-лѣтнихъ дѣвушекъ. Нынѣ родители не могутъ разлучиться съ дѣтьми; они ихъ любятъ страшно; они ихъ невольники, однако жъ это не мѣшаетъ вдовамъ и вдовцамъ вступать во второе супружество, и распочать свое имѣніе! Прежде случалось, что родители заключались на нѣсколько лѣтъ въ какомъ нибудь замкѣ, за сто миль отъ Парижа, чтобы скопить приданое для дочери или собрать сумму, нужную для того, чтобы пристроить сына. Нынѣ нѣжная мать ѣздитъ только на нѣсколько мѣсяцевъ въ свое имѣніе, потому, что въ провинціи нельзя найти хорошаго пансіональнаго или фортепьяннаго учителя. Прежде старались строить на двѣсти, на триста лѣтъ; убирали домъ обоями, которые могли держаться также долго, какъ сѣ-

ное зданіе; не вырубали лѣсовъ своихъ, починая ихъ священнымъ доспояніемъ дѣшей. Нынѣ рубящъ рощи и оставляють въ наслѣдство дѣшамъ долги, крашенныя бумажки и новыя дома, которые со всѣхъ споронъ разрушаются! . . . .

Прежде писывали къ другу (*): „Мнѣ нужны двѣ пысячи талеровъ; если у тебя ихъ нѣтъ, то продай, заложь что нибудь; мнѣ они нужны завтра.“

И другъ, достойныйъ получить такую записку, *продавалъ, закладывалъ* свои вещи, и назавтра посылалъ деньги.

Дю-Ге-Трювнъ, въ 1707 году, послѣ славной кампаніи, отказался оный пенсіона, который хотѣли ему назначить; но выхлопоталъ его своему *подчиненному* Сентъ-Обаму, которому въ эту же кампанію ошорвало ногу.

Все это поступки гошическіе.

Спаршанскій Царь Агезилай говорилъ: „Не думаю, чшобы Персидскій Царь могъ превзойти меня величіемъ, если онъ не добродѣтельнѣе меня.“ Нельзя ли также усомниться въ преимуществѣ нашего, столь много хвалимаго *просвѣщенія*, если предки на-

---

(*) Это письмо написано было Вуашюромъ.
Брлм. Сов.

ни превосходяши насъ въ безкорыстїи, величїи и добротѣ души?

Во всѣхъ, нѣсколько важныхъ случаяхъ жизни, поведеніе эгоиста въ обществѣ начертано общимъ мнѣніемъ, такъ, что и эгоистъ не смѣетъ опустити опъ общепринятыхъ правилъ; но въ мелочныхъ подробностяхъ жизни онъ бываетъ совершенно несносенъ. Малѣйшая услуга, хотя бы опъ нее зависѣло благополучіе другаго, кажется ему нарушеніемъ своей независимости. Не думайше сдѣлашь ему какое нибудь порученіе? не забывая ничего, что касается до него собственно, онъ никогда не помнитъ того, что важно для другихъ. Горе вамъ, если вы, будучи его сосѣдомъ, не встаете и не ложитесь въ одно съ нимъ время. Не прощая людямъ своимъ ни малѣйшей невнимательности къ нему самому, онъ не требуетъ опъ нихъ ничего въ отношенїи къ другимъ. Его служители могутъ, не гнѣвая господина, будити васъ всякое утро ужаснѣйшимъ шумомъ, и если бы они жили обыкновеніе трубишь въ рогъ на зарѣ, то вы не упросили бы его погодити минушь десять. Но эгоизмъ, обыкновеннѣе всѣхъ прочихъ пороковъ, самъ себя наказываетъ. Занимаясь безпрерывно собою, эгоистъ хочетъ, чтобы и другіе нимъ занимались, а иже о немъ и не думаетъ.

*

Какъ бы онъ уменъ ни былъ, но стараясь непрерывно блистать умомъ своимъ, онъ не умѣешь цѣнить ума другихъ, пошому что удивленіе кажешься ему умѣспнымъ только тогда, когда онъ самъ бываетъ его предметомъ. Угожденія въ обществѣ должны бытъ взаимными, и по этому никто не думаетъ угождать ему; его непрерывно оскорбляютъ забывчивость и невниманіе, оказываемыя не ему только одному; безпрестанно недовольный, онъ, съ лѣшми, дѣлается брюзгою и человѣконенавистникомъ, и достигая спаросши, не имѣвъ счастья привязать къ себѣ друга истиннаго.

Въ послѣднія пашнадацать лѣтъ, предшествовавшія нашей революціи, принужденныя и преувеличенныя изьявленія дружбы не имѣли никакихъ границъ въ обществѣ. — Эта принужденность описана мною подробно въ *Адели* и *Теодоръ*, а здѣсь я ничего къ шому прибавить не могу; скажу только, что тогда, хотя изьявленіе чувствъ было бѣльшею частію и неистинное, но ничто не освобождало отъ нѣкопрыхъ поступковъ благородныхъ и великодушныхъ; никогда не случалось, чтобы кто нибудь сполкнулъ съ мѣста своего друга, ни даже занялъ его должность, хотя бы ему предлагали ее, или пересмалъ вздись къ Министру,

впадшему въ немилость. Тогда было въ обществѣ какое-то судилище, уснановленное общимъ мнѣніемъ, судилище, кошорое лишало честнаго имени людей, сдѣлавшимъ глупый пошупокъ, и никогда ихъ не прощало. Никогда не видано было въ порядочномъ обществѣ человека, споль мало знакомаго съ приличіями, чшобы осмѣлился выказывать, какъ въ Сказкахъ Мармоншеля (*), чувствованія самыя развращенныя, но въ концѣ осмнадашаго вѣка, принужденная *чувствен-*

(*) Сочинительница сихъ Записокъ доказала, въ сказкѣ: *Двѣ славы* (Les deux Réputations), какъ ложно, опасно и смѣшно изображеніе нравовъ общества въ Сказкахъ Г. Мармоншеля. Написанная мною кришика осталась безъ возраженія, а Г. Мармоншель, печашая чрезъ нѣсколько лѣтъ новое изданіе своихъ Сказокъ, исключилъ изъ прежняго предисловія слѣдующія слова: „*Если въ Сказкахъ снхъ свѣтъ изображень невѣрно, то онѣ не имѣють никакого достоинства.*“ *Пр. Сов.*

Видно не у насъ шолько почишають виноватымъ шого, кшо молчатъ. Если Мармоншель предпринялъ уже *чрезъ нѣсколько лѣтъ* новое изданіе своихъ сказокъ, шо нравы, споль часшо измѣнявшіеся въ шо время во Франціи, были уже не шѣ, кошорые онѣ описывалъ, и шогда онѣ, совсѣмъ не изъ уваженія къ кришикѣ Г-жи Жанлисъ, могъ выключишь упоминаемыя ея слова. *Прим. Перева.*

тельность, которая каждый день возрастала, сдѣлалась въ нѣкоторомъ отношеніи споль смѣшною, что совершенно упала въ общемъ мнѣніи, не смотря на ловкость и любезность людей, которые ввели ее въ моду; надъ нею смѣялись съ умомъ и веселостію, разсудокъ былъ шутъ на споронѣ насмѣшниковъ, а въ шакомъ случаѣ эпиграммы дѣйствительно опасны: разсудокъ пользуется всѣмъ своимъ вѣсомъ и силою, когда забавляетъ насмѣшливость. Въ обществѣ образовалась оппозиціонная партія, которая, своею веселостію, легкостію своего тона и оспрошою насмѣшекъ, непрерывно смущала важность сентиментальной секты и уничтожала прогашельнѣйшія ея разсужденія. Одни выказывали во всѣхъ родахъ чувствованія самыя преувеличенныя, а другіе безпечность, которой часто не имѣли, и пошому вскорѣ не было истины ни на шой, ни на другой споронѣ. Насмѣхаясь надъ ложными добродѣтелями, люди начали менѣе уважать добродѣтели истинныя, пошому, что ихъ не различали, и что привычка къ насмѣшливости и невѣрію распроспиралась на все безъ разбора. Человѣкъ, полагающій, по несчастію, все свое самолюбіе въ томъ, чтобы не быть обманушу никакою личиною, теряетъ счастливую способность удивлять-

ся хорошему, и легко переходилъ отъ недобренія къ саширѣ, и къ клеветѣ отъ обыкновеннаго заговора. Такимъ образомъ въ свѣтѣ довольно опасно имѣлъ духъ наблюдательный: онъ изощрялъ умъ, но портилъ характеръ, если сердце не исполнено доброты и чувствительности истинной. Въ свѣтѣ безпрестанно встрѣчались противоположности самыя удивительныя: въ одномъ и томъ же обществѣ слышны были шутки и разговоры, совершенно противоположны друг другу. Женщины, по крайней мѣрѣ, неблагоразумнаго, съ важностію разсуждали о душевныхъ ощущеніяхъ и должностяхъ чловѣка. Предавался честолюбію и чрезвычайному разсвѣнію, онъ съ жаромъ выхвалялъ прелесть уединенія, чтенія и силу дружбы, изображали любовь чертами самыя романтическими и представляли ее себѣ не иначе, какъ *платоническою*. Съ другой стороны, и часто въ той же самой компаніи, говорили съ насмѣшливостію о дружбѣ, о любви, и хвалились тѣмъ, что ввѣрили одному щещславію. Самолюбіе было основаніемъ сихъ связей; всего болѣе старались о томъ, чтобы онъ были блистательны; думали, что языкъ сентиментальнаго прилежства освобождаетъ отъ осторожности въ поступкахъ, и что сверхъ того блескъ

побѣдъ заглаждаешь стыдъ порочнаго поведенія.

Во всѣхъ головахъ (за исключеніемъ немногихъ) происходило броженіе гордости, притребованій, желанія успѣховъ, какого бы рода они ни были, которое, соединяясь съ недосносностію понятию о нравственности, съ опсушествомъ правилъ, разрѣшало мало по малу всѣ узы, связывающіе общество, и воспламененія воображеніе, изсушало душу. Тогда не стремились безстыдно къ пороку, не сбрасывали нагло личины добродѣтели; напрошивъ того безпрерывно о ней говорили, если не съ прелестію истины, то по крайней мѣрѣ съ выраженіями энтузіазма. Однако жъ люди не были совершенными лицемерами; старались болѣе заблуждаться, нежели обманывать другихъ; развращались, желая усовершенить и очистить всѣ чувствованія; хищность не всегда соединялась съ прищворствомъ, но безуміе было вездѣ. Посреди сего безпорядка внутренняго, нравственнаго и всеобщаго эгоизма, любовь была искажена подобно другимъ чувствованіямъ. Въ разговорахъ представляли ее страстью бурною, доводящею до безумія и бѣшенства, а въ самой вещи, въ концѣ семнадцатаго столѣтія, она производила однѣ только хищности.

Поспѣраюсь развеселить чашашеля, упо-
 жленного эпою печальною каршиною: опи-
 шу забавы нашего времени; онѣ были бли-
 спашательны и благородны въ продолженіе
 бѣльшей часши минувшаго вѣка. Тогда цар-
 ствовало чрезвычайное великолѣпіе въ до-
 махъ Принцевъ и даже богашыхъ часпныхъ
 людей; въ нихъ давали праздники, играли
 Комедіи и наслаждались полною свободою.
 Въ Парижѣ было множество ошкрытыхъ до-
 мовъ. Въ часпныхъ общешвахъ занимались
 музыкою, предспавляли пословицы: эпо бы-
 ло гораздо оспроумнѣе *шарадъ въ дѣйствіи*.
 Вдругъ желаніе блиспашь умомъ ввело въ
 моду Науки: зимою начали слушашь курсы
 Химіи, Физики, Естественной Исторіи; ни-
 чему не научались, но зашверживали пехни-
 ческіе шерминны; женщины заразились пе-
 даншствомъ, едѣлались менѣ любезными, и
 шакимъ образомъ пригошвились со време-
 немъ разсуждашь о Полишкѣ.

Женщины могли бы, подобно мужчинамъ,
 успѣшно занимашься Науками, если бы рѣ-
 шились ошказашься ошчасши пустыхъ за-
 бавъ, ошнимающихъ у нихъ все время. Но,
 ежели онѣ захошашь имѣшь одну шодько
 наружность учености, и не обманушь въ
 эпомъ ошношеніи никого, то лишашься всѣхъ
 пріашностей, свойшвенныхъ ихъ полу,

поэтому, что тогда бедность ихъ будетъ еще снѣзше обыкновеннаго.

Мода, которую мы во все времена видѣли въ большомъ свѣтѣ во Франціи, и которая, вѣроятно, не пройдетъ никогда, сошлется въ томъ, чтобы безпрестанно жаловаться и приговариваться упомденнымъ образомъ и шумныхъ увеселеній. По словамъ свѣтскихъ людей кажется, что они хотятъ только спокойствія, и что жизнь простая, сельская и уединенная есть единственный предметъ ихъ желаній. Женщины особенно неспособны въ жалобахъ, въ сентиментальныхъ и философическихъ фразахъ о благополучіи независимаго и спокойнаго домохозяйства. Слушая ихъ, подумаешь, что онѣ несчастныя невольницы, принужденныя поступать во всемъ вопреки тайному ихъ желанію и склонности! По этому надлежало бы полагать, что онѣ были бы гораздо счастливѣе въ хижинѣ или какомъ нибудь пустынномъ гробѣ. Въ Театрѣ все для нихъ несносно: Французская Комедія скучна, Опера упоминательна, Бюветъ и Пошье нестерпимы; онѣ никогда не признаются, что эти Актеры ихъ часто смѣшили. Между тѣмъ онѣ имѣютъ ложи, или берутъ ихъ у знакомыхъ. Осправляясь на обѣдъ, жалуются на необходимость наряжаться и на смертную

скуку принужденности; а между тѣмъ проводяшь каждый день часа по три и по четыре за шуалешомъ, и разоряюшься на шали, плашья и шрапки. Какъ онъ смучны и унылы, возвращаясь съ бала или пира! Сколько пошлковъ о пѣснопѣ, давкѣ, свѣшѣ и жарѣ! Какія насмѣшки надъ праздникомъ и надъ всѣмъ, что шамъ происходило! Не смотря на то, онъ съ жаромъ просили билешовъ, и всегда будуще хлопашъ о томъ въ подобномъ случаѣ. Дѣлая визишы, онъ ропщущъ на это обыкновеніе и причиняемую имъ *трату времени*, а всякое ушро выѣзжающъ и возвращающъ около обѣда. Наконецъ давая банды или обѣды и принимая множество гостей, онъ горько жалующъ на усшалость: исперика и мигрени бывающъ необходимыиъ послѣдствіемъ шягосшной обязанности угощашъ! . . . Всѣ эти неудовольствія начинающъ съ самой юности; все это тысячу разъ слышали, тысячу разъ повшоряющъ, и все это составляешъ часть обычныхъ фразъ, зашверженныхъ въ дѣшешвѣ. Всякая благовоспитанная дѣвушка знаешъ ихъ наизусть, и повшоряешъ по привычкѣ; а зрѣлый возрастъ еще болѣе укрѣпляетъ эту привычку. Ежели у какой нибудь дамы есть дочери пятнадцати или шешнадцати лѣтъ, то она для нихъ бываешъ въ обществахъ,

Вздишь по праздникамъ и не пропускаешь ни одного бала. *Для нихъ* одѣваешься она почти также, какъ и *онъ*; *для нихъ* заставляешь ихъ вести родъ жизни, который опнимаешь у нихъ всю возможность образовашь свои способности и приобрьсти порядочныя познанія. За двадцать пять лѣтъ предъ симъ, дѣвушки, уже невѣсты, никогда почти не являлись въ свѣтъ: онѣ ѣздили, только объ масляницѣ, на дѣтскіе балы, которые начинались въ шесть часовъ, а оканчивались въ девять. Ошъ чего же машери, споль привязанныя къ покойной жизни, не обращаются къ этому спаринному обыкновенію, споль удобному для воспитанія и полезному для здоровья?

Ошъ чего происходитъ охона все охуждашь, и ложное отвращеніе ошъ удовольствій свѣта, которое показываешь женщины всѣхъ возрастовъ? Пустыя жалобы и мнимыя горести никого не сдѣлають милѣе. Неужели молодыя женщины думаютъ, что шопшъ языкъ можешь извинишь ихъ непомярную разсѣянность и совершенную праздность? Ошибаюшься! онѣ имѣли бы еще нѣкоторое право на снисхожденіе, если бы новосшь и пріяшность предмета говорили въ ихъ пользу: можно было бы подумашь, что со временемъ онѣ ушоманся и перемѣ-

нншь образъ своей жизни. Но чего ожидашь отъ осмнадцати-лѣтней женщины, которой все наскучило, все опрощивъло, которой уже не милы блестящія забавы свѣта, и которую между шѣмъ встрѣчаемъ повсюду? Зачѣмъ употребляешь ложе и припворство, когда можно, безъ вреда и безъ зазрѣння совѣсти, бышь опкровенными?

Прежде сего молодья особы, даже и шѣ, которыя давно уже жили въ свѣтѣ, рѣдко вѣдали въ Театрѣ, пошому, чшо надобно было взять цѣлую ложу, чшобы не сидѣшь рядомъ съ неизвѣстной женщиною (*). Вообще женщины гораздо болѣе оспавались дома; въ молодоспн онѣ вызжали неинначе, какъ съ покрышою головой (въ капорахъ), и по по бѣльшей часпн, для исполнення какихъ нибудь обязанностей. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ, если онѣ были любезны, по собирали у себя опборное общество, которое съвзжалось единшвенно для удовольствнн бесѣдовашь. Онѣ привлекали къ себѣ госпей, не дѣлая никакихъ издержекъ, и не обязаны были обѣщашь, чшо у нихъ будешь музыка и шара-

---

(*). Во Францнн зрнтели входншь въ ложи по билетамъ, какъ у насъ въ партерѣ. Желающн сидѣшь въ ней одни, ннимающъ заблаговременно: на эшошь случай привѣшиваешся къ дверямъ ярлыкъ съ надпсью: *loge louée*. *Пр. Пер.*

ды. Нынѣ шо, что называется *вечеромъ*, естъ настоящій спектакль. Тамъ находимъ все, кромѣ свободы, довѣрія, веселости, занимательныхъ разговоровъ и любезности.

Вообще, нынѣ молодыя женщины слишкомъ привязаны къ нарядамъ, къ *модѣ*, слишкомъ жадны къ *приглашеніямъ* и спектаклямъ, мало сидятъ дома, а все это не подаетъ надежды, чтобы онѣ со временемъ сдѣлались женщинами любезными и благообразными, и добрыми матерями. Между тѣмъ женщина не заслуживаетъ хвалы, если къ исчисленію ея хорошихъ качествъ нельзя прибавить, что она всего больше любитъ домъ свой. Поэтому-шо древніе и почиали совершенною похвалою, заключающуюся въ слѣдующей эпиграфѣ:

Casta vixit,
Lanam fecit,
Domum servavit (*).

Эта эпиграфѣя изображаетъ и всегда будешь изображать женщину совершенную наконецъ польза здоровья и красоты въ этомъ случаѣ согласна съ нравственностію.

Въ это время возвратились къ сентиментальности, копорую я осмѣяла въ одной

(*) Она жила цѣломудренно, любила трудъ, и привязана была къ своему дому. *Прим. Сот.*

пісць моего *Театра воспитанія* (*). Въ царствованіе Наполеона, ее довели до такой степени, что женщины начали носить парики, пояса, и браслеты и пр., сплешенные изъ волосъ ихъ любезныхъ. Праматери наши не знали этого прогашельнаго обыкновенія. — Однако жъ въ *Запискахъ д'Обинье* есть одна весьма замѣчательная черта въ этомъ родѣ. Въ сраженіи (во время Генриха IV) д'Обинье дрался съ Капипаномъ Дюбургомъ. Въ самомъ пылу дѣйствія д'Обинье замѣнилъ, что выпрѣлъ опазналъ у него на рукѣ браслетъ, въ которомъ были волосы его любезной; не думая о томъ, что совершенно подвергается ударамъ своего противника, онъ немедленно начинаеть пушити огонь, чтобы спасти браслетъ, который былъ для него драгоценнѣе свободы и жизни. Дюбургъ, пронутый симъ чувствованіемъ, останавливаетъ свои удары и начинаеть чертити шпагою на нескѣ шаръ съ изображеніемъ креста на верху.

Требованія на умъ и геній сдѣлались также гораздо обыкновеннѣе, нежели прежде, а удовольствія ума рѣже (*). Тогда играли

(*) Опасности сѣзна. *Пр. Сог.*

(*) Въ испивный вѣкъ геній, въ вѣкъ Лудовика XIV, хвала писателя, никогда не умошреля.

въ пословицы, а это требовало ума, пошому; что пословицы были маленькія комедіи, представляемыя безъ приговора; ихъ смѣняли шарадами, кошорыя конечно не требуютъ никакого напряженія ума. Прежде сего въ деревняхъ занимались чтеніемъ вслухъ; въ это же время и того не дѣлали; въ обществѣ разучались даже бесѣдовать: рассуждали, доказывали шезы, а не разговаривали; прежде были въ модѣ *домашніе театры*; въ это время совсѣмъ ихъ не было.

Обыкновеніе употреблять въ украшеніяхъ волосы любезныхъ особъ сосоставляетъ замѣчательную противоположность съ воспоминаніями, оставшимися отъ временъ наибольшей чистоты нравовъ, господствовавшей по восшествіи на престолъ Французской претней династіи. Золотымъ вѣкомъ образованности было царствованіе Лудовика XIII, за то никогда Французскій народъ не былъ такъ набоженъ, какъ въ то время. Сколько Богоугодныхъ заведеній основано въ

ли слова *геній*. Во всѣхъ запискахъ сего времени видно, что Лудовикъ XIV, кошорый такъ хорошо зналъ цѣну словъ и вещей, хвалилъ сочиненія Расина не иначе, какъ говоря: „надобно признать, что Расинъ очень уменъ.“ Въ то время похвалы были не напыщенны; и только въ такомъ случаѣ онѣ дочешны и лешны. *Пр. Сот.*

вѣдомъ вѣкъ! Омель-Дье, Воспитательный домъ, Общество сестръ Милосердія, всѣ эти заведенія обязаны существованіемъ своимъ одному человѣку, Венсану де Полю, котораго челоуѣколюбіе простиралось даже на ещрадавшихъ прешулиниковъ: онъ захотѣлъ бытъ ихъ духовникомъ для того; чтобы обращать ихъ на путь истинный и утѣждать, сколько возможно, бѣдственную ихъ участь. Ни одинъ часный человѣкъ не имѣлъ такого сильнаго вліянія на счастье большаго числа людей; трудно представить себѣ все добро, которое онъ произвелъ своими наставленіями, сборами, пособіями, оказанными пошерпѣвшимъ опъ войны и повзказми къ невѣрнымъ для выкупа Христіанневольниковъ. За то, какъ помогалъ ему духъ того вѣка! Кто бы не подивился духу того времени, которій сблизалъ, соединялъ всѣ сослоуія въ одной мысли, дѣлалъ всѣ возможныя пожертвованія для облегченія страдающаго челоуѣчества; духу того времени, которій заставлялъ женщинъ, молодыхъ и старыхъ, продавать свои бриліанты и серебро, чтобы вырученныя за нихъ деньги жертвовалъ въ пользу богоугодныхъ заведеній, и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ посвящалъ два дня въ недѣлю на служеніе больнымъ; духу, ко-

порый давалъ и дѣвцѣмъ и особамъ священнаго званія рѣшимость подвергаться опасностямъ и самой смерти: перамъ въ госпиталѣхъ, гдѣ онѣ ходили за солдатами, ранеными, и спраждущими заразительными болѣзнями; другимъ посреди варваровъ, къ копорымъ ихъ влекло чрезъ моря желаніе освободить спраждущихъ своихъ братьевъ; . . . . духу, копорый заставлялъ безчисленное множество людей всѣхъ классовъ употреблять все свое имѣніе на дѣла богоугодныя (*). И какіе нравы соупшшвовали подобнымъ дѣніямъ! Какое спокойствіе. Какое согласіе! Какая дѣшеская привязанность! Какое благопріятіе въ семействахъ всѣхъ сословій! Таковы были плоды общественнаго духа въ семь набожномъ вѣкѣ. Каковы были, каковы еще и теперь плоды общественнаго духа, сдѣлавшагося *философическимъ* ?

Благоприсшность начала ослабѣвать при Дворѣ уже послѣ Регеншшва Анны Авспрійской. Замужнія спали ходишь съ открышою шеєю (*se décolletèrent*); но вдовы

(*) Между прочими Командоръ Сильери пожертвовалъ сто тысячъ дохода; Г. де Руреманъ шестидесять тысячъ; многіе другіе дѣлали тоже; и въ новѣйшія времена Герцогъ Гиселле.

Прим. Сог.

сохранили всю строгость своего костюма, и другія женщины наблюдали весь благоприличные обычаи предшествовавшего царствования. У всѣхъ дамъ были или компаніонки или швей, которыя всегда подлѣ нихъ занимались работою. Слѣдуя сему обыкновенію; женщины никогда не принимали наединѣ мужчины, какихъ бы лѣтъ онъ ни былъ. Г-жа Меншенонъ, въ письмахъ своихъ къ Г-жѣ Келю (Caylus), женщинѣ тридцати лѣтъ лѣтъ; совѣщаетъ никогда не опсунуться отъ сего обыкновенія, хотя у нее былъ уже взрослый сынъ. Та же мысль благопристойности была причиною обыкновенія, по которому женщины выѣзжали въ каретѣ не иначе, какъ по крайней мѣрѣ съ двумя лакеями, а вечеромъ съ факелами. Тогда не хотѣли скрываться въ темнотѣ и дѣйствовать безъ свидѣтелей: это обыкновеніе сохранилось до революціи.

Въ вѣкъ Лудовика XIII и Лудовика XIV, женщины, которыя хотѣли имѣть порфиритъ свой; садились предъ Живописцемъ только для списыванія лица; для рисованья груди и шалии, живописецъ бралъ модель. Это измѣнилось по смерти Лудовика XIV. Съ паденіемъ шрона, понятіе о благопристойности совершенно уничтожилось: женщины начали одѣваться по образцу Венеры Медичійской; мужчины говорили имъ *ты*, и это

очень естественна; въ этихъ прозрачныхъ костюмахъ мало встрѣчалось *Гречанокъ* и совсѣмъ не было *Француженокъ*; вмѣстѣ съ приспоспобленностью лишились онѣ и всѣхъ пріятностей, которыми дополь оплачивались.

Давно уже сказала я, что народу нужна *Вѣра* таинственная и что, отвергая *Религію*, онѣ всегда дѣлаются суевѣрными. Этого и не приходило въ голову *Философамъ*, которые сполько кричали противъ суевѣрія; они-то его распространяли и возобновили.

Мы это докажемъ. Пріѣхавъ въ *Версаль*, я скоро узнала, что тамъ была достойная вѣка *Екатерины Медицисъ* ворожея, дѣлавшая восковые бюсты для ревнивыхъ любовниковъ, которые хотѣли погубить своихъ соперниковъ, поражая эти фигуры ножами и кинжалами. Тогда сдѣлала я мой первый доносъ, уведомила объ этомъ *Версальскаго Префекта*, и онѣ, удостоившись въ истинѣ моего показанія, выгналъ ворожею. Возвратясь въ *Парижъ*, я нашла тамъ славную ворожею, которая предсказала блестящую судьбу *Императрицъ Жозефинъ*, и пользовалась открытымъ ея покровительствомъ. На улицахъ толковали сны; *Парижъ* былъ наполненъ вѣщунами, гадальщиками, колдунами, илюминашами, дѣвушками, которые

производилъ суевѣрные чудеса, съ закрытыми глазами чинили желудкомъ, заговаривали водосы, и, сонныя, танцовали и предсказывали. Объ этомъ съ важностію подковали, и даже Ученые покровишельствовали симиъ людямъ!.. Не лучше ли было бы вѣровать въ Евангеліе, и исполнять его Божественныя предписанія?

Проекъ похода въ Россію не нравился никому, даже и военнымъ, которые послѣ оказали сполько храбрости въ этой несчастной войнѣ. Говорили, что Наполеонъ, увѣренный въ шомъ, что уничтожишь Россію, намѣревался перейти опшуда въ Азію, что-бы завоевать Китай; въ доказательство этого приводили то, что *заказано* было (это справедливо) для арміи невѣроятное множество очковъ, которые должны были служить для сохраненія зрѣнія солдатъ при переходѣ песчаныхъ степей; шубы гораздо полезнѣе были бы при бѣгствѣ разсыянной его арміи.

Не понятно было, какъ Наполеонъ, дошедшій въ это время до такой степени славы и могущества, могъ имѣть споль гитанцкіе замыслы! Замѣчательно, что при Дворѣ Наполеона, всякій иностранецъ могъ замѣшиться какой нибудь обычай страны своей, пошому, что духъ завоеванія проспершь былъ до шого, что присвоивали да-

же обыкновеніи и церемоніи другихъ Дворовъ; наконецъ поны нѣкошорыхъ знашнихъ особъ сего Двора составляла спранную прѣвивоположность съ осѣвншешельнымъ его великолѣпиемъ.

Перев. А . . . . . лии.

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Вечеръ на Мечукѣ (*).

Сынъ Сѣвера, съ какииъ благоговѣшемъ
 Я жадный взоръ пишалъ полуденной спраной,
 Гдѣ мысль объемлешся невольнымъ вдохновенцемъ,
 И падаешъ во прахъ предъ дивной красшой!
 Преодолѣвъ кипящія спремнины,
 Гдѣ жаркая спруа сквозь камни пронялась,
 Мечукъ! съ швоей крупшой вершины
 Я обнимаю душой ушесисшій Кавказъ.
 Свѣшило дня на западъ упадало,
 И заревомъ подернувъ цѣли горъ,
 Громамъ Ермолова въ укоръ,
 Кавбазской вольношши вершешпы осѣщало. :
 Громады снѣжныя, каеъ рядъ сѣдыхъ вѣковъ,

(*). Мечукою, или правильнѣе Машукою, называется гора, у подошвы которой находится извѣстная горная вода.

Въ нѣмомъ величии сіяли,
 И два шапра изъ яркой ризы льдовъ
 На раменахъ своихъ держали.
 Какъ шемное орлиное крыло,
 На сѣверъ туча налегала,
 И Бешты пасмурной чело
 Вънцемъ шуманнымъ обвивала;
 На яркой зелени луговъ
 Бродили шѣни облаковъ;
 Рѣка, по ленивой извивалась
 Въ благоуханныхъ берегахъ,
 То за курганами шерялась,
 И съ шумомъ падала въ оврагъ.
 Почудя близость непогоды,
 Орлы лешѣли къ небесамъ,
 На встрѣчу молніи, громамъ,
 Какъ зваче на пиръ природы!
 Еще свѣплалъ упорный день
 Надъ озаренными скалами,
 А за воспочными холмами
 Росла ночная шѣнь.
 По шучѣ громъ за громомъ рвался,
 Лепала молніи стрѣла,
 И мракъ за нею озарялся
 Вдругъ бѣлоголавого орла.
 Вошь солища ликъ ушесомъ заслонился;
 Последний свѣтъ спруей извился,
 И на Эльбрусь опразясь,
 Въ шуманномъ воздухѣ погасъ...
 О вольность дикая племень неукротимыхъ!
 Не швой ли вечеръ вижу я?
 Померкнешь скоро жизнь швоя
 Въ ущельяхъ горъ непроходимыхъ!

Незгода браци ужъ виснѣшъ:
 Ермоловъ двинешся съ громами,
 И швой Орелъ, Россія, освѣннѣшъ
 Кавказъ широкими крылами!

В. Григорьевъ.

Май 1825.

V.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Обозрѣніе главнѣйшихъ происшествій 1825 г.

1825 годъ прошекъ для процвѣтѣющей Европы въ мирѣ. Спокойствіе ея и дружественное согласіе между Христіанскими Державами не нарушались, благодаря швѣмъ спасительнымъ правиламъ, коимъ слѣдуютъ ея Государя, узнавъ изъ долговременныхъ печальныхъ опытовъ, какія бѣдствія влечетъ за собою война и самая несчастливая.

Великобританія вѣрнымъ и быспрымъ шагомъ идетъ къ дальнѣйшему усовершенію, въ отношеніи къ силѣ своей Державы и къ благоденствію подданныхъ. Правительство оной, освободившись, при великодушномъ пособіи другихъ Государствъ, отъ непримиримаго и опаснаго врага своего, прилагаетъ съ швѣхъ цорѣ неуспѣшныя старанія, о приобря-

шенія средствъ пользовашься плодами вождельнаго мира. Она успѣла, не оскорбивъ дружественнаго съ нею Испанскаго Кабинета, и не признавая вредныхъ правилъ, причиняющихъ возмущенія и ошдоженія обласшей, открышь выгодную для себя шорговлю съ Юго-Американскими колоніями, нѣсколько сошь дѣшь принадлежавшими Испаніи, и ошшоргни-мися ошъ ошой въ продолженіе послѣднихъ безпокойствъ, препашецвовавшихъ Испанскому Правительству наблюдать за шишиною и безопасностію сихъ ошдаленныхъ владѣній. — Другія мѣры Бришанскаго Правительсва касались болѣе до внушреннаго управления: Парламентъ, по предложенію Королевскихъ Министровъ, смягчиль сшрогую запрешительную систему, господсшвовавшую въ Англіи донныъ; позволяль ввозъ многихъ иносшранныхъ произведеній и издѣлій, и прекрашилъ запрещеніе масшеровымъ вывзжать изъ Англіи. Сверхъ шого позволено Вещь - Индскимъ колоніямъ Англіи производить непосредственную шорговлю съ Европейскими и Американскими землями, и приняши мѣры къ улушченію сосшояніа негровъ невольниковъ въ Вещь-Индіи. — Одно-го плана не удалось исполнить въ прошлогоднешь заезданіи Парламента — уравненія Ирландскихъ Капшолковъ въ правахъ съ Про-

пестаншами. Мнѣнія о семъ важномъ предметѣ до такой степени раздѣлены въ Англіи, что и въ самомъ Министерствѣ оказались въ семъ случаѣ двѣ партіи. Старшій братъ Короля, Герцогъ Йоркскій, объявилъ, что онъ не соглашается на сіе урѣзненіе; почти все Англійское Протестантское Духовенство и большинство голосовъ Верхняго Парламента къ нему присоединились, и не смотря на утвержденіе сего проекта въ Нижней Палатѣ, нашлись принужденными опозовить оный до слѣдующаго засѣданія. Англійскіе Протестанты слишкомъ хорошо помнятъ жестокия войны за Вѣру, опустошавшія ихъ ошечество въ XVI и XVII вѣкахъ, и съ недоувѣрчивостію и опасеніемъ видятъ распросраненіе Іезуитовъ и ихъ правилъ въ нѣкоторыхъ сосѣдственныхъ земляхъ. Они враждуютъ не противъ исповѣданія Римско - Католическаго, а противъ власнолюбія и неперпимости, коими заражены многія духовныя особы сей Церкви. Впрочемъ кажешся, что благосостояніе нѣсколькихъ милліоновъ Римско - Католиковъ, населяющихъ Англійскія владѣнія, также должно значить что нибудь въ этомъ отношеніи. — Благословенная Богомъ Россія! ты не знаешь сихъ раздоровъ и прелій. Повинуясь съ любовію и доувѣренностію священной вѣдѣ,

мудрыхъ Ввиценосцевъ, ты пишаешь въ недрахъ своихъ милліоны мновѣрцевъ, разными образами и на разныхъ языкахъ славящихъ Единого Бога. Но сыны твоей Церкви не увлекаются чуждымъ ученіемъ и не оспариваютъ отеческихъ преданій, ибо Церковь сія есть Церковь Христова въ духъ и истину: она учишь любишь и враговъ своихъ, творить добро ненавидящимъ насъ!

Нѣкоторые Греческіе военачальники, воюющіе для освобожденія отечества своего отъ Турецкаго ига, вздумали было прибѣгнуть къ Великобританскому Правительству, и просить оное о принятіи Греціи подъ непосредственную свою защиту, но Министрство Англіи весьма благоразумно отъ сего уклонилось, какъ для того, чтобы не нарушить нейтралитета, такъ и по той причинѣ, что не всѣ Греческіе предводители, а члены одной только партіи испрашивали ея пособія.

Войны Англіи въ Востокъ - Индіи съ Бирманцами, и на западномъ берегу Африки съ Ашантіями (послѣдняя почти совершенно прекратилась) не имѣли вліянія на общій ходъ Политики: это дѣла частныя; объ остальныхъ савшино преимущественно за немѣненьемъ другихъ релцій, и отчасти по той причинѣ, что для нацоналенія огромныхъ Ан-

глійскихъ Журналовъ, надобно же имѣть какія нибудь извѣстія.

Полезныя изобрѣшенія ежедневно распространяющіяся въ Великобританніи: новыя каналы, мосты, подводныя пуши, чугуныя дороги, паровыя суда и новозки, и ш. п., возникая во всѣхъ мѣстахъ ея, сближаютъ людей и мѣста, и уничтожаютъ разстоянія. — Полярныя экспедиціи Англии, прославивъ ея неуспрашимыхъ и искусныхъ мореходцевъ, были безуспѣшны въ достиженіи главной цѣли — открытія сѣверозападнаго пуши изъ Ашланшическаго въ Тихій Океанъ. Незвѣстно, отправитъ ли она въ нынѣшнемъ году новую экспедицію: донынѣ не слышно о вооруженіи оной.

Франція. Если кто хочетъ видѣть, что въ состояніи сдѣлать благоустроенное, ошеческое, законное Правительство, пусть сравнитъ состояніе Франціи въ 1814 и 1815 годахъ съ нынѣшнимъ. Правленіе оной было разстроено; финансы истощены; армія наполнена духомъ мятежа и непокорности; земледѣіе не имѣло рукъ; торговля была прекращена; фабрики остановились; чуждыя войска занимали большую часть ея крепостей и провинцій. Нынѣ пользуется она Правленіемъ благоустроеннымъ, крошкимъ и справедливымъ; финансы поправлены до того,

чье уменьшение процентов съ Государственнаго долга позволило уничтожить многіе пятосшные налоги, и, вознаградивъ эмигрантовъ, лишенныхъ наследственнаго имущества во время революціи, обезпечить покупателей національныхъ имъній въ спокойномъ оныхъ обладаніи; вѣрная и преданная Королю армія не только оберегаетъ прронъ Королевскій въ самой Франціи, но и успѣла возстановить законное Правленіе въ земляхъ соедъственной; земледѣліе, фабрики, Искусства, Науки, Словесность процвѣтающъ; торговля Франціи воскресла; бѣлый флагъ развѣвается уже на моряхъ Обвѣхъ Индій, и Французскіе мореходцы обогащаютъ Географію и Естественныя Науки важными открытіями.

Важнѣйшимъ дѣломъ Франціи въ дѣлахъ вѣнней Политики въ 1825 году было признаніе независимости острова Сень-Доминга, и заключеніе съ Правительствомъ оного торговыхъ шартановъ. Нынѣшній Правитель Гаити или Сень-Доминга, Президентъ Боле, не есть возмущенный или измѣнникъ: онъ защелъ опечество свое, раздраемое буйствомъ, мачежемъ и кровопролитными войнами, содѣйствовалъ возстановленію въ немъ порядка, и нынѣ довершилъ свои труды возобновленіемъ сношеній съ Франціею, ко-

шорая донья не признавала независимости Сень-Доминга. Известно, что Франция потеряла сей богатой и цветущей колонии обязана невѣжеству и безразсудству своих революціонных изувѣровъ. Буйная голды, провозгласивъ во Франціи несбыточное равенство и мнимую свободу, или необузданное своеволие, распространили свои дерзости и на колоніи, не зная ни обычаевъ, ни законовъ, цѣль господствующихъ. Слѣдствіемъ сего было ужаснѣйшее на Сень-Домингъ возмущеніе, избіеніе почти всехъ бѣлыхъ помѣщиковъ, бѣгство больныхъ, кровопролитные мятежи и жестокия войны. Тщешно самъ Наполеонъ посылалъ шуда войско, для усмиренія непокорныхъ. Избѣжавшіе ножа негровъ сдѣлались добычею смертоноснаго климаша. По удаленіи Французскихъ войскъ, начальники негровъ и мулатшовъ спорили между собою о верховной власти; островъ раздѣлился на двѣ главныя части, и наконецъ, послѣ разныхъ, опчасши кровопролитныхъ переворошовъ, храбрый мулатшъ Бойе (Boyer) успѣлъ водворить шамъ тишину, порядокъ и благоустройство. Онъ пожелалъ упрочить сію временную тишину утвержденіемъ Правленія своего со стороны законной, и для досниженія сей цѣли, обязался вознаграждать помѣщиковъ, лишившихъ

ся своего имущества на семь островъ во время революціи. Французское Правитель-ство на сіе согласилось, и нѣмъ прекрашало догворременное сомнѣніе, въ коемъ пребыва-ли и швѣ и другіе. Сопни кораблей купече-скихъ успѣшно двинулись изъ гаваней Фран-ціи въ Сентъ-Доминго. — Равномѣрно желаетъ Франція открытъ своимъ подданнымъ тор-говлю съ Южною Америкою, и по послед-нимъ извѣстіямъ, отправила торговыхъ аген-товъ въ швѣ страны, не касаясь вопроса о политическомъ существованіи оныхъ.

(Окончаніе впереди.)

VI.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Вѣдомости и Журналы.

1826.

Въ Москвѣ.

31. *Московскія Вѣдомости.*

Принимаешь смѣлость замѣнишь (не въ первый разъ), что Г. Редакторъ сихъ Вѣдо-мостей слишкомъ усердно пользуется чу-жими трудами: цѣлые нумера, оныхъ напол-няющія копіями внутреннихъ и загранич-

ныхъ извѣстій изъ другихъ Русскихъ изданій, болѣею частію изъ Сѣверной Пчелы. Мы не имѣемъ намѣренія воспрещать ему это, если такое перепечатываніе можетъ нравиться его читателямъ; просимъ только подъ каждою страницей, которую онъ у насъ заимствуетъ, спавить двѣ буквы: С. П. Если статьи наши дурны, то не хорошо перепечатывать ихъ; если же хороши и стоятъ повсюду, то дурно не указывать на источникъ. Sic pos non nobis?.... *Изд.*

32. *Вѣстникъ Европы*, составленный М. Г. Каченовскимъ.

33. *Историческій, Статистическій и Географическій Журналъ или Современная Исторія Свѣта*, изд. М. Г. Гавриловымъ.

И въ этомъ изданіи часто появляются чужія статьи, иногда раздробленные на частички, иногда передѣланные; но Г. Издатель указываетъ на источники — и довольно.

34. *Дамскій Журналъ*, изд. К. П. И. Шаликовымъ.

Вошь въ этомъ Журналѣ чужаго нѣтъ: все свое, Издательское — и прекрасно!

35. *Новый Магазинъ Естественной Исторіи, Физики, Химіи и сельскій экономическихъ*, изд. И. А. Двигубскимъ.

36. *Записки для охотниковъ до лошадей*,

изд. Г. Генераль-Лейпенаштомъ П. И. Цорномъ.

37. *Московский Телеграфъ*, изд. Н. А. Полевымъ.

В ъ К а з а н и .

38. *Казанскій Вѣстникъ*, издаваемый при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

В ъ Х а р ь к о в ѣ .

39. *Украинскій Журналъ*, издаваемый при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ А. С. Склабовскимъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

Ф и з и к а .

1. *О соломенныхъ и разныхъ другихъ отводахъ молнии и грома.* Съ двумя чертежами. С. П. бургъ, въ шип. А. Смирдина. 1826. X и 52 стр. въ 8.

(Съверн. Пч. 1826. No 12.)

Б о т а н и к а .

2. *Ботаника для юношества, содержащая начальныя основанія Ботаники и изображенія 102 растений.* Съ тридцатью таблицами. С. П. б. въ шип. Ив. Глазунова и его изданиемъ. 1826. XXII и 276 стр. въ 18.

(Съверн. Пч. 1826, No 1)

3. *Цветоводство, подробное или Флора Русская*, для охотниковъ до цвѣшоводства, или описаніе доннынъ извѣстныхъ цвѣшовъ всякаго рода, съ подробнымъ наставленіемъ для разведенія и содержанія оныхъ, какъ выдерживающихъ нашу зиму на открытомъ воздухѣ, долголѣтнихъ и однолѣтнихъ домашнихъ, такъ и иностранныхъ, съ приложеніемъ описанія цвѣточныхъ расшеній, изъ любимыхъ и по ихъ красотѣ содержаемыхъ въ оранжереяхъ и шепанцахъ, также кустарниковъ и деревьевъ, для украшенія Англійскихъ садовъ саужащихъ. Въ двухъ частяхъ. Собрана и издана *Василіемъ Левшинымъ*. М. въ Унив. тип. 1826. Частъ 1, 266 и X стр., ч. 2, 264 и XII стр., въ 8.

М е д и ц и н а :

4. *Другъ здоровья* или карманная книжка, содержащая краткія и ясныя наставленія: какимъ образомъ ходить за больными, пригошавать пици и лекарства для нихъ; способы, какъ поступать во время родовъ съ родильницей и новорожденнымъ младенцемъ; также содержащъ описаніе и другихъ многихъ болѣзней и способы врачеванія оныхъ. Новѣйшее сочиненіе *Г. I. Морина*, Доктора Ме-

дицины, Общества Парижскаго, Медицинскаго соревнованія и многихъ другихъ Члена. Переводъ съ Французскаго, Студента Имп. Моск. Унив. *Ивана Войтова*. М. въ тип. А. Семена, при Имп. Мед. Хир. Акад. 1826. (IV) 310 и XII стр. въ бол. 12.

Съ чершежемъ, представляющимъ кривогорль, изобрѣшенный Г. Мухинымъ вѣстью прежняго прямаго воздухопровода.

5. *De Balneis in genere et de Balneis Rossicis in specie*, dissertatio inauguralis medico-politica, quam e decreto atque auctoritate amplissimi medicorum ordinis in Universitate Caesarea Mosquensi, pro gradu Doctoris Medicinae summisque in Medicina honoribus, immunitatibus ac privilegiis legitime consequendis, elaboravit et publico eruditorum examini submittit *Joachimus Woina-Kurinsky*, Chirurgus 1-mi ordinis. Mosquae. Typis Universitatis Caesariae Mosquensis. 1826. IV и 30 стр. въ 8.

*Естественная Исторія,
Энтомологія.*

6. *Essais entomologiques. No V. Quelques réflexions sur l'étude de l'Histoire Naturelle. Insectes de 1825.* Par *Arvid-David Hummel* (de Gothenbourg), C. S. W. Membre

des S. S. Imp. de Naturalistes de Moscou, Royale des Sciences et Belles-Lettres de Gothenbourg, Courlandaise des Lettres et Arts; Corresp. des S. S. de la Littér. Scandinave à Copenhague, d'Histoire Naturelle de Paris et des Naturalistes de Halle. St. Pétersbourg, de l'Imprimerie de la Chancellerie privée du Ministère de l'Intérieur. 1826. (IV) и 51 стр., въ 8.

О первыхъ четырехъ книжкахъ сего изданія Г. Гуммеля см. Библиогр. Листы, стр. 234.

Я з ы к о з н а н і е.

7. *Новая Нѣмецкая Азбука*, заключающая въ себѣ, кромѣ обыкновенныхъ началъ, наставленіе для учащихся въ правильномъ произношеніи буквъ, Краскій Словарь, полезныя правоученія, повѣсши для упражненія дѣшей въ чтеніи, употребительные разговоры и проч. Продается въ книжныхъ лавкахъ Свѣшниковъ. Цѣна 1 руб. *Изданіе четвертое.* М. въ тип. С. Селивановскаго. 1826, 71 стр., въ 8.

8. *Nouveaux dialogues Français et Russes*, divisés en 130 leçons, à l'usage de la jeunesse et de tous ceux qui commencent à apprendre ces langues. *Новые разговоры Французскіе и Русскіе*, раздѣленные на 130 уроковъ, для употребленія юношества

и всѣхъ начинающихъ обучаться симъ языкамъ, по образцу *Вегелиновыхъ*, вновь исправиле сочиненные *Васильемъ Кражевымъ*. Изданіе прешіе. М. въ шип. С. Седивановскаго, 1826, 262 с., въ 6, (ш. е. въ 12).

С т и х о т в о р е н і я.

9. *Досуги сельскаго жителя.* Стихошворенія Русскаго Крестьянина *Федора Сльпушкина* съ эпигр. :

Я искусства не имѣю,
Предъ судьями вкуса нѣмъ.
Хваляшь — веселюсь душою,
Хуляшь — не печалюсь шѣмъ.

Печ въ шип. А. Смирдина 1826, VII и 110 стр., съ липограф. поршрешомъ Авшора.

(Съв. Пч. 1826, No 14)

10. *Изліяніе чувствъ вѣрнопогодданнаго.* Стихи на кончину Государя Императора Александра I. въ шип. И. Москов. Театра. 1826, у содержателя А. Похорскаго, 6. с. въ 8, въ концѣ имя *Ф. Кошкинъ*.

(Нап. и въ 1-й книжкѣ С. О. 1826.)

11. *Чувствованія Демьянина.* съ эпиграф.:

О Русскій Царь!
Цвѣши Твоя Держава!
Не измѣнимъ: мы отъ опцовъ,
Пріяли вѣрность съ кровью!

О Царь, здѣсь сонмъ Твоихъ сыновъ,
Къ Тебѣ горимъ любовью!

Жуковскій.

Посвящается жителямъ Архангельска на
1826 годъ. Печ. въ шип. Депар. Нар. Просв.
1826, 15 с. въ 8. Подписано: *Валеріанъ Ни-*
коновъ, Двинянинъ.

12. *Hommage à la mémoire de Sa Majesté
L'Empereur Alexandre I-er*, (въ концѣ
стиховъ подписано Maurice Allart, Moscou
le 12 Décembre 1825). Moscou de l'impri-
merie d'Auguste Semen, imprimeur de l'Acad-
emie Impériale Med. - Chirurgicale. 1826,
4 стр., въ 4.

13. *Chant funèbre*, par M. Mulhauser de Ge-
nève. St. Petersb. de l'imprimerie du Depar-
tement de l'Instruction publique. 4 с., въ 4.

14. *Neujahr's = Wunsch auf das Jahr 1826. Moskwa,*
gedr. bei S. Selivanowfky. (1 страница въ д. 8.)

А л ь м а н а х и.

15. *Невскій Альманахъ на 1826 годъ*, из-
данный *Г. Аладынымъ*. Печ. въ шип.
Депар. Н. Пр. XXII. 330 с. въ 16.

(Съвер. Пч. 1826, No 2:

Моск. Тел. 1826, No 1.)

16. *Драматическій Альбомъ для любите-*
лей Театра и Музыки на 1826, годъ из-
данный *А. Писаревымъ* и *А. Верстов-*
скимъ. Книжка I. М. въ шип. II. Мос.

Театра. У содержателя А. Похорского. VI, и 376, въ б. 16. — Кн. 2 изд. А. Верстовскимъ и Писаревымъ. М. грав. и печ. у К. Венцеля, 26 въ 8.

Съ поршрешомъ Акшеровъ Гг. С. Мочалова, М. С. Щепкина и А. М. Сабурова, и Акшрись Львовой-Синецкой, Гюлленъ Соръ и А. Т. Сабуровой.

17. Календарь Музъ на 1826 годъ, изданный А. Измайловымъ и П. Яковлевымъ. Печ. въ шип. А. Смирдина 1826 г. (IV) XI. и 100 с. прозы, а 160 стр. стиховъ. (Съв. Пч. 1826, No 6.)

18. Альманахъ на 1826 (годъ?) для прѣзжающихъ въ Москву и для самихъ жителей сей столицы, или новѣйшій Указатель Москвы, въ кошоромъ съ почностію означены всѣ предметы, служащіе къ пошребностямъ городской жизни; съ присовокупленіемъ исторической картины Москвы и описанія всѣхъ прѣсущественныхъ мѣстъ, военныхъ, гражданскихъ, учебныхъ и прочихъ заведеній и ш. д. Издвненіемъ Александра Кузнецова, въ шип. А. Семена, при И. Мед. Хир. Акад. 1825, 138 и VII стр., въ б. 12. (Мос. Тел. 1826, No 1. стр. 107.)

19. Уранл. Карманная книжка на 1826 годъ для любительницъ и любителей Русской Словесности. Изданная М. Погодинымъ. М. въ шип. Селивановскаго, IV. 302 въ 8. (Съв. Пч. 1826, No 7.)

Исторія.

20. Опытъ Библиотеки для военныхъ людей, изданный Васильемъ Соцомъ, Членомъ С. П. бургскаго Общества Люби-

пелей Словесности Наукъ и Художествъ.
Печ. въ Военной шип. Главнаго Штаба
Е. И. В. 1826. XVIII и 315 стр., въ 8.

(Съв. Пч. 1826, No 13.)

20. *Искусство не платитъ долговъ*, или до-
полненіе къ искусству занимашь, сочи-
ненное человекомъ порядочнымъ. Пере-
водъ съ Французскаго. М. въ шип. Авг.
Семена при Имп. Мед. Хирг. Акад. 1826,
XIII и 133, въ 12.

(Съв. Пч. 1826 No 10.

Моск. Тел. 1826, No 1.)

21. *Повѣсти, посвященныя дѣтямъ Фран-
цїи*. Сочиненіе Г. Бульи, Члена многихъ
разныхъ ученыхъ и литературныхъ Об-
ществъ. Съ картинами. Переводъ съ
Французскаго А. Пеше. М. въ шип. А.
Семена при Имп. Медико-Хир. Акад.
1826, 387 и II, въ 16.

Посвящены Марьѣ Николаевнѣ Новоли-
нской, сестрѣ Переводчика.

С т и х о т в о р е н і я .

22. *Стихотворенія Александра Пушкина*.
Печ. въ шип. Деп. Нар. Пр. 1826, XI и
192, въ 8.

(Съв. Пч. 1826, No 3.

Моск. Тел. 1826, No 1. стр. 102.)

ОПЕЧАТКИ въ No 1 С. О. 1826 года.

Стр.	4 стрк.	13	Нап.	Но	Чит.	На	
—	9	—	9	—	или	—	и
—	18	—	24	—	И ты, и ты, старичекъ,	—	И ты, стари- чекъ,
—	23	—	11	—	ковъ богато	—	очень богато
—	—	—	20	—	выгоняюшь!	—	вѣняюшь!
—	24	—	19	—	попробованъ,	—	попробованъ,
—	41	—	5	—	заслышалъ	—	услышалъ
—	—	—	6	—	пѣсья,	—	опашь

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

1826. № III.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

Возвращеніе Г-жи Жанлисъ во Францію; обычаи новаго общества.

Обычаи совсѣмъ перемѣнились, какъ и языкъ. Въ обществѣхъ переспали ужиная. Спектакли оканчивались не ранѣе одиннадцати часовъ, и уже это одно дѣлало большую перемѣну. Послѣ обѣда обыкновенно собирающся вѣхашъ съ визитами или въ спектакль; посматривающъ на часы; всякій кажется разсѣяннымъ, озабоченнымъ. Время лишушь для пріятнаго разговора! — Прежде бывало день оканчивался ужиномъ; всѣ заботы въ спорону, дѣлалъ нѣчего, не боишься, что помѣшающъ новыя посѣщенія, какъ то бываетъ послѣ обѣда; всякій только о томъ и думаешь, чтобъ занять общество и себя; уже не считающъ минушь, время забыто, и въ бѣгломъ разговорѣ предающся всей свободѣ ума, слѣдовательно говоряшь пріятно.

Бывало Парижскіе ужины славилась веселостію; всѣ забавлялись и разговаривали безъ остановки, даже за столомъ, потому что и шупъ каждый садился по выбору, подлѣ шѣхъ особъ, съ которыми самому казалось лучше . . . . У Принцевъ крови, самъ Принцъ, приглашалъ съсѣсть подлѣ себя двухъ особъ, обыкновенно женщинъ; Принцесса поже и шакже двухъ дамъ, если шолько не бывало шупъ какого иибудь ииоспраннаго Принца изъ царствующаго Дома; въ шогдашнее время считалось неприличнымъ для Принцессы или вообще для дамы приглашать мужчину сидѣть рядомъ съ нею часа полшора; шолько особы самаго высокаго званія пользовались шшимъ и вообще шѣмъ преимуществомъ, что женщины сами начинали занимать ихъ: никто другой изъ мужчинъ не имѣлъ на то права. Учишность была въ совершенствѣ, и слѣдовательно самая пріятная; никогда не имѣла она вида холодной церемоніальности; шпарались какъ можно избѣгать всего, похожаго на эшикетъ, чтобы не подать повода и къ одной мысли о различіи званій. Хозяева дѣлали нѣкоторое предпочтеніе шѣмъ, кто былъ достоинъ шого своимъ умомъ, извѣшностію, паланшами, или мѣшпомъ и чиномъ, но умѣли дѣлать это, ни мало не оскорбляя другихъ. Довольно было, если съ

впими особами занимались нѣсколько болѣе, но не шакъ, чшобъ выславляли ихъ порже-спвенно предъ всѣми, къ уничиженію другихъ. Вельможа, пригласившій къ себѣ на большой ужинъ жену опкупщика и жену Герцога или Пера, обходился съ ними одинаково, съ равнымъ почтеніемъ. Опкупщица, посаженная въ кругу, не уступала своего мѣста Герцогинѣ, да если бъ и захошѣла уступить, то Герцогиня никакъ не приняла бы его, боясь прослышь дерзкою. Когда шли къ сполу, хозяинъ не бросался къ *почетнѣйшей дамѣ*, чшобъ взяшь ее подъ руку, и изъ глубины комнашы, повесили въ шріумѣвъ передъ другими женщинами, а пошомъ съ важностію посадишь подлѣ себя. Другіе мужчины не кидались *подавать руку дамамъ*, какъ дѣлаешся часшо и шеперь. Эшошъ обычай сущесшвовалъ шогда шолько въ провинціяхъ. Изъ гостинной выходили прежде всѣ женщины; споящія ближе къ двери—напередъ; дѣлывались между ними маленькіе комплименты, но какъ можно короче, шакъ, что эшо ни мало не оспанавливало общаго хода. Все эшо происходило безъ смущенія, скромно, безъ шоропливости и медленности. За дамами выходили мужчины. Въ споловой саднялись по произволу; хозяинъ и хозяйка легко находили средство, не обращая внима-

нія другихъ, посадишь возлѣ себя чепырехъ почетнѣйшихъ женщинъ. Обыкновенно условивались о помѣ, какъ они, такъ и всѣ другіе, еще въ гостинной. Вошь общественныя обычаи, испинно отличнѣйшіе, попому, что шущь умѣли давать предпочтеніе, кому желали, не оскорбляя другихъ. Нынѣ у насъ все перемѣнилось. Не только при моемъ возвращеніи во Францію, но и теперѣ еще, хозяинъ выбираешь самую почетнѣйшую даму и сажаешь ее подлѣ себя; этого не довольно: онъ зовешь другаго мужчину, самага чиновнаго, и сажаешь его къ ней по другую сторону. И такъ, если дама, удостоенная шакихъ почестей, любишь болѣе шупишь, нежели важничать, и если, по несчастію, (что легко случиться можешь) хозяинъ, и самъ Генераль или Маршалъ Франціи, ея сосѣди, не слишкомъ занимаешь—шогда, жалкая, осуждена на величайшую скуку . . . . . И другимъ женщинамъ не легче, попому что властолюбивый деспотъ, кошорый собралъ ихъ въ своемъ домѣ, назначаетъ каждой въ слухъ ея кавалера. Надобно бышь слишкомъ веселаго нрава, чшобъ не испомишьсь отъ скуки на шакихъ пирахъ.

Бывало женщинамъ послѣ обѣда или ужина, подавали полоскашь ротъ уже шогда, какъ онѣ всшавали изъ за-шода; мужчины,

и даже Принцы крови, изъ уваженія къ нимъ, не смѣли оспаваться въ споловой и дѣлашь то же; они уходили въ другую комнашу. Нынѣ во многихъ домахъ эшо дѣлается за споломъ. Лишь шолько опобѣдають, какъ мужчины, сидящіе подлѣ дамъ, начинають при нихъ мышь руки и полоскашь рощъ. Зрѣлище очень спранное для Французовъ, ихъ дѣдовъ! Извѣстно, что эшопъ обычай произошелъ не во Франціи: онъ вывезенъ изъ Англій; но шамъ онъ проспешельнѣе, пошому, что при десертѣ женщины вспають изъ-за-спола и уходятъ, спаваля мужчинъ однихъ.

Въ хорошемъ обществѣ, въ прежнее время, мужчины обходились со всѣми женщинами едва ли не совершенно съ шакою же почпшительностцію, какъ и съ Принцесами крови; они называли ихъ всегда въ прешьемъ лицѣ; никогда при нихъ не говорили другъ другу *ты*, и какъ бы ни были дружны съ ихъ мужьями, брашьями и проч., никогда въ ихъ присушствіи не называли бы сихъ послѣднихъ просто однимъ именемъ. Хорошо воспитанные люди не смѣли прославлять въ лице женщинамъ ихъ красощу; они предполагали въ нихъ скромность, приличную ихъ полу, а эшо самая леспная похвада. Когда начинали говорить съ ними, смягчали всегда

голосъ, дѣлая и въ шомъ предпочтеніе предъ мужчинами. Эпа черпа уваженія имѣла прелестнѣ неописанную (*). Ничего подобнаго не нашла я при своемъ возвращеніи; всякій мужчина могъ сказать:

De soins plus importants mon âme est agitée.

Женщины, съ своей стороны, видя менѣе къ себѣ уваженія, пошеряли смиренность, кошорая должна бытъ отличительною чершою въ ихъ характерѣ; напрымѣръ, въ гостяхъ, они звали молодыхъ людей шолько именемъ; а привычка слышать безпрестанно *ты* между мужчинами, заспавила и ихъ говорить *ты* другъ другу, что въ старыя годы было неслыханно (**).

(*) Прибавимъ, что передъ революціей, въ Парижѣ, мужчины не смѣли являшся къ дамамъ въ сапогахъ. Правда, что шогда дамы и принимали ихъ шолько къ обѣду или вечеромъ, кромѣ шого, когда бывали за городомъ.

(Примѣч. Сомнительницы.)

(**) Эшо замѣчаніе напоминаетъ мнѣ забавный анекдотъ о женѣ Сень-Домингскаго Губернашора Бюсси. Она не любила своего мужа. Однажды, оспавшись съ нею одинъ, просиль онъ, чтошбъ она, по крайней мѣрѣ наединѣ, говорила ему всегда *ты*. Послѣ многихъ спрашныхъ увѣщаній, она наконецъ согласилась и сказала ему: „Ну, поди же вонъ!“ (Тоже).

Смѣшно для меня было замѣтить, что пришворно восснавали прошивъ сшараго времени; многіе изъ шѣхъ, кошорыхъ случай вывелъ въ люди, серіозно учились принимашъ на себя манеры вельможей прежняго Двора. Особливо передразнивали они г.г. Талейрана, Валанса, Нарбоння и Водрёли. Правда, что образцы выбраны были ими очень хорошо.

Очень не понравилось мнѣ въ особенно-сти то, что вывелись изъ упошребленія, при креслахъ, покрывала для ногъ (*des souve-pieds*). Я видала самыхъ почешнѣйшихъ и блисшашельныхъ дамъ эпого времени, когда принимали онѣ гостей: разлегшись на канаве, разряженныя въ пухъ, при малѣйшемъ движеніи, онѣ откывали не только сшупню, но и часшъ ноги. Недосташокъ благоприсшойности всегда отшимаешь прелесшъ, особливо у женщинъ.

Въ нѣсколько выздоровъ къ знакомымъ, замѣшила я дурной вкусъ и неопышность шѣхъ, кошорые вновь меблировали оставленныя и опусшощенные дома. Множесшво справносшей бросилось мнѣ въ глаза. Сшѣны обивали не гладко, а разными складками: думали, безъ сомнѣнія, что это гораздо богаче и великолѣпнѣе. Боясь, чтообъ ушшнюю и тонкую работу не причли къ скряжничанью, всѣмъ мебелимъ давали самую огром-

ную мѣру и полновѣсность. Зная, что въ садахъ спали изгоняшь симметрию, заключили, что не должно ей бышь и въ комнашахъ; почему занавѣсы дѣлали, какъ ни попало. Эшопъ умышленный беспорядокъ давалъ самый смѣшной видъ гостиннымъ: казалось, что комнашу еще не успѣли убрашь. Наконецъ, желая показашь, что новымъ идеямъ не чужды Амуръ и Граціи, украшали кровати разными априбушами любви, и ночные сподлики превращали въ жершвенники. Нерѣдко мяшежники, омывшіеся кровью людей, ложились въ пышныя кровати, кошорыхъ украшенія предсавляли Венеру и Грацій, и надъ ихъ головою висѣлъ не мечъ Дамокла (*), а легкая спрѣда или вѣнки изъ розъ (**)!

(*) Дамокль, льщець пирана Діонисія, при всякомъ случаѣ величалъ его богатштва, великолѣпіе, и особливо счасіе. Тиранъ засщавиль его перемѣнишь мысли: однажды, велѣвъ ему облечься въ царское одѣяніе и давъ ему свою прислугу, посадиль онъ его за великолѣпный споль съ яспвами, а надъ его головою велѣлъ повѣсиль на лошадиномъ волосѣ обнаженный мечъ. Дамокль, послѣ шакого угощенія, попросиль позволенія жишь въ безмяшежной посредшвенности. (*Напоминаніе Переводжика.*)

(**) Эшо относилься шолько къ 1800 году, Но послѣ, благодаря прекраснымъ рисункамъ и шаланшамъ Гг. Фоншени и Персье, наши мебели досщигли величайшей издщности. (*Пр. Фран. Изд.*)

И экипажи не избѣжали духа нововведеній. Передъ революціей не было наемныхъ кабриолетовъ *), и хорошо, что не было, потому что оипъ нихъ произошло множество несчастныхъ случаевъ. *Портшезы* и *бруэты* **) вывелись, къ сожалѣнію пѣхъ, кто не въ состояніи плашить за фіакры. Пренная форма экипажей была гораздо лучше, нежели ша шарообразная, по кошорой дѣлали ихъ послѣ, не соображаясь съ хорошимъ вкусомъ. Берлины, коляски и vis-à-vis епарыхъ лѣпъ ошличались всегда прекраснѣйшимъ рисункомъ.

Якобинизмъ, чуждаясь благоприсшюности, изгналъ изъ употребленія всякаго рода привѣшствія. При моемъ возвращеніи спади оиашъ вводилъ ихъ; и, вѣрояшно, чтобы загладивашъ прежнюю невѣжливостъ, ихъ чрезвычайно преувеличивали и распространяли. Напримѣръ, входя въ гостиную или выходя изъ нее, всякій считалъ себя обязанностію явиться съ поклономъ къ хозяйкѣ, чтобы поздороваться или проснитъся съ нею. Прежде, вмѣсто этихъ шумныхъ

---

*) Въ Неаполь были они за долго до революціи. (*Прим. Фр. Изд.*)

**) Портшезы въ Россіи довольно извѣсны; а бруэты—шелѣжки объ одномъ колесѣ. (*Пр. Пер.*)

и торжественныхъ входовъ, являлись очень скромно и даже непримѣтно; не дѣлали наглаго присупа къ хозяйкѣ дома, и часто довольствовались однимъ почтительнымъ поклономъ издали. Уходя не вызывали хозяевъ на торжественные проводы, а дожидались минушы, когда кто нибудь войдетъ, и шупъ подъ шумокъ новой вешрѣчи, исчезали непримѣтно, въ избѣжаніе скучныхъ прощальныхъ церемоній. Эти обычаи были очень хороши, и не худо было бы принять ихъ снова *).

Проживъ нѣсколько времени въ Парижѣ, я спала разъѣзжая по деревнямъ и по дачамъ — часто изъ одного только любопытства, какъ путешественница. Признаюсь, мнѣ казалось, что прежняя деревенская наша жизнь была гораздо проще и благоразумнѣе. Я не находила уже тѣхъ часовень, которыя нѣкогда служили споль добрымъ примѣромъ для поселянъ. Приходскія церкви посѣщали споль женщины; мужчины не ступали шуда ногой — ни господа, ни крестьяне. Мнѣ очень не нравились пиршества,

---

*) Они и приняшы, по увѣренію самой Г-жи Жанлисъ, которая эту часть Записокъ своихъ писала въ 1800 году. (Перев.)

кошорья давали послѣднимъ: для нихъ открывались господскіе сады, съ позволеніемъ вводишь шуда кабачниковъ и шракширшиковъ, у кошорыхъ покупали они вино и яшва, а прежде съ шакою щедростію давалось имъ все это отъ самихъ господъ, причемъ благоразумная раздача предупреждала ньяншво, ссоры, непозволишельно - нагле послупки, какіе происходили отъ новаго порядка вещей. Чрезвычайно смѣшнымъ показалось мнѣ еще жеманшво дамъ, кошорья, во время шакихъ праздниковъ, не хотѣли шанцовашъ съ поселянами. Я помню, что мы, бывало, на вшихъ сельскихъ балахъ не хотѣли шанцовашъ иначе, какъ съ ними, и запрещали своимъ кавалерамъ звашъ насъ къ шанцамъ, заспавляя ихъ также выбирать себѣ поселянокъ. Все это конечно не безъ исключеній: случалось мнѣ видашъ, что въ деревняхъ и на дачахъ, снисходительность и любезность сохранилась и нынѣ во всемъ цроспраншвѣ.

Прошелъ годъ, а во мнѣ все не было охоты побывашъ на площади Людовика XV, называвшейся тогда революціонною, и въ Палероялѣ. . . . Я жила въ Аншенскомъ предмѣстїи, въ прекрасной, хорошо мебелированной комнатѣ, кошорую наняла на полгода. Во время пребыванія моего въ чужихъ

не заключала письменнаго условія. Все изданіе разошло въ двѣ недѣли, а Ганрикъ не далъ мнѣ ни одного обола. Мараданъ предложилъ мнѣ шрудиться для *Библиотеки Романовъ*, кошорой не расходилось ни сорока экземпляровъ. Я была въ шакомъ безденежь, что согласилась шрудиться для этого Журнала за 1200 франковъ въ годъ. Моя первая, помѣщенная въ немъ Повѣсть, *Le Malencontreux* (*), имѣла шакой успѣхъ, что число подписчиковъ умножилось вшаперо. Я знала, что Герцогиня Орлеанская просила тогда настоятельно о позволеніи возврашиться во Францію, и повѣсть моя сочинена была въ шомъ намѣреніи, чтобъ склонить публику въ пользу Герцогини и споспѣшествовать ея видамъ. Ей ошказали въ просьбѣ; но шѣмъ не мене мое намѣреніе было чисто и ошважно, пошому, что могло не понравиться тогдашнему Правительству. И послѣ я дѣлала самыя шрогашельныя похвалы ея добродѣтелей въ *Les Souvenirs de Félicie*; всегда пользовалась случаемъ хвалить ея и ошдавать полную справедливостъ ея благородному характеру. *Воспоминанія Фелиции* оживили меня въ памяти многихъ прежнихъ знако-

(*) *Все на блѣду*. Эта Повѣсть напечатана въ 1803 году Вѣстникъ Европы, въ прекрасномъ переводѣ Н. М. Карамзина. *Пер.*

мыхъ. Старый другъ мой, Г. Кабръ, прислалъ мнѣ слѣдующіе прекрасные стихи :

Seule, vous centuplez le temps,
Par tant de talens, de magie,
Qu'il vous doit bien quelque cent ans:
Lui seul le peut, *qu'il vous oublie.*
Non, vous ne vieillirez jamais,
Vous, dont l'art donne à tout la vie,
Puisque moi même je renais
Des souvenirs de Félicie.

Въ послѣдствіи напечатаны были еще двѣ мои Повѣсти, и Mademoiselle de Clermont, кошорыя имѣли такой чрезвычайный успѣхъ, что Мараданъ, по собственному благородному побужденію, далъ мнѣ чешыре тысячъ вмѣсто условленныхъ 1200 франковъ. По прошествіи чешырехъ мѣсяцевъ, купила я мебель и перешла въ улицу d'Enfer. Въ такихъ занятіяхъ и въ такой крайности, Казимиръ (*) былъ величайшимъ для меня утѣшеніемъ; я забавлялась, уча его играть на арфѣ, а послѣ онъ уже спалъ удивляясь всѣхъ искусною игрою на эшомъ инструментахъ.

Мои успѣхи засшавили Г-жу Моншесонъ бышь нѣсколько благосклоннѣе ко мнѣ. До меня дошли слухи, что она хвалишь меня, и я опять къ ней повѣхала. Тупъ было уже все не то, какъ въ первый разъ она приняла меня съ преувеличеннымъ воспор-

(*) Воспитанникъ Г-жи Жанлисъ. (Пр. Перев.)

гомъ, и такое расположеніе ко мнѣ продолжалось въ ней до самой смерти. Но никогда не сдѣлала она мнѣ ни одной услуги, чего впрочемъ я оцѣнить не могла и не требовала. Въ духовной своей она ошлучила меня оцѣнить не могла.

Въ первые дни послѣ того, какъ я переехала въ улицу d'Enfer, получила я оцѣнить не могла Г. Лагарпа сдѣлующее, чрезвычайно благоклонное письмо, которае не мало меня удивило:

„Спранно покажетесь вамъ, что я отвѣчаю шеперь въ Парижъ, на письмо, писанное еще за чешыре года изъ Голспиним. Но мы уже давно живемъ среди спранносшей разнаго рода, и это одна изъ спранносшей революціонныхъ. Вошь, въ чемъ дѣло,

„Письмо, которымъ вы меня удостоили, дошло ко мнѣ во время переворошовъ Фрукшидора. Принужденный бѣжашъ и скрывать-ся, я считалъ необходимою предосторожно-стію, чтобы почеркъ моей руки ни подѣ какимъ видомъ не являся на почтѣ, особенно же на письмѣ въ чужіе края. Вамъ вѣрно извѣстно, что всѣ письма, безъ исключенія, были распечатываемы. Конечно въ моемъ не нашли бы ничего близкаго къ общеспвеннымъ дѣламъ, но вы знаете, что такое была Директорія, и къ чему она могла бытъ

способна, имѣя въ рукахъ мое письмо, какое бы ни было. Меня преслѣдовали съ изсѣпиа плеіемъ и я не хощѣлъ давати новаго и себя орудія.

„Впрочемъ, Милоспивая Государыня, чувства, диктовавшія вамъ это письмо и пронувшія меня до глубины сердца, должны были вамъ напередъ ручаться въ моихъ, потому, что, съ той и съ другой стороны, они были основаны на правилахъ, намъ общихъ. Сія правила, которыхъ какъ прежде признавалъ я предъ всѣми, такъ буду и впредъ признавать, не позволяли мнѣ личной неприязненности прошивъ кого бы то ни было, не только прошиву васъ, особы, которой обязанъ я признашельностию за всю благосклонность, оказанную мнѣ въ короткое время нашего знакомства. Къ счастью, оно было основано единственно на любви къ Литературѣ и на прелести вашихъ талантовъ, и не заключало въ себя ничего такого, что могло бы возбудишь въ комъ либо изъ насъ сожалѣніе или раскаяніе: вы сами умѣли ошклонить меня ошъ оболщениа, какое другаго рода прелести могли сдѣлать для меня опаснымъ. Мнѣ пріятно ошдашь вамъ въ помѣ справедливоспъ; вы найдете ее и въ ошношеніи къ вашимъ сочиненіямъ, въ своемъ мѣспѣ, въ книгѣ, которой теперь я занимаюсь.

„Если подозрѣнія или щекошливость самолюбія прекратили наше знакомство, которое всегда останется для меня лестнымъ, то вы теперь въ состояніи, лучше всякаго другаго, дашь настоящую цѣну этой либературной суешности. Въ шомъ увѣряешь меня письмо ваше, и, что до меня касается, я долженъ просить васъ довершить благосклонность свою прощеніемъ вины, какой могъ я подвергнуться въ отношеніи къ вамъ. Вы же, если знаете подобную за собою, безъ сомнѣнія, загладили ее поступкомъ, который приносите вамъ болѣе чести, нежели мнѣ, или, вѣрнѣе, и эшопъ поступокъ есть дѣло Того, Кшо сотворилъ все благое.

„Примите, М - ая Г. , мои увѣренія въ искреннемъ почтеніи и благодарности.

Лагарпъ.“

„P. S. Живучи въ уединеніи, я узналъ не болѣе двухъ дней назадъ о вашемъ прїездѣ.“

Черезъ нѣсколько дней, я получила отъ него еще письмо, въ которомъ одно мѣшпо такъ замѣчательно, что я сберегла его: „Святость (la saintété) перемѣняетъ характеръ совершенно и вдругъ; душа, внезапно озаренная всѣми лучами Религіи и вполне предающаяся Богу, быспро принимаетъ всѣ добродѣтели и по совершенству, которое не всегда бываетъ свидѣствіемъ продолжитель-

наго, но вилаго покаяннiя — хоши поддержкi
 ваемаго искреннею вѣрою, но не рѣшитель-
 ною, не пламенною.“ И такъ простое обра-
 щенiе къ правиламъ Вѣры очень медлитель-
 но разрушаетъ главный недостатокъ, а не-
 достатокъ Г-на Лагарпа состоялъ въ дура-
 чествѣ. Въ упомянутомъ письмѣ, послѣ нѣ-
 сколькихъ словъ о прежнихъ ссорахъ нашихъ,
 говоритъ онъ, что „впрочемъ во всякое
 время ошдавалъ справедливость моему харак-
 теру; и что даже очистишь меня отъ мно-
 гихъ клеветъ, утверждая громогласно, что
 любилъ меня; но что я всегда противи-
 лась его страсти!...“

Я ошвѣчала, какъ умѣла, на сшпанное
 его письмо. Онъ явился ко мнѣ. Поздравивъ
 его отъ души съ его обращенiемъ, напомни-
 ла я, какъ, прежде революцiи, о томъ ему
 предвѣчала. Онъ ошвѣчалъ, что разумъ его
 былъ всегда убѣжденъ доказательствами Ре-
 лигии, ея величiя и высокой нравствен-
 ности, но что его ошклоняла отъ *сей един-
 ственной жизненной цѣли только гордость
 и привлекательность житейскихъ насла-
 ждений*. Это собственныя его слова. Онъ
 сказалъ мнѣ, что у него одинъ день въ не-
 дѣлю назначенъ для друзей; что они соби-
 раются у него и проводятъ вечеръ един-
 ственно въ прiятныхъ разговорахъ. Усилъ

но просилъ онъ меня прїѣзжать къ нему въ
 вшопль день, и я обѣщала, не подумавъ. По-
 слѣ, освѣдомясь хорошенько, узнала я, что
 вши обществва, всегда чловѣкъ въ двадцать
 или двадцать пять, заключающъ въ себѣ
 въ одно время и *торжище разума* и *скопи-*
ще таинственно - политическое. Не любя
 тайныхъ обществъ, когда не основаны они
 на усердствованіи къ бѣднымъ, я рѣшилась
 не посѣщать Лагарпа. Онъ писалъ ко мнѣ
 еще двѣ записки, возобновляя приглашеніе.
 Въ первой сказала онъ: „*Вы навѣрное бу-*
дете принадлежать къ нашимъ.“ Это вы-
 раженіе къ *нашимъ* подтвердило мнѣ то, о
 чемъ я слышала. Принявъ твердое намѣре-
 ніе не быть у него, извинялась я своими
 занятіями, своею *дикую жизнью*, и совер-
 шенно его къ себѣ охладила. Онъ болѣе не
 приходилъ ко мнѣ, и на томъ окончилось
 наше примиреніе. Въ послѣдствіи обществва
 сіи Правительство сочло возмущительны-
 ми, и Лагарпа изгнали въ окрестности Па-
 рижа. Какъ извѣстно было, что въ его со-
 браніяхъ говорили только свободно о Пра-
 вительствѣ, не дѣлая никакихъ заговоровъ,
 то эта строгость къ Лагарпу казалась
 мнѣ несправедливою и неумѣстною: та-
 лаяшы и лѣша Лагарпа заслуживали бы не
 только снисходительность, но всѣ поче-

сти и опличія литературныя. Ему не дано было никакихъ во время Императорскаго правленія, между пѣмъ, какъ ихъ распочали другимъ Литературомъ, несравненно низшихъ достоинствъ. Его здоровье, уже нѣсколько разсброенное при изгнаніи, спсдо разрушашься совершенно; онъ чувствоваль приближеніе конца своего, и встрѣчалъ его съ цвѣрдостію Христіанина. Когда узналъ онъ, что ему не долго осшашься жишь, но пошребоваль и былъ удосшоенъ принятія всѣхъ обьчныхъ при кончинѣ Таинствъ. Въ то же время написалъ онъ къ Г. Фоншану (*), своему другу, что желаетъ его видѣшь. Фоншанъ явился къ нему пошчасъ, и нашель, что Лагарпъ сохраниль и память, и умъ, и чувства высочайшей набожности; за два часа до смерти, онъ велѣлъ чишашь ошходную, и молился самъ го-

---

(*) Литературная жизнь Фоншана споль же извѣспна, какъ и политическая. Онъ началъ переводомъ *Опыта о головкѣ Попе*. *День мертвыхъ*, подражаніе Грееву *кладбищу*, *Вертоградъ*, *Картезіанскій монастырь* и другія небольшія Поэмы опличали его ошъ полны холодныхъ и запѣйливыхъ Писателей времени, предшедшаго революціи, и рано сосшавили ему почешное имя, кошорое послѣдующими спихами не возрасло и

досомъ измѣдившимся, но твердымъ. Такъ скончался изгнанный въ деревню первый Лицерадоръ того времени, и одинъ изъ лучшихъ Криптиковъ послѣдняго вѣка. Вся подробность его смерти слышала я отъ Фоншана, кошорый рассказывалъ ихъ чрезъ нѣсколько дней послѣ того у Г-жи Монтезонъ, моей шешки.

Лагарпъ имѣлъ отличную способность къ Поэзіи; въ мелкихъ его стихотвореніяхъ много прелестнаго, въ театральныхъ пѣсахъ стихосложеніе вообще превосходно. Можно однако сдѣлать ему упрекъ въ нѣкоторой надушности, и во множествѣ галимачьи. Вольперъ умѣлъ предохранить себя отъ этого дурнаго вкуса, сдѣлавшагося почти всеобщимъ въ срединѣ вѣка Лудовика XV. Лагарпъ былъ бы превосходнымъ Моралистомъ, если бы ложная Философія не испортила, въ молодости и въ среднихъ лѣтахъ, правилъ его и мы-

---

не увидѣлось. Еще болѣе успѣвалъ онъ въ Похвальныхъ словахъ; никакъ не умѣлъ такъ хорошо подбирать похвалы и увеличивать ихъ приспойно. Смертію Маркиза де Фоншана, случившеюся въ 1821 году, много потеряла Лицерапура; обильнѣйшества, ускорившія кончину его, возбудили соспираданіе людей всѣхъ чинѣй. Родился онъ въ 1757 году. (Пр. Фр. Изд.)

слей. Онъ былъ бы первымъ изъ Кришниковъ, и навсегда, если бы самолюбие и либературное щеславие не имѣли большаго вліянія на образъ его сужденій. Его Курсъ Либературы — сочиненіе, вообще превосходное; но въ немъ недоспаешь безпристрастія. Чтобы поддержать свои первоначальныя мнѣнія, и особливо безмѣрную лесть, какую распочалъ онъ Вольшеру, скрываетъ онъ слишкомъ часто недоспашки театральныхъ произведеній сего Авшора, въ особености безшодковость его плановъ. Чрезмѣрно хвалишь онъ *Заиру*, предпочитая ее всѣмъ другимъ пьесамъ Вольшера, между тѣмъ какъ всякій знатокъ предпочтетъ ей конечно *Брута*, *Альзиру* и *Магомета*. Онъ не довольно хвалилъ Расина, несправедливъ къ Кребийону, а еще болѣе, и самымъ дѣлкимъ образомъ, къ Беллуа; наконецъ извиняешь множество недоспашковъ, единственно пошому, что они находяцца въ собщвенныхъ его твореніяхъ. Можно его упрекнуть еще въ томъ, что не довольно зналъ Гальскихъ Пощовъ: онъ совсѣмъ не изучалъ этой части Либературы нашей. Жаль также, что онъ имѣлъ слишкомъ поверхностныя познанія въ Либературахъ иностранныхъ, особенно въ Англійской, не смотря на то, что писалъ ошдѣльныя разсужденія о Шекспирѣ. Объ

нѣтъ отзывается онъ очень худо, потому что судилъ только по насмѣшкамъ Вольтера и по нѣкоторымъ переводамъ; самъ же не зналъ ни слова по-Англійски. Знанія новѣйшихъ иностраннхъ языковъ совершенно недоставало Литераторамъ послѣдняго вѣка. Не смотря на все сказанное, Курсъ Литературы Лагарпа есть сочиненіе долговѣчное и будетъ всегда полезно. Оно содержишь въ себѣ превосходныя опроверженія (погдашнихъ) правилъ Философій, и отъ начала до конца исполнено умныхъ мыслей. Самое то время, въ которое издалъ Лагарпъ свой Курсъ, могло бы обезсмертишь его память. Среди порожествующаго невѣрія, имѣлъ онъ бодрость предложить свои великіе, превосходные уроки. Много терпѣлъ онъ поруганія, былъ презираемъ, нажилъ себѣ враговъ; но все презрѣлъ, все перенесъ, чтобы поддержать дѣло Религіи, дѣло истины. Обращеніе къ Вѣрѣ дало характеру и разуму его силу, живость, жаръ, какихъ не имѣлъ онъ никогда; и за всѣмъ тѣмъ, спустя десять лѣтъ, осмѣливались говорить враги его, что онъ пришепывовалъ! Время его обращенія и послѣдующіе за тѣмъ годы до кончины его, описываются достаточно на такое гнусное обвиненіе.

Принимаюсь продолжать свой расказъ:

Лишь только перешла я въ улицу d'epfer, какъ Мараданъ пришелъ ко мнѣ и спалъ просить моего ходатайства въ пользу молодого человека, по имени Фъеве (*), Автора двухъ Романовъ, содержавшагося въ шюрмъ за политическія мнѣнія (**). Я съ жаромъ взялась хлопотать объ его освобожденіи, и, къ счастью, въ помъ успѣла. Въ то время, когда онъ былъ еще въ заключеніи, прислалъ онъ благодарить меня за мое ходатайство

(*) Фъеве, родившійся въ 1770 году, въ Суассонѣ, еще молодъ, пріѣхалъ въ Парижъ и присоединился въ 1791 году, къ Миллену и Кондорсепу, для изданія *Парижской Хроникки*. Въ 1792, издалъ, онъ Комедію *Les Rigueurs du cloître*, а спустя при года: *Разсужденіе о необходимости Религій*. Будучи принужденъ удалиться изъ Парижа, въ 1797, сочинилъ онъ въ изгнаніи два Романа: *Приданое Сюзеты* и *Фридрихъ*. Его *Письма объ Англіи* и *Разсужденіе о Философій XVIII вѣка* появились въ 1812. По перемѣнѣ Правительства, Фъеве издалъ очень много политическихъ разсужденій и повѣстей, также *Исторію Законодательныхъ собраній*; трудился при изданіи Меркурія, Журнала Преній, Библіотеки Романовъ и другія Журналовъ. (Прим. Франц. Изд.)

(**) Это наказаніе относилось теперь къ чести его, потому что причиною онаго была переписка съ Лудовикомъ XVIII. (Прим. Соин. цы.)

молодаго своего друга, человека очень умнаго и любезнаго; я съ большимъ удовольствіемъ говорила съ нимъ, и послала къ Фьеве письмо, на которое получила слѣдующій отвѣтъ:

„Вамъ угодно, Милосивая Государыня, чшобы я къ вамъ писалъ. Послѣ сочиненій, которыя доказываютъ вашъ разумъ, ваши познанія и ваши правила, послѣ того участія, какое оказываете вы мнѣ, не зная меня—участія, заставляющаго меня гордиться, и доказывающаго вашу любовь къ справедливости, все еще есть въ васъ добрыя качества, которыя надобно мнѣ угадывать! Въ самомъ дѣлѣ не обобщлось бы безъ того, если бъ Теодоръ не посѣщаль меня. Но теперь, когда я нѣсколько разъ его видѣлъ, думаете ли, что не знаю, какъ умѣете вы привлекать къ себѣ добродушіемъ, внимательностію, ласкою? Онъ шакъ много рассказываетъ объ васъ, и шакъ хорошо, что я навѣрное уже знаю васъ лучше, нежели многіе, бывающіе съ вами часшо.

„Я смѣюсь иногда при мысли о первомъ нашемъ свиданіи — смѣюсь, можешь быть единственно пошому, что мнѣ невозможно сослаться о шомъ никакого понятія.

„Не удивительно будетъ, если мы шолчасъ заговоримъ, какъ старые знакомцы, та

безъ самолюбія, потому что искренности, не щерпишь его, — безъ застенчивости, потому что кто внутренно признаешь въ себя нѣкошорыя достоинства, тошъ не разсердишься и за упрекъ въ нѣкошорыхъ недоспашкахъ. Какъ много даетъ это цѣны похваламъ! Намъ удалось забыть, что мы посвящали разумъ свой обществу, и тогда это будетъ послѣднее, чѣмъ займемся собственннко для себя. Я побраню васъ за дружбу вашу къ Теодору, потому, что онъ ошъ нее возгордился; найдушся и для васъ причины побранишь меня, и тогда ручаюсь, что Теодору будетъ большое наслажденіе видѣть своего насшавника въ шискахъ. По самому лучшему расчету я убѣжденъ, что вы двое всегда будете противъ меня одного.

„Не удивляйшесь, М - я Г - ня, что начавъ нравоученіемъ, я кончилъ болшаньемъ: почти всегда такъ водилсъ!“

Когда его выпустили, онъ пришелъ ко мнѣ, и послѣ того наше дружеское знакомство продолжалось до самой перемѣны Правленія. Тушъ Г. Фьеве, немнѣвній со мной ни ссоры, ни споровъ, и невидавшій ошъ меня ничего худаго, вдругъ переспалъ ходишь и пишетъ ко мнѣ. Я объ немъ жадъла, потому, что цитала къ нему испишное дружескиво и умѣла цѣнншь его разумъ и ша-

ланты. Могу жаловаться въ этомъ отношеніи на его несправедливость, но не имѣю права обвинять его въ неблагодарности. Хотя я и оказала ему большую услугу, но онъ отплатилъ мнѣ также весьма важною и такою, кошорая сопряжена была съ опасностію для него, какъ увидяшь въ продолженіи сихъ Записокъ.

Въ улицъ d'Enfer прожила я не болѣе десяти мѣсяцевъ. Жить въ Парижѣ показалося мнѣ слишкомъ дорого, и я переселилась въ Версаль, нанявъ себѣ шамъ домикъ въ Парижской улицъ (*). Семейство мое умножилось двумя особами: одна была моя крестница, дочь Г. Аліона, четырнадцати лѣтъ; другая — молодая Нѣмка, лѣтъ семнадцати,

---

(*). Всего прошло годъ и одинъ мѣсяць съ тѣхъ поръ, какъ возвратилась я во Францію, а кромѣ тѣхъ сочиненій, о кошорыхъ уже говорила, издала я *Лѣтописи добродѣтели*, почти вполнѣ составленныя въ Германіи; также мою новую *Методу обученія*. Сверхъ того напечатала я *Часословъ* (Heures) для дѣшей, сочиненіе, кошорого недоставало въ нашей Словесности, и кошорое выдержало множество изданій. Наконецъ сдѣлала я новое изданіе *Маленькаго Лабрюйера*; въ концѣ присовокупила шущъ много новыхъ мыслей; кошорыя, по моему мнѣнію, выше понятій ошрочества, и даже ранняго юношества. (Пр. Сох. цы).

прекрасная собою, очень острая — хорошо рисовала и сочиняла на своемъ языкѣ стихи, показывавшіе величайшій талантъ. Поэзія была у ней въ крови: бабка ея, называвшаяся Каршинъ, прославилась въ семь родѣ. Ея исторія довольно странна.

Въ Силезіи пасла она овецъ, и была одарена споль большимъ поэтическимъ талантомъ, что и въ хижинѣ своей и въ полѣ, сочиняла стихи. Между прочимъ написала она похвальную Оду Фридриху Великому, который былъ еще живъ. Одинъ путешественникъ привезъ это стихосвореніе въ Берлинъ, и тамъ оно принято было съ восторгомъ. Фридрихъ захотѣлъ узнать Авшора, и не вѣря, чтообъ могла сочинить это простая пастушка, велѣлъ привезти ее изъ Силезіи. Ее представили въ сельской одеждѣ: Король былъ восхищенъ ея разумомъ; она при немъ, безъ приговора, составляла небольшіе стихи, какіе онъ задавалъ ей. Получивъ отъ него пенсіонъ, она осталась въ Берлинѣ и вышла тамъ замужъ. Внука ея, Гельмина, имѣла совершенно такой же поэтической талантъ.

Въ Версали сдѣлалась я больна, и не смотря на то, безпрестанно работала: къ этому принуждало меня мое скудное положеніе; но какъ я никому этого не говорила,

що безпрестанно упрекали меня въ безразсудности. Такіе упреки подали мнѣ мысль къ слѣдующимъ стихамъ, которыхъ я не печатала и никому не показывала, а теперь нашла въ одной старой своей рукописи:

Et malade et souffrant, un malheureux auteur
Languissamment assis à son pupitre,
Et gémissant composait une épître
Sur la gaieté, sur le bonheur.
Dans ce moment arrive son docteur,
Qui mécontent de le voir à l'ouvrage,
L'exhorte à devenir plus sage
Si de ses maux il veut guérir.

„Hélas! répond l'auteur, en poussant, un soupir:
„Ce conseil est très-bon, que ne puis-je le suivre!
Je ne travaille pas, ami, pour mon plaisir;

Croyez moi, ce n'est pas la gloire qui m'enivre;
Qui mieux que moi saurait jouir
Des charmes d'un heureux loisir!..

Mais je suis obligé de me tuer pour vivre (*).“

(*) Вошь содержаніе сихъ стиховъ: „Бѣднякъ-писатель сдѣлался болѣнъ; не смотря на шо, слѣлъ онъ, спраждащій; и писалъ стихи о веселости, о счастіи. Приходитъ врачъ и, недозвольный шакою прилежностію, увѣщаеетъ его бытъ благоразумнѣе, когда желаетъ выздороувѣтъ. „Увы!“ ошвѣчаеетъ авторъ со вздохомъ: „Совѣтъ прекрасный, но не могу ему слѣдовать. Не для удовольствія, не для славы шружусь. Умѣлъ бы и я наслаждашься праздностію! Но, другъ мой, я долженъ убиваешь себя, чтооь живъ.“

Пребываніе въ Версали омрачилось для меня ужасною печалью, и сдѣлалось несноснымъ: о племянникѣ и воспитанникѣ моемъ Цезарѣ, который оказалъ споль много храбрости на войнѣ — котораго плащѣ было нѣсколько разъ прострѣлено пулями, а самъ онъ даже не раненъ, получила я извѣстіе, что онъ убитъ во время національнаго празднества, ракетною. Такъ несчастно погибъ сей молодой человекъ, на двадцать осьмомъ году жизни, превосходный по своимъ добродѣтелямъ, по характеру, дарованіямъ, разуму и отличнѣйшему поведенію. Рѣдко видала я сполько веселости и любезности при такомъ разумѣ. Я очень занемогла и была больна два мѣсяца. Рѣшась переехать въ Парижъ, попросила я у Правительствѣ себя кварширы. Мнѣ предложили кварширу Г-жи Арну, старинной оперной Актрисы, которая была при смерти и вѣрно не прожила бы двухъ мѣсяцевъ. Она помѣщалась въ домѣ, называемомъ по имени Анжевиьера, вмигранта и родственника Г-на Жанлиса. Хотя домъ и принадлежалъ Правительству, но я боялась, чтобъ по названію не сочли его принадлежащимъ частному лицу, и не обвинили меня въ томъ, что я воспользовалась конфискаціею. Такая предосторожность слишкомъ велика—это правда, но за всеъ шѣмъ

я за лучшее сочла отказаться. Тогда отвели мнѣ кварширу въ Арсеналь, очень хорошую и смежную съ библіотекой. Министръ Шапшаль приказалъ давать мнѣ книги, какія только захочу, что и было исполняемо.

(*Окончаніе впрѣдъ.*)

2.

ТОМЪ ВАЛЬКЕРЪ.

(*Сказка, соч. Вашингтона-Ирвинга.*)

Въ небольшомъ разстояніи отъ Бостона, въ провинціи Массачузетъ, извивается довольно широкая рѣчка на пространствѣ нѣсколькихъ миль, выходя изъ Карловскаго залива и оканчиваясь обширнымъ болотомъ, обросшимъ густымъ лѣсомъ. Съ одной стороны рѣчки по берегу мрачная роца, а съ другой возвышается крушой утѣсъ, на которомъ кой-гдѣ стоятъ старые огромные дубы. Подъ однимъ изъ сихъ деревъ-великановъ зарытъ былъ, какъ говоришь преданіе, большой денежный кладъ морскимъ разбойникомъ Кидомъ. И въ самомъ дѣлѣ весьма удобно было по рѣчкѣ подвезти въ баркѣ золото къ крушому берегу, тайкомъ среди но-

чи. Съ высокаго утеса можно было наблюдать далеко окрестность, не присматриваясь ли кто нибудь; а по большимъ деревьямъ легко распознавъ мѣсто, гдѣ положено сокровище. Къ тому присовокупляло просонародное преданіе, что нечистый духъ обыкновенно присущствовалъ при зарытіи такихъ кладовъ, и бралъ ихъ въ свое покровительство. Впрочемъ, кому неизвѣстно, что зарытыя деньги всегда его спяжаніе, когда оныя не добромъ нашишь? Какъ бы то ни было, Кидъ не приходилъ за своимъ богатствомъ, пошому, что, схоронивъ его, былъ вскорѣ пойманъ въ Бостонѣ, отвезенъ въ Англію и тамъ повѣшенъ.

Около 1727 года, въ самое то время; когда въ Новой Англіи такъ часто случались землетрясенія, кошорня не одному грѣшнику подогнули колына, жилъ вблизи описаннаго мѣста одинъ шотцій бѣднякъ, по имени Томъ Валькеръ. У него была и жена такая же шотца, какъ онъ самъ; и оба жили въ такой бѣдности, что не рѣдко воровали другъ у друга. Жена все прятала, что попадалось ей въ руки: закудахчешъ ли курица? Она такъ и сперегла, чтобы ей первой завладѣть лицомъ. Мужъ долженъ былъ шарить по всѣмъ угламъ, когда хотѣлъ доискаться спрятаннаго, и чаще вмѣ-

ходили сильные споры изъ того, чему надлежало бытъ общимъ добромъ. Домъ ихъ стоялъ въ споронѣ ошъ селенія, и имѣлъ самую голодную наружность. Тамъ и самъ разсыянные репьи, признакъ безплодія, окружали скудное ихъ жилище; никогда не появлялся дымъ изъ трубы ихъ, никогда прохожіе не останавливались у ихъ порога. Жалкая кляча, у которой ребра осунулись и походила на прутья въ плешивъ, прогуливалась по соседнему полю, подбирая клочки моху на спарыхъ камняхъ, и шѣвъ только раздражала свой голодь. Не рѣдко видали, какъ она клала на заборъ свою голову, и жалобно смотря на проходящихъ, умоляла, казалось, чшобъ ее вывели изъ этого голоднаго края.

И домъ, и его обитатели имѣли дурную славу въ околоткѣ. Жена Тома была не послѣдняя бѣсовка — злая вздорщица, и всемъ не знала добрыхъ простоядныхъ правилъ: держашъ языкъ на привязи, и не давашъ рукамъ воли. О всей обширности ея голоса можно было судить, и весьма часто, когда бранилась она съ мужемъ, а разбишое лице его свидѣтельствовало нерѣдко, чшо ссоры ихъ не всегда оканчивались только словами. Одинокій пушникъ вздрагивалъ отъ раздававшагося внезапно крика и ударовъ; подмахривая скоса на вшошь вершеть раз-

дора, онъ удвоивалъ шаги, и если былъ холодно, благословлялъ судьбу, что не позволила ему жениться.

Однажды Томъ зашелъ въ сторону отъ своего жилища на большое разстояніе, и возвращаясь, думалъ пройти прямо, но забрелъ въ болото и заблудился. На болотѣ росли огромныя сосны — инныя фушовъ по девяносту вышиною — и мрачныя вѣтви ихъ были какъ густыя, что заслоняли свѣтъ среди бѣла дня; отъ этого путь и было сборище совъ изъ всѣхъ окрестностей. Топь и ямы прикрывались шиной и мхами; зеленѣющая ихъ поверхность часто обманывала пушника, и заводила его въ черную, смрадную хлябь. Въ нѣкопорохъ мѣстахъ образовались пруды стоячей воды, обыкновенное убѣжище лягушекъ, жабъ и водяныхъ змѣй. Старые, полусогнившіе пни и корни высывались на поверхности этого синнаго царства и казались Индѣйскими крокодилами, спящими въ грязныхъ лужахъ.

Томъ пробирался далѣе и далѣе въ этомъ опасномъ мѣсту: по перескакивалъ онъ съ кочки на кочку, держась за проспникъ — зыбкая опора посреди глубокихъ шоней! — по лазилъ, какъ цѣпкая кошка, по пнямъ и колодамъ. Въ непрерывномъ опасеніи, чшобъ не оборваться и не увязнуть, пугался онъ

каждую минушу внезапнымъ крикомъ выпала дикой ушки, взлетавшей почти изъ подъ ногъ его. Наконецъ выпелъ онъ на швердую землю, кошорая краемъ, какъ полуостровомъ, вдавалась въ средину огромнаго болоша. Эшо мѣсто служило нѣкогда убѣжищемъ Индѣйцамъ, воевавшимъ съ первыми Европейскими поселенцами той спраны. Они шамъ сдѣлали родъ укрѣпленія, въ кошоромъ укрывали женъ своихъ и дѣшей, и кошорое конечно считали неприсупнымъ. Но къ шому времени, изъ всей вшой крѣпости уцѣлѣли только нѣкошорыя свай, вбнныя вровень съ землею, и между ними возвышались дубы и разныя другія деревья, кошорыхъ листья весьма оплнчались опъ мрачныхъ сосенъ, росшихъ по болошу.

Уже было поздно, когда Томъ пришелъ къ старой крѣпости. Онъ вздумалъ шупъ опдохнушь. Всякій другой на его мѣспѣ не вдругъ бы на шо рѣшился, пошому что въ прошомъ народъ была худая молва объ вшомъ полуостровѣ, и рассказывали много спранныхъ происшествій, случившихся шупъ во время войны Индѣйцевъ; увѣрвали даже, что дикіе совершали шупъ разныя волшебства и приносили жершвы злomu духу.

Томъ Валькеръ былъ не робкій дѣшнн; онъ сѣлъ на пенъ повалившейся сосны и оп-

дыхалъ, прислушивался къ гнусному крику жабы, и ворона посохомъ въ грязной лужѣ у ногъ своихъ. Вдругъ посохъ ударился обо что-то швердое; онъ выдернулъ его, и человѣческой черепъ, пропкнутый Индѣйскимъ дрошикомъ, упалъ къ его ногамъ. По ржавчинѣ, покрывавшей копыцею, можно было судить, сколько прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ нанесенъ былъ сей смертельный ударъ, напоминавшій о жестокихъ битвахъ послѣдней войны противъ Индѣйцевъ. Невольное восклицаніе вылетѣло изъ устъ Тома. Онъ спалъ обиваясь посохомъ ржавчину.

„Не шрогай черепа!“ произнесъ кто-то вблизи, голосомъ суровымъ и сильнымъ. Томъ поднялъ глаза, и увидѣлъ противъ себя сидящаго на пниъ чернаго великана. Не слышавъ передъ тѣмъ никакого шороха, Томъ не мало удивился; но еще болѣе возрасло его изумленіе, когда замѣнилъ онъ, сколько позволяла мрачность этого мѣста, что незнакомецъ не былъ ни Негръ, ни Индѣецъ, хотя одежда на немъ было почти на манеръ Индѣйской. Красная опояска; лице ни черное, ни мѣдяное, но смуглое и закопченное, какъ у кузнеца; длинныя космы черныхъ волосъ на головѣ, часшію приглажены, часшію взбиты и закручены; за плечами шопоръ. Кра-

сные, какъ бы кровью налипые глаза его, устремлены были на Тома.

„Что ты дѣлаешь на моей землѣ?“ сказала онъ сильнымъ голосомъ.

— „На швоей землѣ?“ повторилъ Томъ насмѣшливо. „Она также швоя, какъ и моя— она принадлежишь дѣяку Пеабоди.“

„Будь проклятъ швой дѣякъ Пеабоди!“— сказала Черный — „и будешь, надѣюсь, проклятъ, если не спанешь унимаешь опъ грѣховъ больше себя, чѣмъ сосѣдей своихъ! Взгляни, вонъ, какво швоему дѣяку Пеабоди!“

Томъ взглянулъ, куда показалъ ему незнакомецъ, и увидѣлъ большое дерево, свѣжее и прекрасное по наружности, но сгнившее внушри и подсѣченное у корня, такъ, что при первомъ дуновеніи вѣтра могло оно повергнуться на землю. На корѣ дерева было вырѣзано имя дѣяка Пеабоди, человека знаааго въ шо время и собравшаго несмѣшныя сокровища посредствомъ шорга съ Индѣйцами. Вскорѣ увидѣлъ Томъ, что на бдльшей часши деревъ, его окружавшихъ, спояли имена людей значительныхъ въ колоніи, и у каждаго дерева корень былъ подсѣченъ больше или меньше. Даже шо, на кошоромъ онъ сидѣлъ и кошорое, по всѣмъ примѣшамъ, свалено было шолько за нѣсколько передъ шѣмъ минушь, имѣло надпись съ именемъ Кроуз-

ничьяда. Томъ вспомнилъ, что шакъ на- зывался человекъ очень богатый, который промощалъ огромное имѣніе, приобретенное, какъ говорили, ремесломъ Флибустьера.

„Видишь ли, какой славный костеръ у меня будетъ?“—сказалъ Черный съ усмѣшкою адской радости: „ешь надъ чѣмъ погрѣшься зимою!“

— „Но по какому праву“ спросилъ Томъ: „рубишь ты лѣсъ дѣяка Пеабоди?“

„Мои права постарше его правъ: эпомъ лѣсъ принадлежалъ мнѣ, когда еще ни одинъ изъ бѣлыхъ людей не спускалъ сюда ногу.“

„Смѣю ли спросить, какъ тебя зовуть?“

„О! о! у меня много именъ! Въ иныхъ спранахъ называютъ меня *свирѣпымъ охотникомъ*; въ другихъ *чернымъ рудокопомъ*, а чаще *лѣшимъ*. Мнѣ поклонялись здѣсь красные люди; мнѣ въ честь жарилъ они время отъ времени на пылающемъ кострѣ благаго человека — когда хотѣли о чемъ нибудь умолишь меня. Съ той поры, какъ люди красные погублены вами, бѣлыми злодѣями, я нахожу въ томъ пищу и наслажденіе, чпобъ спрощу казни квакерамъ и анабаптистамъ; я покровишель и совѣшникъ купцевъ, шоргующихъ невольниками, предводитель Салемскихъ волшебниковъ.“

„Если не ошибаюсь“ — сказала Томъ — „то по всему надобно заключишь, что онъ самый, кого называютъ обыкновенно старымъ.“

„Онъ почто, къ своимъ услугамъ!“ ошъвчалъ Черный, кивнувъ учтиво головою.

Таково было начало разговора, если вѣришь старымъ хроникамъ, на достоверность которыхъ впрочемъ никакъ нельзя положитьсь. Всякій подумалъ бы, что такая неожиданная встрѣча съ эшимъ великаномъ въ глухомъ, мрачномъ мѣстѣ, поколеблеть хоть какую храбрую душу; но Томъ былъ съ эшей стороны гошовъ на всякое испытаніе. Не скоро можно было превозмочь его: онъ такъ долго жилъ въ сообществѣ сварливой жены, что не пугался и самого дьявола.

Сказываютъ, что послѣ такого испунаенія, они кивалъ длинный и важный разговоръ между собою. Когда Томъ возвращался во-свои, Черный рассказывалъ ему о несметныхъ сокровищахъ, которыхъ пирашь Кидъ зарылъ подъ старыми дубами на скаль, де въ дальнемъ разстояніи ошъ болота. Вся эши богатства находилась у него подъ надзоромъ, и къ нему надобно было прибѣгнутьъ, если бь кто захотѣлъ прибравъ ихъ къ рукамъ. Онъ предложилъ ихъ Тому, говоря, что *участуетъ къ нему особенную привязан-*

ность. Но и ему нельзя было уступить их иначе, как на известных условиях — на каких? можно предсказать себя, хотя Томъ былъ всегда на эпошъ счесть молчаливъ и скрытенъ. Вѣрно были они слишкомъ суровы, пошему, что Томъ пошребоваль времени на размышленіе; а онъ былъ совсѣмъ не охотникъ мѣшкашъ изъ пустаго, когда дѣло о деньгахъ шло. Наконецъ пришла она на межу болоша, и шущъ незнакомецъ ошпавился.

„Какое доказательство дашь мнѣ въ кшннѣ всего сказаннаго побою?“ спросилъ Томъ.

— „Вашъ мое рукоприкладство!“ ошвѣчалъ Черный, напшисувъ палець на лбу Валькера.

При сихъ словахъ онъ скрмлся между деревьями, и Тому показалось, будто онъ спшалъ понемногу углубляшсь въ землю, шакъ, что на поверхности ошпавался только голова и плеча, а потомъ исчезли и шѣ.

Пришедши домой, Томъ нашелъ у себя на лбу ошпечашокъ пальца — пшнне, какъ будто выжженное, кштораго невозможно бцло истребшть ничѣмъ.

Первую новостъ сообщшла ему жена о смерши Абсадона Кроуамнчшлда. О ней, говоря шнмоходомъ, возгласшл дубашные

лишты съ обычнымъ предисловіемъ: *Великій человекъ скончался*. Томъ вспомнилъ тогда о деревѣ, срубленномъ чернымъ его пришелемъ и приговоренномъ къ сожженію. „Пускай горитъ!“ — вскричалъ онъ: „мнѣ мало нужды!“ Но уже никакого сомнѣнія не оставалось ему, что все видѣнное и слышанное имъ было не призракъ. Томъ не имѣлъ обычая искренничать съ женою, но шаковую шайну трудно было удержатъ на душѣ, и онъ ей все высказалъ. Какъ скоро достойная половина его услышала о несмысленномъ сокровищѣ, и о возможности завладѣть имъ, у ней, какъ говорится, разгорѣлись зубы, и сильно приступила она къ мужу, чтобы онъ заключилъ союзъ, отъ котораго надлежало имъ обогатиться. До тѣхъ поръ Томъ и самъ былъ не прочь отъ дьявольскаго искушенія, но шуть перемѣнилъ мысли: онъ не хотѣлъ продать себя дьяволу, боясь угодишь женѣ. И такъ, единственно изъ упрямства, отказался онъ отъ всѣхъ предложеній Чернаго. Ничего сказывать, что скудный семейственный миръ послѣ того разрушенъ былъ совершенно. И чѣмъ болѣе шумѣла и настаивала жена, тѣмъ упорнѣе мужъ не хотѣлъ ничего для нее сдѣлать, даже опдашь себя въ когти врага.

Наконецъ рѣшилась жена сама испытать

счастья: преклонить на свою сторону нечистаго духа, лишь бы всѣмъ воспользоваться одной. Подобно мужу, она гошова была безъ робости глядя въ глаза сашанъ, и вотъ подъ вечерокъ, пустилась къ старой Индѣйской крѣпости. Долго не являлась она ошшуда; когда же ворошилась, Томъ насилу могъ добиться ошъ нее ошвѣща: шакъ была она пасмурна и несловоохошна. Однако пробормотала чшо-то ошривиспо о свиданіи съ Чернымъ, кошорый подсѣкалъ у корня огромное дерево, и не смотря ни на чшо, не хошѣлъ заключить съ нею договора; велѣлъ впрочемъ прійти въ другой разъ и не съ пустыми руками, а съ чѣмъ? она не сказала. И въ самомъ дѣлѣ, на *другой день* вечеромъ, ошправилась она опять на болото, шуго нагрузивъ присшегнушый къ опояскъ передникъ. Спустия нѣсколько времени, Томъ пошелъ къ ней на встрѣчу, но напрасно: ужъ было и за полночь, а она не возвращалась. Наспунило утро, наспунилъ полдень, наспунила опять и ночь, а бѣглянка все не являлась. Въ какое же Томъ приведенъ былъ уныніе, можно судить изъ того, чшо она унесла изъ дому чайникъ, небольшой серебрянный приборъ и все, чшо хошъ нѣсколько имѣло цѣну. Прошла и другая ночь, потомъ еще одна, а добрый мужъ все ошша-

вазся въ одиночество: не было о женѣ ни слуху, ни духу,

Что съ нею сдѣлалось, неизвѣстно, именно пошому, что всякой брался о шомъ шолковашь. Это одна изъ шѣхъ случаевъ, кошорые неизъясными по множеству испориковъ, о нихъ повѣшповавшихъ. Нѣкопорые расказываюшь, что бѣдняжка заблудилась въ извивистыхъ пропикахъ по болоту, захлебнулась въ какой нибудь лужѣ, или увязла въ шинѣ; другіе, не столько добросовѣстные, полагаютъ навѣрное, что она, обобравъ мужній домъ, дала шагъ, и спала жись да поживашь гдѣ нибудь на чужбинѣ. Ешть и шакіе, кошорые *подозрѣвають*, не завела ли ее искуситель въ широкій ровъ, на краю кошораго нашли ея шляпу; а *доказательство*, что въ шомъ же вечеръ видѣли, будто бы, высокаго, чернаго человека, шедшаго съ бѣлоша, съ шопоромъ за плечами и съ чѣмъ-то подъ рукой, очень похожимъ на связку, сдѣланную изъ передника. Будто бы замѣтили даже, что вшомъ человекъ посмапривалъ звѣрски — шоржешшвуюющимъ, злодѣющимъ окомъ.

Какъ бы шо ни было, самые достоверные расказыки соглашающся по крайней мѣрѣ въ шомъ, что Валькеръ сналъ очень грустнишь по женѣ, а пуще по добрѣ, ко-

шораго лишился, и что наконец опшравился онъ искашь шого и другаго на штаромъ Индѣйскомъ укрѣпленіи. Начавъ съ полудня, въ лѣтнее время, дѣлалъ онъ бесполезные поиски въ этомъ мрачномъ мѣстѣ — не нашелъ ни своего скарбу, нише своей жены. Онъ кликалъ ее часто по имени, но отвѣща не было: шолько выпъ ошзывался крикомъ на его голосъ, и жаба завывала въ ближнемъ пруду. Говоряшь однако, что наконецъ, въ шощъ часъ, когда сумерки закушывающъ лѣсъ, когда сова и нешопыри начинающъ лѣвшать, вдругъ обрашшло вниманіе Тома карканье вороны, которая кружилась около высокаго кипариса. Онъ поднималъ глаза и увидѣлъ развѣшенный на сучьяхъ передникъ съ чѣмъ-шо круглымъ по серединѣ. Огромный ястребъ сидѣлъ надъ нимъ, какъ будто на шпорожѣ. Томъ венрыгнулъ ошъ радости: онъ узналъ передникъ жены своей и полагаалъ, что въ немъ найдешъ все домашній свой скарбъ.

„Лишь бы взять свое нажитое!“ говорилъ онъ, упишшая себя въ потерѣ прочаго. Когда онъ спалъ взлѣзавъ на дерево, ястребъ распустилъ широкія свои крылья и полетѣлъ съ жалобными криками черезъ гущина въшви деревья. Томъ схватилъ передникъ, но ка-

кое отвращительное зрѣлище! — она на-
шела на немъ только сердце и печень.

Тутъ было — если вѣрять, самымъ впро-
чемъ достовернымъ рассказамъ — все, что
осталось ему отъ жены. Ей конечно взду-
малось также обращаться съ Чернымъ, какъ
и съ мужемъ своимъ; но хотя злую жену и
считаютъ всегда въ большихъ связяхъ съ
сатаною, жена Тома видно не поладила съ
нимъ на сей разъ, и осталась въ накладѣ.
Валькеръ замѣнилъ даже вокругъ дерева слѣ-
ды раздвоенной ноги, сильно вдавившейся, и
нашелъ нѣсколько клочковъ волосъ, вѣрояп-
но, вырванныхъ изъ густыхъ и черныхъ космъ
лѣшаго. По симъ примѣтамъ узналъ онъ бо-
гатырство жены своей, которое не разъ
испытывалъ на себѣ. Видя, что тушь проис-
ходила упорное сраженіе, Томъ пожалъ пле-
чами и жалобно сказалъ: „бѣдный лѣшій!
не легко досталась ему побѣда!“ И такъ
Валькеръ упѣшился въ поперѣ вещей попе-
рею хозяйки; въ глубинѣ души его родилось
даже что-то, похожее на благодарность
къ Черному, оказавшему ему такую большую
услугу. Онъ вздумалъ тушь познакомиться
съ нимъ покороче, но какъ ни забѣгалъ къ
лѣшему, тотъ все отъ него увертывался.
Кто что ни говори, а бѣсъ не всегда откли-

кается и умѣешь вести игру, когда увѣренъ въ выигрышѣ.

Наконецъ дѣло дошло до того, что Валькеру хотѣло на спѣху лѣзть: такъ захошѣлось прибрать къ рукамъ зарытый сокровища, что ужъ онъ не разсуждалъ объ условіяхъ. Въ это злое для него время встрѣшилъ онъ, подъ вечерокъ, Чернаго: въ обыкновенномъ нарядѣ деревосѣка, съ шопоромъ за плечами, шелъ онъ вдоль по болоту и напѣвалъ пѣсеньку. Томъ забѣжалъ опять съ пренизкимъ поклономъ — Куда! Лѣшій не смотришь, лѣшій опивѣчаетъ сухо на всѣ вѣзливости и продолжаетъ мурлыкать себѣ подъ носъ. Мало по малу удалось однако Валькеру навести рѣчь на тотъ предметъ, ошъ кошораго въ немъ всѣ жилки шрепетали, и вошъ начались переговоры. Нѣчего сказывать о главномъ условіи, безъ кошораго ошъ бѣса не дождешься никакой милости. Были и другія такого рода, что Томъ, при всей жадности къ сокровищу пирата, не могъ слышать о нихъ безъ опивращения. Напримѣръ: Черный, шребуя, чтошъ всѣ деньги, какія онъ дастъ, были упошреблены въ его пользу, хотѣлъ сначала заставитъ Валькера завести шоргъ невольниками, шъ есть, снарядитъ корабль и пушитъ на закупку Негровъ. Въ этомъ Валькеръ ошказалъ на

опрѣвъ. Онъ былъ гошовъ на всякое зло, но продавашъ невольниковъ, самъ дьяволъ не могъ его принудить. У всякаго своя совѣсть.

Видя, что Томъ никакъ на это не сдастся, Черный и не наспавалъ, но, въ замѣну, предложилъ ему сдѣлаться ростовщикомъ. Кшо ближе на умъ дьявола, какъ не почтенное сословіе ростовщиковъ — любимое спадомъ, нанишанное духомъ его и помыслами? И Томъ не нашель шущь преняшшвія: это предложеніе согласовалось вполне съ его видами.

— „Такъ чрезъ мѣсяць ты заведешь купеческую коншору въ Боспонтъ?“ сказала Черный.

„Завтра же, если нужно!“ отвѣчалъ Томъ.

— „Будешь отдавать въ ростъ деньги, по два на сто въ мѣсяць?“

„По чепыре!“

— „Будешь выманивашъ вымучивашъ векселя на векселя, заклады на заклады; будешь прощрашъ банкротства, будешь водить купцевъ....?“

„Буду ихъ водить къ черту!“ подхватилъ Томъ.

„Ты славный ростовщикъ! достойный монхъ децерь!“ воскликнулъ Черный съ восторгомъ: „Когда же начнешь?“

„Въ эту же ночь.“

— „Дьяволю!“ сказалъ дьяволъ.

„По рукамъ!“ сказалъ Томъ Валькеръ.

И они ударили по рукамъ и заключили договоръ, а черезъ нѣсколько дней, Томъ Валькеръ сидѣлъ уже въ Бостонѣ въ своей конторѣ. Вскорѣ разнеслась молва, что онъ человекъ денежный, и можно занимать у него выгодно. Всякій помнишь время Губернатора Белькера, когда вдругъ деньги сдѣлались рѣдки. Была мода на бумажныя деньги и къ нимъ имѣли вѣру; въ области наводнены были биллями (bills) Правительства, учредился знаменитый Ландъ - Банкъ; охота на спекуляціи распространилась до невѣроятности; всякій былъ помѣшанъ на своихъ заштѣяхъ; хотѣли строить новыя зданія, новыя города въ пустыняхъ; спали торговать разными привилегіями, ошъ кошорыхъ сулили горы золота, и всѣ гошovy были покупашъ ихъ на чистыя деньги, хотя никто не зналъ, въ чемъ кроются эти богатства; словомъ спекуляціонная лихорадка дошла до высочайшей степени, и каждый думалъ сдѣлать что нибудь изъ ничего, какъ вдругъ, по обыкновенію, огонь погухъ, сны исчезли, а съ ними и сокровища, ошъ нихъ порожденыя. Больные оспались въ опчаяномъ положеніи, и во всей странѣ, пошрясенной

всеобщимъ изнуреніемъ, раздались крики: „тяжелыя времена!“

Въ сіе - по самое время всеобщаго бѣдствія, Томъ Валькеръ завелъ свою ростовщицкую коншору, которая вскорѣ была осаждена кліентами: неудачливые заштѣйники, игроки, пустобреды, торговцы привилегій, купцы, перяющіе кредитъ, словомъ всѣ, кто только принужденъ былъ доставать деньги опочающими средствами, и за всякую цѣну, сбѣгались толпами къ новому ростовщику. И такъ Валькеръ сдѣлался другомъ всѣхъ несчастныхъ, а что еще больше, *извѣданнымъ другомъ*, то есть: онъ всегда бралъ на свою долю много денегъ и большіе проценты. Чѣмъ несчастливѣе заемщикъ, тѣмъ жесточе дѣлались для него условія; онъ нагружалъ коншору свою векселями и закладами, поспешенно выжималъ, какъ говорится, сокъ изъ своихъ кліентовъ, обиралъ ихъ мало по малу, и пускалъ наконецъ голыхъ по міру.

Такимъ образомъ деньги громоздились у него подъ руками; онъ сдѣлался богачѣйшимъ и знайнѣйшимъ изъ Боспонскихъ жителей; выпросилъ себѣ, по обычаю и по своему высокоумію, огромный и прекрасный домъ; но скупость помѣшала кончить его и прилично меблировать. Въ упоеніи щеславія, онъ купилъ карету, но за всѣмъ тѣмъ

морилъ голодомъ жалкихъ лошадей, который пащали ее; колесъ вшой кареты никогда не мазали, и какъ несносный скрипъ ихъ всегда сопровождалъ хозяина, по можно было думать, что раздаются стоны несчастныхъ жертвъ, его сребролюбиемъ пожранныхъ.

Между шѣмъ, спарвясь, началъ онъ размышлять. Упрочивъ житейскій бытъ свой въ вшомъ свѣтѣ, онъ съ безпокойствомъ спалъ думая и о другомъ. Какъ смущенный сонъ, представлялся ему договоръ, заключенный съ Чернымъ его пріятелемъ, и онъ мучилъ свой умъ на выдумкахъ, чшобы какъ нибудь да увернушся отъ тяжкихъ условій. Вдругъ сдѣался онъ усерднымъ пошшицелемъ церкви; молился громко и сильно; каждое Воскресенье, по крику его, больше или меньше громоглазному, можно было судить, какво нагрѣшилъ онъ въ вшу недѣлю. Спрогость Тома въ обрядахъ религіи почти уже равнялась почности его въ дѣлахъ денежныхъ; онъ сдѣался суровымъ досмотрщикомъ и исповѣдникомъ сосѣдей своихъ, какъ будшо мысля, что ихъ грѣхи обращаясь на его отвѣтственность: ему хотѣлось даже возобновить преслѣдованія квакеровъ и анабаптистовъ; словомъ, усердіе Тома въ вшомъ случаѣ прославилось также, какъ и его богачество.

*

За всѣмъ шѣмъ, Валькеръ спрахъ какъ боялся, чтобы дьяволъ не предъявилъ правъ своихъ.

Сказываютъ, что Томъ на спарыхъ дняхъ своихъ немного помѣшался, и чувствуя приближеніе конца, велѣлъ осѣдланную взнузданную и подкованную лошадь закопать въ землю къ верху ногами, для того, полагалъ онъ, чтобы въ день преставленія свѣша, найти лошадь свою нагошова: и тогда надѣялся онъ еще показаться на спаромъ конь своемъ. Впрочемъ не мудро, если бы одни бабы рассказы.

Но если онъ и принялъ эту предосторожность, она была излишняя: по крайней мѣрѣ въ шомъ удословѣрнеть спарое, неживое преданіе, кошорое пакъ оканчивается эту испорію:

Въ знойный полдень, во время каникулъ, и именно въ шу минушу, когда начался черныи, бурливый дождь, Томъ сидѣлъ у себя въ кошорѣ, въ бѣломъ колпакѣ и въ шелковомъ Индѣйскомъ халатѣ. Онъ готовился взять закладъ и доконать одного несчастнаго спекуляшора, къ кошорому всегда оказывалъ нѣживѣйшую дружбу.

Бвдникъ просилъ опсрочки на шри мѣсяца. Томъ былъ что-то не въ духѣ, и не хотѣлъ опсрочить лие на день.

— „Семейство мое пойдетъ по миру
ошъ этого разоренья!“ сказалъ бѣднякъ.

„Надобно прежде всего имѣшь жалость
къ самому себѣ;“ — ошвѣчалъ Томъ: „надоб-
но и мнѣ хоть немножко о себѣ подумать;
неперъ тяжелыя времена.“

— „Вы сполько выудили у меня де-
негъ!“ — сказалъ спекуляшоръ. — Томъ по-
шерялъ все шерпѣнѣ.

„Чоршь меня возьми“—вскричалъ онъ;
„если я хоть одинъ мардъ“.....

Вдругъ раздались при сильныя удара у
двери... Томъ пошелъ посмошрѣшь, что это
такое. Черный удерживалъ за узду лошадь,
которая ржала и рвалась, шопая ногами ошъ
нешерпѣнѣя.

— „Томъ! швой часъ насшалъ!“ сказалъ
сурово Черный. Томъ хотѣлъ бѣжать, но уже
поздо. Никогда грѣшникъ не бывалъ подцѣ-
плень такъ внезапно. Черный схватилъ его,
какъ ребенка, посадилъ на сѣдло и приуда-
рилъ бичемъ лошадь, которая, какъ молнѣя,
помчалась, не смошря на дождь и на бурю.
Коншорцики Тома заложилъ за уши свои
перья, и смошрѣли съ удивленѣемъ въ окна.
Томъ летѣлъ по улицамъ Боспона; его кол-
пакъ пошряхивалъ на головѣ, его халашъ
развѣвался по волѣ вѣшровъ, а изъ подъ ко-
пышь коня его выскакивали искры спруею.

Между шѣмъ коншорцики не нашли уже Чернаго: онъ скрылся.

И Томъ Валькеръ не возвращался уже за закладомъ несчастнаго своего кліента. Селянинъ, жившій на межѣ болоша, увѣрялъ, что во время бурливаго дождя, онъ вдругъ услышалъ шумъ скачущаго и ржущаго коня; когда подошелъ онъ къ окну, то увидѣлъ челоуѣка, одѣнаго какъ было сказано, на лошади, мчащейся къ болошу и къ Индѣйскому укрѣпленію. Черезъ нѣсколько минушъ, молнія ударила по тому же направленію, и весь дѣсъ какъ будто обратился въ огонь.

Добрые Босшонскіе жители качали головой, пожимали плечами. Они уже шакъ были приучены къ колдунамъ, къ привидѣніямъ и къ разнымъ превращеніямъ дьявола, съ шѣхъ поръ, какъ завелась колонія, что не сполько испугались, какъ бы должно было думать. Назначили комиссаровъ для описи имущества Тома. Но дѣло ихъ было не шрудно. Перерывъ сундуки ростовщика, нашли, что все деньги и все векселя его обратились въ пепель. Въмѣсто золоша и серебра, его жельзомъ окованная шкашудка наполнена была щепками. Въ конюшнѣ очутились два скелеша, вмѣсто пары лошадей, кошорыя правда и живы были не лучше, а на другой

день и весь домъ сдѣлался добычею пламени и покрылъ землю обломками.

Такъ кончилась жизнь Тома Валькера, и недобромъ нашилось богатство. Пустьъ всѣ росшовицки-скареды выпвердятъ его испорію. Достоверностьъ ея несомнѣнна: и нынѣ можно видѣть у подошвы большого дуба яму, изъ кошорой онъ вынулъ сокровище. И на сосѣднемъ болотѣ, какъ и въ Индѣйской крѣпости, часпо, во время бурныхъ дождей, виднися призракъ на конѣ, въ халатѣ и въ колпакѣ: это конечно изображеніе грѣшника. Самая повѣсть эта сдѣлалась у проснаго народа пословицею. Очень нерѣдко услышишь въ новой Англїи: о дьяволѣ и о *Томѣ Валькертѣ*.

Съ Франц. Вл.

II.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Поездка въ Саксонскую Швейцарію.

Іюль, 1825.

Въ ясное утро, съ веселымъ сердцемъ, оставилъ я на нѣсколько дней Дрезденъ. Названіе Саксонской Швейцаріи наполняло меня пріятными ожиданіями — а прелестныя картины по той сторонѣ Эльбы пригославляли къ красотахъ природы. Прѣхавъ мило по гладкому шоссе, полюбовавшись время богатыми селеніями, — мы спустились къ Эльбѣ, и на самолетѣ переправились на ту сторону въ Пильницъ. Это лучшее мѣсто-пребываніе Короля. — Не желая ничѣмъ искусственнымъ развлекать мысли наши — мы только взглянули на дворець, составленный изъ нѣсколькихъ ошдѣльныхъ Кишайскихъ павильоновъ, оставили нашу коляску, и пошли, по дорожкѣ Фридриха, къ искусственнымъ развалинамъ. Это любимая прогулка Короля.

Дорога на гору идетъ извилинами. При каждомъ поворотѣ невольно остановишься. Картина прелестная! Дворецъ, садъ, весь Пильницъ, какъ будто искусною рукою на-

рисованы на фарфоре. Взобрались на самый верхъ: панъ картинна расширяется и дѣлается еще прелестнѣе. Эльба представляется гла-замъ, какъ серебряная лента на темнозеле- номъ бархатѣ; на право видишь Дрезденъ, на лѣво Зоненштейнъ, и далѣе синѣющіяся горы; а прямо внизу лежишь дворець и садъ съ сирженными деревьями, съ фонтанами, съ вазами, съ статуями — все, какъ пре- лесная игрушка. Чувство неизъяснимо при- ятное, шѣмъ болѣе, что развалины, хоня искусственныя, окружающъ вершину, съ ко- шорой смотришь. Тамъ юная жизнь во всемъ блескѣ, во всей красотѣ своей; здѣсь хлад- ные обломки прежняго величія. Мысль сча- стливая поспавишь здѣсь развалины. Видѣ ихъ, вливая въ душу нѣчто печальное, воз- вышавешь наслажденіе прелестною, веселою картиною внизу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ края горы, возвышается небольшое строеніе. Оно кажется часпью сихъ огромныхъ раз- валовъ, уцѣлвшею отъ разрушенія. Тамъ находишься небольшая зала, просто, но со вкусомъ убранныя. Часпо приходишь сюда Король пишь кофе, иногда ужинашь, и тогда спускается внизъ при свѣщѣ факеловъ. Нашъ Гусень (шакъ называютъ Саксонцы своего добраго Короля), говорилъ нашъ спорокъ, теперь уже не можешь пѣшкомъ входить

на эту гору — вошь по той дороге онъ прѣвзаетъ; но прежде бывало каждый день по нѣскольку разъ приходилъ сюда. Давъ старику нѣсколько грошей, мы спустились внизъ, сѣли въ коляску и поѣхали далѣе. — Черезъ полчаса снова останоуились, општушили коляску въ Ломекъ, а сами съ проводникомъ, кошораго взяли въ Пильницъ, спустились въ Либшалеръ-грундъ. Эша дебрь (такъ Жуковский перевелъ слово Grund), вышоченная быспрымъ ручьемъ Везениць, знамениша своими каменоломнями. Онъ древнѣйшій въ Саксоніи, хопя не лучшій. На послѣднемъ домѣ въ деревнѣ Гиншеръ-Тенень прибиша надпись, кошорая, въ старинныхъ Нѣмецкихъ стихахъ, предостерегаетъ путешественника не шрогать въ сихъ мѣстахъ рабочихъ инструменшовъ и не произносятся слова: „lauf zu.“ — Эшо призывъ помощи: услышавъ сіе слово, каждый работающій поспѣшно оставляетъ свою работу и бѣжитъ къ мѣсту, гдѣ оное произнесено было. И такъ сама справедливосшь шребуешъ, чшобы за напрасную шревогу, и за время въ ней потерянное, работники были награждены. Между шѣмъ, многіе путешественники, проходя Либшалеръ-грундъ, часто для забавы произносятся сіе слово. — И тогда вся дебрь оживаетъ. Со всѣхъ сторонъ сбѣгаются лю-

ди, повсюду: lauf zu! lauf zu!, окружающъ виднаго, и онъ долженъ заплашишь нѣсколь-ко палеровъ, на которые немедленно поку-паешься пиво, — и между работниками на-чинаешься пирушка. — Рассказываютъ, что Король Августъ II, спустившись нѣкогда въ Либсшальеръ-грундъ, вскричалъ: lauf zu!, и пу-стился бѣжать, ибо кто успеешь выбѣжать изъ сихъ мѣстъ, пошъ уже не подвергается денежному взысканію. — Но Короля догнали, и онъ, заплативъ положенную сумму, при-гласилъ еще всѣхъ работниковъ къ себѣ въ Пильницъ на пирушку. Между камнями, по берегу ручья, вѣтся пропінка. По обѣимъ сторонамъ торчатъ утесы, сажень 15 вы-шиною: верхи ихъ покрыты кустарникомъ, но бока голы; во многихъ мѣстахъ видишь свѣжіе слѣды ошбивки камней, въ другихъ работу въ самомъ дѣйствіи. Чѣмъ далѣе идешь, тѣмъ уже становится дѣбрь, выше утесы, быстрѣе ручей. Наконецъ пропінка совер-шенно шершеса. Тупъ по камнямъ, между кустарниками, надобно взбираться на кру-тизну. Какъ пріяны, послѣ сей дичи, виды плодоносныхъ полей и близкой деревни Либ-спала, прошедъ которую, мы направляемъ путь нашъ къ близкой же деревнѣ Мюлье-дорфъ. — Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ нѣшь ку-старниковъ, которыми покрыта весь бѣ-

регъ Либспалеръ - грунда, приближаемся къ самому краю пропасти, шѣмъ охошнѣе, что здѣсь проведены перила. Съ сего мѣста видъ прелестнѣйшій. Дикіе утесы, покрытые кушарниками, шумящій Везеницъ, котораго волны скачутъ съ камня на камень, мельница (Mølle) между утесами подъ самыми ногами, наконецъ каменный въ одну арку мостъ для пѣшеходцевъ черезъ Везеницъ — все это образуетъ картину очаровательную! — Нигдѣ не встрѣишь такъ слѣды дѣлательности и жизни, какъ среди явленій грозной и дикой природы. Полюбовавшись сею картиной, мы пошли далѣе. Миновавъ нѣсколько домовъ деревни Мюльедорфъ, спустились къ шой мельницѣ, которую любовались въ верху. Прошедъ черезъ мельницу, и посмотрѣвъ съ мостика на дикій Либспалеръ-грундъ и на быстрый бѣгъ ручья Везеницъ, съли отдохнуць за круглымъ каменнымъ споломъ, возлѣ самаго мостика. Изъ мельницы принесли намъ хлѣба и гусиныхъ салвокъ. Между шѣмъ, на прошиволежащемъ утесѣ, на шомъ самомъ мѣстѣ, съ котораго мы смотрѣли — явилась группа дѣвушекъ и мальчиковъ, возвращающихся домой изъ Либспала, гдѣ приходская школа. Увидѣвъ путешественниковъ, они хотѣли показашъ свое искусство. Многіе изъ нихъ вѣзали на перила,

кошорыми обведены голые берега пропасти — и взявши за руку шоварищей, неслись, как будто Сильфиды въ воздухъ. — Сначала неприятное чувство страха засхавило насъ вскрикнушь — ибо перила казались очень тонки и на краю пропасти; но увидѣвъ, что они по нѣмъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ бѣгали, мы любовались ихъ играми, бросали ихъ поцѣлуй и получали ошъ нихъ обрашно. — Наконецъ, окончивъ завтракъ и проспавшись съ нашими Сильфидами, пошли вверхъ по спупенькамъ, высѣченнымъ въ ушесъ. — Прочая надпись, въ одномъ камнѣ вдѣланную, изъ кошорой узнали, что мельникъ *Lothaire*, ошеть имнѣшняго — любилъ, послѣ трудовъ своихъ, ошдыхашъ на вшомъ мѣсшѣ; что Богъ благословилъ пруды его, и онъ разбогатѣлъ, высѣкъ въ ушесъ спупеньки и на памяшь о себѣ ошавилъ вшу надпись. Мы благословили памяшь добраго мельника, и каждый пушешесшвенникъ вѣрно шо же сдѣлаешъ. Взобравшись на верхъ, мы очутились въ деревнѣ Даубе, а ошшуда пришли въ мѣстечке Ломень, гдѣ насъ дожидалась коляска. Ломень принадлежишь казнѣ. Древнѣй замокъ, гдѣ жила супруга Курфирста Георгія II, шецерь заняшь чиновниками Ломенской экономіи, къ кошорой принадлежишь и значительное овцеводство. Между двумя спроеніями

древняго замка, спящаго на краю утеса; находишь перса. Видь съ нее прелестень. Лышь 40 шому назадъ, молодой работникъ, заснувъ на впомъ мѣстѣ и повернувшись неоспорожно во снѣ, упалъ съ сей скалы въ 76 фушовъ вышиною — и оспался живъ и здоровъ. Надпись въ списахъ рассказываетъ сіе необыкновенное происшествіе. Изъ Ломена поѣхали мы далѣе; чрезъ четверть часа, оспановились у послѣдняго дома деревни Ошовальде. Прощедъ небольшой лужокъ, мы очутились у входа въ Ошовальдеръ-грундъ. 114 ступеней, висѣченнахъ въ каменномъ утесѣ, вѣдущъ на дно пропасти. — Спускаясь по нимъ и оспанавливаясь часто; чшобы насладиться дикимъ симъ зрѣлищемъ — мы невольню вспомнили Оперу Фрейшицъ. Но можешъ ли кисть, или перо начертать сію живописную дикость природы? Громады камней, сплеленныя по сухими корнями елей, по горнымъ висящимъ растеніямъ, возвышающіяся на 120 фушовъ и болѣе; внизу спруншя ручеекъ, на верху узкая полоса голубаго неба. А эту живописную дикость утесовъ, эту разнообразность красокъ, эти группы кустарниковъ, этотъ блестящій, золотаго цвѣта мохъ, копорымъ иные одѣны — кто все это опишетъ? — Съ каждымъ шагомъ, утесы представляющя въ новомъ ви-

дѣ, дѣбрь по суживаешия, по расширяешия въ долину, по опять суживаешия; въ одномъ мѣстѣ шакъ утесы сближающа, что поавко два человекъ рядомъ могушь пройши. Три обломка скалы, скапавшия съ верху, завязали въ этомъ узкомъ мѣстѣ и образовали ворота. Они называюща *Ottowalder Thal*. Внизу спруиша ручей и положены доски по конорымъ и проходишь эти триумфальныя ворота нашуры. — Огромный камень, имѣющій видъ крышки, и возлѣ него нѣскольکو меньшихъ называюща *Steinernes Haus*: нашъ проводникъ увѣрялъ насъ, что подъ сими камнями находяща пещера, куда во время войны, жишели сосѣднихъ деревень прятали свое имущество. Недалеко отсюда находяща между утесами пещера, имѣющая въ срединѣ отверстие, наподобіе трубы. Ее называюща *Teufelsfuche*. Еще естъ любопытное мѣсто длинная, высокая, узкая каменная стѣна наклонилась на другой утесъ — и сквозь эту скважину видны вдали горы: *Лиліенштейнъ*, *Кенигштейнъ* и *Фасенштейнъ*.

Непримѣнно поднимались мы; утесы спланировались ниже; наконецъ мы вышли на большой лугъ, и скоро на дорогу. Сквозь кушарники мелькали вдалекѣ снѣжающа утесы — они гоповали насъ къ виду вели-

личесственному; но нашъ Фрицъ Гошманъ (такъ назывался переводчикъ) умолилъ насъ не сворачивать съ дороги, чтобы не лишать себя удовольствія неожиданности. Мы миновали рядъ колясокъ и верховыхъ лошадей, копорые дали знать, что мы на басшеъ застанемъ многихъ посѣпипителей — и скорыми шагами пошли по прямой дорожкѣ, лежащей между кустарниковъ. Черезъ минушу очутились на басшеъ.

Какъ величественна природа, любезный другъ, въ своемъ разнообразіи! Бѣдный живописецъ! гдѣ ты возьмешь красокъ, чтобы изобразить зрѣлище, копорымъ восхищаешься: сіи горы, сіи ушесы, вину долину, эти деревни и прекрасную Эльбу! Нѣтъ! брось кисть свою и предайся наслажденію, не оправляя его желаніемъ передать другимъ! —

Бастей, такъ называется выдавшійся надъ Эльбою ушесъ въ 600 футовъ вышиною, и не болѣе 10 въ ширину. Видъ съ него очарователенъ. Прощедши изъ мрачнаго Отпвальдеръ-грунда, невольно вскрикнешъ отъ удивленія, невольно спросишь: гдѣ я? Это чувство перваго человека при видѣ природы, описанное Бюффеномъ. Прямо возвышающіяся мрачныя горы, или лучше сказать, исполанскіе камни Лиліенштейна и Кенигштейна, одни съ своею лѣсистою вершиною, дру-

гой съ своими башнями и спиною; даже не-
 ждунни проглядываютъ Фаенцшейнь, Цира-
 шейнь, еще даже синьются Богемскія горы,
 лѣве и ближе торчатъ безобразно голые
 ушесы. На нныхъ видишь одинокую тонкую
 ель — между другими пропасши. И все это
 въ какой прекрасной противоположности
 съ разноцвѣтными нивами, съ зелеными лу-
 гами, которые спелются по обѣимъ сто-
 ронамъ Эльбы, съ уютными красивыми до-
 миками — гдѣ, кажешся, живешъ счастье и
 спокойствіе! Кажешся, сіи горы, сіи скалы
 поставлены здѣсь природою, чшобы возвы-
 сить прелестъ сей каршины, которой онъ
 служащъ какъ будто рамою. Но довольно
 объ этомъ. — Я помню, какъ ничтожны и
 прищорны казались мнѣ всѣ описанія, всѣ
 возванія, всѣ *охи* и *ахи*, которыми на-
 полнена подстая книга, служащая альбомомъ
 для Басмеля.

Нѣсколько шалашей изъ коры предста-
 вляютъ единственное убѣжище отъ зноя и
 непогоды для посѣщителей Басмеля. Но кро-
 мѣ сего есть множество скамеекъ и столовъ.
 Трактирщикъ изъ ближайшей деревни дер-
 житъ здѣсь въ лѣтнее время все, нужное для
 прѣзжающихъ. Столъ довольно дурень; пу-
 шешественники обыкновенно приносятъ съ
 собой хорошій аппетитъ. Здѣсь всегда по-

чши найдешь музыку, копорой звуки, особенно издали, весьма пріятны и возвышающъ еще наслажденіе симъ прекраснымъ зрѣлищемъ. Прибавь къ сему толпу различныхъ поѣшителей, прелестныя личики женщинъ, различныхъ нарѣчій, конторами каждый на свой манеръ изображаетъ свое удовольствіе,—и ты легко повѣришь, что два часа, проведенные на Басшеѣ, я причту къ счастливейшимъ моей жизни.

Изъ Басшея мы сѣли въ коляску и, неостанавливаясь, поѣхали въ Шандау. Эпошь городокъ лежитъ при впаденіи Киршбаха въ Эльбу, окруженъ лѣсистыми скалами и примѣчательнъ своею минеральною водою. Мы остановились въ концѣ города въ шпакширъ дит Ваде, гдѣ учреждены и ванны. Положеніе вшого шпакшира очень пріятно: по обвймъ сторонамъ шянунся лѣсистые утесы, на право течетъ чистый ручей Киршбахъ; впереди лугъ, по обвймъ сторонамъ копоряго каштановыя аллеи. Вечеръ былъ тихій, хотя темный,—но мнѣ не сидѣлось въ комнатѣ: я расположился на скамейкѣ вблизи шпакшира. Пламень двухъ небольшихъ маяжовъ передъ домомъ пріятно освѣцалъ шемную зелень каштановыхъ деревьевъ; въ бекѣ раздавались звуки флейты съ валторной, мѣшаясь съ единообразнымъ плескомъ

минерального ключа. Въ аллеяхъ въ шемнотѣ
желькали бѣлая плащница гуляющихъ. — Серд-
це мое было настроено къ тихому насла-
жденію. Я чувствовалъ вполнѣ радость испол-
неннаго желанія — удовольствіе путеше-
ствія. Я вспомнилъ вчера наши въ — — —.
Такъ долго сидѣлъ я въ мечтахъ, пока поро-
рищъ мой не пришелъ меня звать ужь-
нашь. — За споломъ много уже сидѣло го-
стей. Всѣ говорили о планахъ своихъ на
слѣдующій день. — Живущіе въ Шандау для
водъ давали совѣты, какъ лучше учредить
повздуку. Мы говорили между собою по-Рус-
ски, и вообрази наше пріятное удивленіе,
какъ вдругъ служившій намъ буфетчикъ за-
говорилъ съ нами на родномъ нашемъ языкѣ.
Пріятно, любезный другъ, встрѣпшсь со-
отечественника далеко отъ родины! Нигдѣ
шакъ не сильна любовь къ ней, какъ на чуж-
бинѣ. Съ участіемъ спрашивали мы его.
Онъ сирота изъ Риги, то льпъ уже въ Сак-
соніи, и доволенъ своимъ состояніемъ.

На другое утро, съ началомъ дня, нача-
лось и путешествованіе наше. Чтобы сберечь
силы свои, мы повѣхали въ повозкѣ, пока воз-
можно было ѣхать. Дорога идетъ, между ль-
сисныхъ скаль, по камнямъ, по берегу Кирш-
баха. Скоро мы должны были оставишь

повозку. Полюбовавшись небольшимъ, но высокимъ водопадомъ, который для насъ пусти-ли, пошли мы по пропinqu въверхъ, все выше и выше. Картины прекрасныя, но не спану описывать ихъ. Сколь прелестны и разнообразны онѣ въ напурѣ, стоило описа-не ихъ было бы единообразно и скучно.

Проспиранный сводъ, образованный при-родою, называется *Kubstall*. Здѣсь, во время Зо-льшней войны, укрывались окружные жи-тели и сохраняли спада свои. Весь огром-ный сводъ сей исписанъ именами учасшни-ковъ. Я съ удовольствіемъ въ семь часовъ открывала фамиліи соотечественниковъ. Вся гора изрыта пещерами, и каждая имѣетъ свое преданіе. Съ вершины горы, куда всхо-дши по крутой высокой лѣстницѣ, въ уз-кой разсѣлинѣ горы сдѣланной, видъ величе-ственный! Вездѣ горы покрыты лѣсомъ. Внизу подъ нами играла музыка, и низкіе звуки ея придавали еще болѣе прелести дикой кар-тинѣ вѣщихъ горъ и лѣсовъ. Осмотрѣвъ въ пещеры, о которыхъ нашъ проводникъ раска-зывалъ намъ дивныя дѣла, и подкрѣпивъ силы своимъ легкимъ завшпракомъ, мы пустились далѣе.

Спустившись въ *Habitstgründ*, мы взгля-нули на Кушшаль, который съ низу казался, намъ небольшимъ красивымъ окномъ — по-вернули направо, и черезъ четверть часа

ступились у подошвы малаго Винтерберга. Дорога на вершину сей горы идетъ между хуснарниковъ, и хопя извилинами, но довольно круто. Не привыкши лазить по горамъ, я успала порядочно. Потъ съ лица каплялся градомъ, сердце билось, ноги дрожали. Наконецъ мы достигли вершины. На краю выдавагося угла, выстроена небольшая каменная бесѣдка; она называется зимній домикъ, Winterhaus, и обязана своимъ существованіемъ слѣдующему приключенію. — Въ 1558 году, Курфирсъ Августъ, будучи на охотѣ съ сыномъ своимъ Хриспіаномъ, пресѣдовалъ оленя, который, гонимый собаками, взбѣжалъ на самой конецъ сей выдавшейся скалы. Курфирсъ остановился ниже его на узкомъ перешейкѣ, соединяющемъ сію скалу съ горою, и видя, что олень поворожился уже назадъ, чтобы прямо броситься на него, приложился и, съ словами: или ты, или я,—выстрѣлилъ; олень покатился въ пропасть,—и въ память сего счастливаго спасенія, былъ выстроенъ на томъ мѣстѣ домикъ, который въ 1818 году возобновленъ. Видъ изъ оконъ сего домика очарователенъ и съ избыткомъ награждаетъ за труды и успалось.

Продолженіе пути до вершины большаго Винтерберга не столько утомительно.

На сей вершинѣ, возвышающейя надъ Эм-
бою на 1416 футовъ, представляется карти-
на прекраснѣйшая. Поперечникъ ея въ 24
мили. Устанешь слышать имена всѣхъ горъ,
которыя отсюда видны. Много забавлял
насъ чепыре молодые путешественника, ко-
торыя съ самаго Шандау шли съ нами. Они
расположились у самой вершины горы. Одинъ
изъ нихъ, въ синей рубашкѣ, какія носятъ
поселяне на Рейнѣ, сѣлъ на камнѣ, вынувъ
карманное описаніе Саксонской Швейцаріи, и
началъ экзаминовать своего проводника, ко-
шораго шушкою называли они Фридолинъ.
Спарикъ Фридолинъ, казалось, не весьма былъ
швордъ въ названіяхъ; но между шѣмъ не
хотѣлъ того показывать, и часто, при раз-
ныхъ именахъ, указывалъ на одну и ту же
гору. Это примѣтилъ одинъ изъ нихъ, и спро-
силъ: а гдѣ Чимборасо? — И Фридолинъ съ
важностію указалъ на одну изъ ближайшихъ
горъ. Можно представилъ себя смѣхъ и
шушки веселаго общесства.

Frühstuck. Это каменный сводъ въ
60 фузовъ длиною. Удивительное сіе мѣсто
находицца уже въ Богеміи. Мы очутились на
верхнемъ камнѣ, образующемъ сводъ, и были
восхищены дикою прелестію гористаго ланд-
шафта. Спустившись внизъ подъ самый сводъ,
видимъ часень той же картины, не менѣе

предестиную. Между тѣмъ, какъ мы пили водной кофе, старый Богемецъ, въ черномъ цинсовомъ плащѣ, принесъ намъ подешую книгу, для вписанія нашихъ именъ, а его дочь, высокаго роста, съ черными пламенными глазами, съ правильными чертами лица, принесла намъ коробочку съ горнымъ коральнымъ мохомъ. Отблагодаривъ красавицу гульденомъ, мы пустились далѣе.

Долго спускались мы по крушой прощлнкѣ между бревенъ и камней. Здѣсь уже не видны тѣ старанія облегчить шрудъ путешественника, которыхъ вездѣ встрѣчаетъ онъ въ Саксоніи. Нашъ проводникъ съ гордосцію далъ намъ сіе замѣчаніе. „У насъ, говорилъ онъ: никакая рука не поднялась бы, чтобы срубить высокія сосны, украшавшія прежде эту гору. Но здѣсь не чувствуютъ красоту природы.“ Спустившись съ большимъ шрудомъ и усталосцію, на поденнѣ мы остановились, чтобы отдохнуть и взглянуть на Пребишторъ, который предестпно возвышался на верхушкѣ сего гористаго амфитеатра.

Дамы съѣли опять на носики, и караванъ нашъ отправился далѣе. Скоро пришли мы въ пограничную Богемскую деревню Герникрешченъ. Она лежишь на берегу Эльбы. Ваятельное изображеніе святаго Непому-

ка напомнило намъ, что мы находимся въ Кашолической землѣ. Здѣсь ожидала насъ лодка. Запасшись вишнями, мы сѣли въ нее, подняли паруса, и благопріятный вѣтеръ потянулъ насъ въ верхъ по Эльбѣ, между живописныхъ ея береговъ. Сильная усталость не позволяла мнѣ вполне наслаждаться прекрасными картинами, которыя безпрестанно мѣнялись передъ глазами нашими.

Тетшенъ. Еще солнце не закатилось за горы, когда мы причалили къ практиру Саксонской и Богемской Швейцарій, на лѣвомъ берегу Эльбы, въ небольшомъ разстояніи отъ города Тетшена, лежащаго на противоположномъ берегу. Въ чистой комнатѣ, напившись Нешербургскаго чаю, и отдохнувъ нѣсколько, мы пошли въ купальню. — Здѣсь минеральная вода почти того же свойства, какъ и въ Шандау. Строеніе, гдѣ ванны, и самыя ванны лучше и дешевле, нежели тамъ, но посѣщителей гораздо меньше. Близость Шандау отъ Дрездена, гдѣ проживаетъ такъ много иностранцевъ, положеніе его почти въ срединѣ Саксонской Швейцаріи доставляютъ его минеральнымъ водамъ, хотя мало знаменитымъ, множество посѣщителей, между тѣмъ и Иозефсбадъ лежатъ въ мѣстахъ предѣльныхъ: окружности Тетшена считающагося живописнѣйшими въ Богеміи,

Вечеръ былъ тихій и прекрасный; но усталость не позволяла намъ иначе наслаждаться онымъ, какъ сидя у окна. Внизу передъ шракширомъ, на небольшой площадкѣ, у самой пристани, свѣдѣли Богемцы, играли въ каршы, курили шрубки и пили пиво; милое *Was schaffen Sie?* раздавалось безпрестанно. Вдругъ богатая лодка, съ марьядными гребцами, показала на Эльбѣ и причалила къ берегу. Трактирщица бросилась къ пристани, любопытные за нею. Черезъ минуту, всѣ воропились къ пиву и къ каршамъ — и лодка тихо поплыла далѣе. Въ шракширѣ всѣ компаньи были заняты; я слѣдовала глазами за лодкой. Она мнѣ напомнила Петербургъ — и я, забывшись, ежесекундно ожидала услышать звукъ рожка и Русскую пѣсню.

На другой день по утру, переправившись мы на шу сторону въ Тешмень. Этого городокъ принадлежитъ Князю Клару. Чувствуя еще усталость послѣ вчерашней прогулки, мы съ трудомъ вскарабкались на утесъ, на вершинѣ котораго построены замокъ. Въ саду, окружающемъ его, большой порядокъ, въ оранжереѣ много рѣдкихъ растений; съ нѣкоторыхъ бесѣдокъ видъ очаровательный. Спрашно возвышается замокъ надъ Эльбою; ошавский утесъ, надъ кошо-

рыть онъ спомпъ, сосщавляешь почти прямую линію съ его спъною. Архитектура замка непріятна: видно, что не въ одно время построены части его. По крушой шропникъ спустились мы внизъ, къ самой приспани, гдѣ насъ ожидала лодка.

Не доѣзжая деревни Герникрешченъ, мы вышли на правомъ берегу Эльбы, чшобы заглянуть въ Dürregrund. Громады камней, покрытыхъ мохомъ, а кое-гдѣ кустарничкомъ и деревьями, сосщавляютъ спъны сего дебря. Внизу вьешся по камнямъ же узкій ручей, который приводитъ въ движеніе узкое, но огромное колесо мельницы. Положеніе сей мельницы живописно. Какъ корабль во время бури, между разъяренныхъ волнъ океана, шакъ она спомпъ между чудовищныхъ скалъ и камней сей дебри; мы прошли далѣе за мельницу. — Здѣсь царствуетъ вѣчная прохлада; изъ ущелій ушесовъ струятся источники; горныя расщелія покрыты блестящими каплями, какъ будто послѣ крупнаго дождя; голые камни очернены водою, что, увеличивая ихъ дикость, придаетъ болѣе возвышенности всей картинѣ.

Изъ Шандау поѣхали мы водою же далѣе къ Дрездену. Не спану описывать шесъ величественныхъ и разнообразныхъ кар-

пинь, кошорыми мы не преснавали любовашся. Грозные Кеннгшшейнь и Ли-
 лкеншшейнь, дереушка Рапенъ съ развалина-
 ми замка, высокая скала Басшей, пріашный
 городокъ Ведень, все сіе придаешъ разно-
 образіе и прелешъ очаровашельнымъ бере-
 гамъ Эльбы. Уже смеркалось, когда прича-
 лили мы къ городу Пирнъ. Въперъ дулъ хо-
 лодный, и мы, не взявъ съ собой шинелей,
 прозябли порядочно. Вышедъ изъ лодки, пу-
 снулись мы бѣжашъ по улицъ; сзади насъ
 проводникъ съ узломъ за паечами. Жители
 города смотрѣли на насъ съ удивленіемъ;
 многіе вѣроятно думали, что мы вырвались
 изъ Зонненшшейна (*). Въ пракширъ Бѣлаго
 коня, напившись Нѣмецкаго чаю съ кори-
 цей, пошли мы на почшу, и заплашивъ ва-
 генмейстеру полнора шалера, съѣли въ по-
 койную коляску, и повѣхали въ Дрезденъ.

(*) За городомъ Пирною, стоишъ на возвы-
 шеніи замокъ Зонненшшейнь, гдѣ учреждена боль-
 ница для несчастныхъ лишившихся умствен-
 ныхъ способностей. — Это заведеніе одно изъ
 лучшихъ въ Европѣ.

III.

ЛИТЕРАТУРА.

О существенности въ Литературѣ.

Каждая эпоха имѣетъ особенный свой обликъ. Вкусъ общесѣва измѣняется также, какъ и вкусъ частнаго лица, и подобно какъ ино, что насъ утѣшало въ дѣтствѣ, перестаетъ намъ нравиться въ юношесствѣ, а удовольствія сего крайковременнаго періода жизни не манятъ уже насъ въ возрастѣ зрѣломъ: такъ нравственные или умственные забавы обществъ мѣняются по времени и обстоятельству, правящимъ каждую эпоху.

Есть вѣки, преобладающіе или Писателя и или Философа только мыслей и чувствованій. Точно, или не со всѣмъ точно все сіе будетъ выражено, — о томъ они мало заботятся. Воображенію открыто свободное пространство, и Поэтъ или Философъ могутъ, такъ сказать, припоривать его по волѣ и прихоти: выдумывай и выискивай — вопль чего пребудетъ толпа. Таково было опланичительное свойство Литературы среднихъ вѣковъ; Аравія была ея колыбелью, и Писателю сію Мавры принесли съ собою въ Европу. Стихотвор-

творцы сей алчгой къ вымысламъ эпохи назывались *Труверами* или *Трубадурами*: слово сіе весьма точно опредѣляетъ и наклонность народовъ того времени, и средства, каковыя Писатели употребили, чшобъ удовлетворить сей наклонности (*). Общество человеческое было еще въ дѣтствѣ: для забавы ему нужны были только сказки.

Въ этомъ родѣ сочиненій, южные Французы служили образцемъ Испаніи, даже Италіи, до того времени, когда Аріосто — Гомеръ Повзін, основанной на одномъ воображеніи, — стала гораздо выше своихъ предшественниковъ, и заключилъ превосходнѣйшимъ твореніемъ вымысла, прелести и проспошы Литературу среднихъ вѣковъ.

Творецъ *Неистоваго Орланда* въ самомъ дѣлѣ заключилъ собою длинный рядъ *Труверовъ*, кои разлили столь яркій свѣтъ на первоначальную Литературу Европейскую.

Тассо, явившійся послѣ него, писалъ не по одинакому съ нимъ вдохновенію. Не кочевое воображеніе Арабскихъ расказчиковъ господствуетъ въ его повѣствованіяхъ, разнѣранныхъ по образцу Древнихъ. Если онъ и

(*). Trouvère или Troubadour (Trouveur) значить по-Руски *изобрѣтатель* или *выдумщикъ*.

Прим. Р. Пер.

употребляешь новыя понятія и повѣрья, то всегда, не вводя еще ихъ въ свою эпопею, совѣдуешься съ Гомеромъ и Виргиліемъ.

Аріосто истощилъ обильный рудникъ вымысловъ романтическихъ. Другіе за нимъ хотѣли также вывести на позорище исполиновъ и Фей; но какъ они повсюду только то, что тысячу разъ до нихъ было пересказано, и что геній Пьвца Феррарскаго сдѣлалъ своею собственностію, то все сіе наскучило ихъ слушателямъ. Должно замѣтить, что пресыщеніе всегда является слѣдомъ за съемками съ швореній образцовыхъ.

Тогда вкусъ преобразовался: начали желать меньше воображенія, а больше искусства и ума въ соображеніи способовъ нравиться и шрөгашь. Тассо пошелъ симъ путемъ, и, руководствуясь Древними, замѣнилъ классическою правильностію неограниченную свободу Поэшовъ XII вѣка и ихъ послѣдователей. Доказательствомъ тому, что понятія общества перемѣнились, служишь Европейскій успѣхъ *Донъ-Кихота*, скоро послѣ того появившагося. Если бы сія книга появилась лѣтъ за сто прежде, то была бы или осмѣяна, или пропущена безъ вниманія; скажемъ болѣе: она бы не существовала. Сервантесъ былъ только остроумнымъ испол-

ковашелемъ своего вѣка. Рыцарство исчезло уже изъ нравовъ того времени, и порожденная имъ Литература должна была съ нимъ и кончаться.

Люди стали желать чего нибудь положительнаго, и для того обратились къ Литературѣ древнихъ, сохраненной монахами. Во Франціи, подражаніе Грекамъ и Римлянамъ долго носило на себѣ печать грубаго обожанія. Мало по малу, Словесность Французская сбросила съ себя рабскую зависимость, и, подъ чужеземными формами, можно было по крайней мѣрѣ узнать Музу Французскую, соблюдающую и въ самыхъ препонахъ, ей полагаемыхъ, видъ ловкости и естественности, по которому можно было бы подумать, что она совершенно свободна.

Въкъ Людовика XIV зрѣлъ поржество и конецъ сей Литературы, отечественной въ сущности, но чужеземной въ формахъ своихъ, которая дѣйствовала произвольно и безъ философической цѣли. Писатели сочиняли книги для славы своей, для забавы или насмѣвленія своихъ единосемцевъ, и ни сколько не для доказательства, что такое-то ученіе, та или другая система есть лучшая. Въ одномъ только Таршюфѣ замѣтно нѣчто болѣе простаго намеренія написать Комедию. Можно такъ подумать, вспомя, что

Мольеръ былъ ученикъ Гассенди и другъ Дебарро: сія-то предшествовавшая школа можетъ быть, образовала ту, которая имѣла столь сильное вліяніе на вѣкъ послѣдовавшій.

Воопырь былъ знакомъ съ славною *Нинной де Ланкло*, которая, какъ извѣстно, завѣщала ему въ своей духовной частѣ наслѣдства. Бывъ еще очень молодъ, онъ обнаружилъ ядкую свою пылкость, доказывающую; что уже тогда, особенно предъ концемъ царствованія *Людвика XIV*, духъ критики быстро распространялся. Это была Философія тогдашняго времени: ее омыщешь въ твореніяхъ самыхъ возвышенныхъ, какъ и въ самыхъ маловажныхъ: въ Эпической Поэмѣ и въ Романѣ, въ Трагедіи и въ пьескѣ существенность не составляла тогда главной потребности умственной. Давайте намъ больше *Персидскихъ писемъ*, швердали въ книгопродавцы; а что значило: давайте намъ эпиграммы и сатиры. Публика мало заботилась о томъ, подлинно ли *Оросманъ* и *Чингисханъ*, *Заморъ* и *Альваресъ* говорятъ сообразно историческому ихъ характеру, повѣрьямъ и народнымъ предразсудкамъ. Довольно было, чтобы, подъ вымышленнымъ или приданнымъ именемъ, дѣйствующее ли-

це говорило какія либо философическія положенія, и опголоски его опшкликались по всему шешпру. Съ симъ условіемъ, публика просила бы *Магомету*, когда бы онъ началъ даже изъясняшсь, какъ Энциклопедисшъ.

Съ перемѣною обшюдшельствъ, перемѣнилось и направленіе умовъ. Посему Кришника не ешть уже первая пошребность умовъ, и мы шеперь болѣе всего просимъ у шъхъ, кошорые досшавляющъ намъ пошребности умшвенныя — *сущестшвенности*. Нынь уже ничѣмъ не можно извиништь шого, что нарушашшь истшину или правдоподобіе; дабы приковашть наше вниманіе, не довольно поняшій и чувшшвованій, когда они опшчуждены опъ *сущестшвенности*, ш. е. самаго вѣрнаго подражанія предметамъ, кошорые хошшимъ изобразишть.

Посшараемъ доказашть это примѣрами.

Долгое время Ишпорія была шолько одшобразнымъ спискомъ рожденій, бракосочешаній, бишвъ, возвышенія и паденія Ввицешосцевъ. О нравахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ и шребіи народовъ Ишпорики почти вовсе не говорили; едва упоминали они о сословіяхъ, комъ принимали участіе въ судьбѣ своихъ сошплеменниковъ.

Философы осьмнадцатаго вѣка и Писатели, прошивъ ихъ восплававшіе, пытались передѣлать Исторію; но здѣсь вмѣшались спраси и личности. Обѣ спороны въ историческихъ памянникахъ искали болѣе оружія другъ прошивъ друга, нежели вѣрнаго изображенія времени прошекшихъ. Спранное дѣло! шѣ и другіе извлекали изъ однихъ событий послѣдствія, совершенно прошивополжныя. И шѣ и другіе были неправы, пошому, что хотѣли ввести обстоятельсва частныя, отдѣльныя и малозначашія въ порядокъ систематической, гдѣ все постоянно и правильно. Словомъ, обѣ спороны видѣли въ событіяхъ только то, что могло подкрѣплять ихъ мнѣнія или системы.

Мало времени прошекло съ шѣхъ поръ, какъ мы перемѣнили мысли свои на счетъ шочки зрѣнія, съ кошорой должно смошрѣть на прошедшее, дабы хорошо судить о немъ. Сначала можешь показашься спраннымъ, что Романистъ первый довелъ до общей нашей пошребности—видѣть рядъ картинъ вѣрныхъ и свободныхъ опъ всякой личности и пристрашія на мѣсто шѣхъ ненадныхъ абрисовъ, въ конхъ Писатель показывалъ предметы только съ шой спороны, кошорая льстила ея воображенію или предразсудкамъ.

Подивись же, какъ крипики Аристо-
шелевской школы безошибочны и прозрач-
ны въ своихъ приговорахъ!

Историческій Романъ, порожденный во
Франціи, былъ сперва принятъ съ явнымъ
неблаговоленіемъ. Преемники *д'Обиньяковъ*
и *Ле-Батте* возопили противъ нарушенія
правиль и смѣшенія родовъ, вѣсно того,
чтобы возшашъ противъ посредствен-
ности и погрѣшностей въ исполненіи. Это
былъ новый уродъ, который, какъ и *Мело-*
драма, не происходя отъ колѣна Аристо-
шелева, не могъ быть *живущъ*, или могъ
только породить жалкихъ выкидышей.

Вдругъ человекъ, дара возвышеннаго, за-
владѣлъ симъ несчастнымъ созданіемъ — и
увидѣлъ, что можно освѣжить вялый вкусъ
его современниковъ. Вальшеръ Скопшъ про-
извелъ революцію не только въ Романъ, но
и во всей Липерапуръ.

Чему припишешь исполнскіе успѣхи Пи-
сателя, который, въ сочиненіяхъ своихъ, по
большей части, ограничивался списываніемъ
уголка на своей родинѣ, безвѣстной почти
всей Европѣ? *Существенности* природы,
мѣстъ, нравовъ, свойствъ частныхъ и лицъ,
изображенныхъ имъ въ своихъ картинахъ.
До него, прошедшее было намъ вовсе невѣ-
домо; мы не имѣли ни малѣйшаго понятія,

*

какую жизнь вели наши предки въ своихъ замкахъ, хижинахъ и дѣсахъ. Когда Вальперъ Скопшъ явился, то можно было подумашъ, что онъ, будучи одинъ изъ древнихъ вишляей, усыпленныхъ могуществомъ злаго колдуна, вдругъ просыпаешся, и рассказываетъ намъ, или еще болѣе, показываешъ во всѣхъ подробностяхъ общественную и частную жизнь нашихъ предковъ. Мы видимъ, что они дѣлающъ, какъ сражающъ, слышимъ, что говорятъ; мы находимся при ихъ играхъ, на ихъ пирахъ; мы очевидцы ихъ бѣдсвѣй и шревогъ, какъ будто бы все сіе происходило въ наши дни, или какъ будто бы мы нѣсколькими вѣками помолодѣли. Вальперъ Скопшъ содѣлался современникомъ шѣхъ эпохъ, копоры описалъ; никакая спрашн, никакой предразсудокъ его не увлекаемъ, или лучше сказашъ, онъ совокупилъ въ себя спрашни и предразсудки всѣхъ своихъ дѣйствующихъ лицъ.

Сей Писатель, будучи еще болѣе оспроумень, нежели ученъ, превосходно оправдалъ нашъ вѣкъ отъ упрековъ въ безплодность, по копорымъ могли бы подумашъ, что Дитерапура XIX столѣтія была изсохшее дерево, никогда недоженствовавшее приносить плода.

Вальшеръ Скопшъ особенно удивляетъ *существенностію*, кошорою дышашъ его творенія. Можно найши у нѣкошорыхъ изъ его предшешвенниковъ, и даде у его подражашелей, больше искусва въ составленіи сцезъ, больше еспрасши въ характерахъ и занимашельности въ положеніяхъ; но никшо не посшигъ, какъ онъ, некусва *осушествлять* свои предметы. Онъ умѣешъ придашъ *жизнь* своимъ лицамъ и окружающимъ ихъ предметамъ — и эшо ушвердишъ за нимъ надолго преимущесшво надъ всѣми его соперниками.

Исторія, въ собшвенномъ смыслѣ, пошла пупешъ, кошорый проложилъ Романисъ Шощландскій. Гвизо, первый изъ Французовъ, явилъ въ историческихъ своихъ изслѣдованіяхъ совершенное безприспраштіе опносительнo къ лицамъ и дѣламъ нашего времени; онъ искалъ въ Исторіи только истины, опшоживъ въ ешорону всѣ ешшемы и всѣ мнѣнія.

Г. Бараншъ пошелъ еще даде. Онъ оставилъ себъ въ обязанность *переводить* нравы и дѣла временъ прошедшихъ, не присошвокупая къ нимъ никакого замѣчанія, ни хришки, ни похвалы.

Наконецъ, Г. Тьерри пополнилъ сей новыи способъ писашъ Исторію, воскрешая

въ ней племена, исчезнувшія при разрушеніи царствъ, или смѣшавшіяся съ поколѣніемъ своихъ побѣдителей; и сіи племена являющіяся намъ въ собственнѣйшей ихъ одеждѣ, съ ихъ нравами, върою и народностью. До сихъ поръ Исторія новая была не что иное, какъ сухой ошовъ: Вальшеръ Скопшъ, Бараншъ и Тьерри возвращали ей жилы, плѣо и цвѣшъ.

Можешь бышь, со временемъ, мы разсмотримъ, должна ли *существенность*, столь удачно введенная въ Романъ и въ Историю, распространиться и на другія отрасли Словесности.

Съ Фр. О. Сомовъ.

IV.

АНТИКРИТИКА.

О новомъ изданіи Французско-Россійскаго Словаря.

Прочитавъ въ 22-мъ No Сына Ошечесва на 1825 г. кришику на 3-е изданіе Французско - Россійскаго Словаря, изданнаго мною въ шомъ же 1825-мъ году, нахожу себя вынужденнымъ сдѣлать на оную нѣкоторыя замѣчанія.

Не входя въ споръ и сужденія съ Г. Рецензентомъ о замѣченыхъ имъ недоспашкахъ Словаря и ископорыхъ словъ, неудачно переведенныхъ, о чемъ можешь мыслить и пишешь каждый посвоему, обращаюсь только къ тому пункту, гдѣ онъ, Г. Рецензентъ, рѣшился сказать: „чувствующіе недоспашки первыхъ двухъ изданій Словаря Тапищева (*) напрасно шануть прибѣгать къ помощи сего, шакъ называемаго, шрешьяго; ибо они узнають въ немъ спараго своего знакомца (ш. е. послѣднее изданіе Словаря Сп. Совѣш. Ив. Ив. Тапищева. М. 1816. (**), опъ слова до слова перепечашаннаго, и даже со всѣми его ошибками, недосмошрами, граммашическими и шипографашическими несправноштями.“

(*) Въ первомъ изданіи Французскаго Словаря 1786 г., Сп. Совѣш. Иванъ Ивановичъ Тапищевъ не упоминается, а на шипуль шпораго означено что онъ исправилъ и дополнилъ оное.

(**) Мнѣ извѣстно, что сіе изданіе 1816 года издано сыномъ Спашскаго Совѣшника Ивана Ивановича Тапищева, дополнишела Вейшбрехшова Словаря, Спашскимъ же Совѣшникомъ Иваномъ Ивановичемъ Тапищевымъ, кошорый, при 2-мъ изданіи Вейшбрехшова Словаря, въ шрудахъ родишела своего не участвоваль.

Въ доказательство прошивнаго, повторю здѣсь сказанное уже мною въ предисловіи напечатанномъ въ помѣ же Словарь, чего не могъ не читать Г. Рецензентъ:

„Покойный содержатель Императорской Типографіи и книгопродавецъ, Коллежскій Ассесоръ Ив. Ив. Вейшбрехтъ, предпринялъ издать Россійскій переводъ Словаря Академіи Французской, съ присовокупленіемъ словъ, до Наукъ, Художествъ и ремеслъ касающихся. Извѣстнѣйшіе тогда ученые люди приглашены были къ сему труду, кошорымъ они занимались двѣнадцать лѣтъ. Но сіе важное предпріятіе, при всѣхъ стараніяхъ и пожертвованіяхъ Г. Вейшбрехта, не достигло бы своего конца, если бы не было сдѣлано Всемилосерднѣйшаго вспоможенія отъ Великія Екатерины II, покровительствовавшей всѣ Науки и Художества, и обыкшей щедростями своими ободрять всякія начинанія, какія только признавала Она общепольными.“

„Поощренный шаковымъ милосердіемъ на предпріятіе его возрвнѣемъ и вспоможеніемъ Августѣйшей Покровительницы, Г. Вейшбрехтъ приступилъ къ печатанію въ своей типографіи означеннаго Словаря, и выдалъ оный въ свѣтъ въ 1786 году, подъ названіемъ: *Полный Французскій*

и Россійскій Лексиконъ, — съ послѣдняго Лексикона Французской Академіи на Россійскій языкъ переведенный Собраніемъ ученыхъ людей.

„Желаніе Г. Вейшбрехта доставить публикѣ полнѣйшее и исправнѣйшее изданіе, равно какъ и благосклонное принятіе ею перваго изданія сего Словаря, заставили его собирать поправки и дополненія, болѣе или менѣе важныя, для втораго изданія.—И какъ всѣ экземпляры перваго были въ короткое время раскуплены, то и просилъ Г. Вейшбрехтъ покойнаго Г. Спашскаго Совѣтника (бывшаго попомъ Двѣшвишельнымъ Спашскимъ Совѣтникомъ) Ив. Ив. Тапищева принять на себя трудъ, сей Словарь вновь сличить съ Французскимъ подлинникомъ, дабы исправить и дополнить его. Г. Тапищевъ сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя поправки и множественно дополненій. Такимъ образомъ напечатано было въ типографіи Г. Вейшбрехта и его же издвеніемъ, второе изданіе Французско - Россійскаго Словаря, подъ слѣдующимъ названіемъ: *Полный Французскій и Россійскій Лексиконъ, съ послѣдняго изданія Лексикона Французской Академіи на Россійскій языкъ переведенный. Второе изданіе, рачительнѣйше сличенное съ Французскимъ оригиналомъ, исправленное и до-*

полное Статскимъ Советникомъ Ив. Таищевымъ.

„По смерти Г. Вейтбрехта, последовавшей въ 1802 году, приобрѣлъ я, покупкою ошъ исполнишей духовнаго завѣщанія его, всѣ оставшіяся послѣ покойнаго Россійскія книги, въ томъ числѣ и вышесказанный Словарь, съ правомъ всегдашняго владѣнія и печатанія оныхъ.“

Изъ сего ясно видно, что первый издатель онаго Словаря былъ Г. Вейтбрехтъ, который напечаталъ своимъ изданиемъ два изданія: 1-е Переведенное собраніемъ ученыхъ людей, 1786-го, и 2-е дополненное для него же Г. Вейтбрехта Ст. Совѣш. Ив. Ив. Таищевымъ, 1798 года; — съ сего-шо самаго вперваго изданія и напечаталъ я нынѣшнее шрешіе изданіе съ новымъ дополненіемъ, чему можешь служишь доказательствомъ и оригиналь онаго изданія, сошюяцій изъ печашнаго 1798 года и письменнаго къ оному дополненія, храняційся въ С. Пешербургскомъ и Московскомъ Цензурныхъ Комитешахъ; для сличенія же любительямъ Лексикографіи, прилагаю при семъ *выписку* (*), безъ всякаго выбора, начиная съ первыхъ страниць буквы А. изъ всѣхъ шрехъ

(*). Выписка приложена въ концѣ сей книжки С. О.

изданій Словарей, 1798, 1816 и 1824 годовъ напечатанныхъ: — таковымъ порядкомъ напечатаны всѣ сіи изданія опъ А до Z, по еспь, главнымъ основаніемъ обомъ послѣдующимъ служило изданіе 1798 года, по всей справедливости сповившее болѣе всѣхъ трудовъ и издженія первому Издашелю и шрудившимся надъ сосшавленіемъ и переводомъ. Г. Ташищевъ, удержавъ почти все, что было переведено шѣми учеными людьми въ 1786 году и дополнено родишелемъ его при шпоромъ изданіи 1798 года, издалъ подъ своимъ именемъ Словарь въ 1816 году, прибавивъ шолько опъ себя къ шѣмъ шрудамъ новое чїсло словъ, и шакъ неувидишельно, что мое изданіе, какъ выше сказано, напечатанное съ изданія 1798 года, оказалось шакъ сходно съ его Словаремъ, что даже, по замѣчанію Рецензента, и погрѣшности въ нихъ одинаковы. Сей Словарь и не выдавался за вновь сосшавленный. Преимущество одного изданія передъ другимъ сосшопшъ шолько въ счетъ дополнишельныхъ словъ, чему предлагается здѣсь для примѣра счисленіе: въ буквѣ А, изданія 1798 года, находишся словъ и рѣченій съ Фразеологіею 3508; въ изданіи 1816 года 4852, а въ изданіи 1824 года 5977; но большею частію прибавочныя слова безъ фразеологій. Такимъ образомъ умножены и

всѣ прочія буквы Словарей, а нежному дѣйствительно Словарь 1816 года превосходилъ полноюю словъ изданіе 1798 года, такъ, какъ Словарь 1824 года, имѣешь въ томъ же преимуществѣ предъ изданіемъ 1816 года.

Чтожь касается до того, будто дополненія въ моемъ изданіи сдѣланы нѣ же, что и въ Словарь Г. Ташищева 1816 года, то и сіе подвержено сомнѣнію; ибо особы, занимавшіяся дополненіемъ сего изданія, сколько извѣстны ученостію своею, сполько и по опправляемымъ ими по ученой часпи должностямъ, имѣли многіе способы, кромя того Словаря, изъ коего могли заимствовать;—впрочемъ сіе до меня ни мало не касается, а отношися прямо на счетъ Гг. дополнишелей; для чего я вновь повторяю изъ того же моего предисловія, гдѣ сказано, что „я согласна нѣкоторыхъ ученыхъ людей, для блага общаго, принявъ на себя трудъ вновь пересмотрѣть весь Словарь, (*) испра-

---

(*) Не говоря о множествѣ поправокъ въ переводѣ словъ, одно полько *собрание вновь прибавленныхъ словъ и рѣченій* проспирается до 30,000 и занимаетъ слишкомъ 50 листовъ, напечатан. мелкимъ шрифтомъ, или болѣе 800 страницъ, прошивъ вшораго изданія, такъ, что, вмѣстѣ двухъ, необходимо должно было раздѣлить весь Словарь на чешыре тома, въ большую осьмушку.

вишь и дополнишь его всѣми нужными словами и примѣрами;“ сѣдовашельно желаніе мое было, какъ Издашеля, споспѣшествовать общей пользѣ и удовлетворишь публику сколько возможно полнымъ и исправнѣйшимъ предъ прежними Французско-Россійскимъ Словаремъ, на что я не щадилъ никакихъ издержекъ; но и за тѣмъ, въ печеніе являясь, какъ и въ предисловіи моемъ сказано, едва приведу къ окончанію печатаніе того Словаря.

Нынѣ, къ удивленію моему, нахожу кришкѣ неизвѣснаго мнѣ сочинителя, копорый, вѣроятно, имѣлъ цѣль или удержишь меня ошъ полезныхъ моихъ начинаній, или уменьшишь достоинство Словаря, благосклонно приняшаго учебными заведеніями и публикой, и носнавишь какъ меня, такъ и Гг. дополнишелей того Словаря, совсѣмъ въ прошивномъ дѣлу видѣ!

Иоанъ Глазуновъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ.

Молися Богу, Русь святая!
 Свершай торжественный объѣздъ:
 И кровь и жизнь — за НИКОЛАЯ!
 Какъ живошворный Божій свѣтъ,
 Намъ благодатенъ Царь надежный.
 Восшелъ на Тронъ . . . и въ прахъ мятежны . . .
 И адскій умыселъ открышь.
 Въ младомъ Царѣ — Небесъ Содѣтель
 Всю Вѣнценосцевъ добродѣтель,
 Все счастье подданныхъ явишь.

Довѣренность, любовь къ народу
 Царю — всѣ души привлекушь;
 И позднему попомковъ роду
 Россіяне передадутъ:
 „Что НИКОЛАЯ Тронъ священный,
 „Любовью Россовъ оскверненный . . .
 „Благословишся ошь Творца.
 „Его оплошь — любовь прямая,
 „Его полки — вся Русь святая,
 „Его щипы — сыновъ сердца.“

А пошь не Россъ, кшо аду внемлешъ,
 Мясешнымъ пламенемъ горишь . . .
 Его душевна казнь объемлешъ;
 Ему громами въ слухъ гремишь
 Проклятіе изъ рода въ роды;
 Онь ужасъ Неба, срамъ природы,
 Страшилище вселенной всей!
 Монархъ! забудь сихъ жершвъ геенны:
 Россіане прямые — вѣрны,
 Привыкли обожашъ Царей.

Входи съ надеждой, Солнце наше!
 Тебѣ — въ душахъ опшверстъ алшарь.
 Для чадъ Твоихъ, чшо въ міръ краше,
 Какъ Царь Ошець, любимый Царь?
 Люби, люби насъ . . . Благодашний!
 Намъ жизнь Тебѣ вручишь пріятно,
 Намъ сладосшно дышашъ Тобой.
 Мясешныхъ сокрушая выи, . . .
Содѣлай счастье Россіи . . .
 И Небеса утѣшь — Собой.

Степанъ Висковатовъ.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ОЗОРЪНІЕ ГЛАВНѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ

1825 года.

(*Окончаніе.*)

Испанія. Въ сей землѣ нѣсколько разъ проглядывало солнце мира и пишины изъ за бурныхъ шучь, и опять скрывалось. Благословенная дарами природы Испанія, нѣкогда обладавшая ббольшею частію Америки и безчисленными другими колоніями, нынѣ пришла въ изнеможеніе, бѣдность и безсиліе. Виновяки мяшежей и безначалія, пошворщики злоупотребленіямъ и неправосудію, минущіе временщики, сыны слѣпаго случая! взгляните на плоды дѣлъ вашихъ! Да послужашь, по крайней мѣрѣ, ваши заблужденія, ошибки и пресупленія въ пользу грядущихъ поколѣній! Да пожнущь внуки *радостію*, что предки посѣяли *слезами*! Да водворитесь въ землѣ сей царство законовъ, да ушвердитесь древній престоль ея на правосудіи, и да низринутся въ пропасть враги своего ошечества, которые, для насыщенія своей жадности къ суешной славѣ, къ злашу и

къ власни, попрали и священныя законы Религїи, и древнія права своихъ Государей и силчались распоргнушь узы, связывавшія подданныхъ съ престоломъ Царскимъ!

Въ началъ 1825 года, казалось, что Правительство Испанїи смягчило систему строгости, коей оно дополь сѣдовало; и къ принятію коей подали поводъ смущенныя обстоятельствва недавнихъ переворотовъ. Нѣкоторыя особы, находившіяся у Двора въ подозрѣніи и сосланныя въ провинціи, возвращены были въ столицу, и получили прещеніе. Сіе приписывали ходатайству Королевскаго шестя, Саксонскаго Принца Максимилиана, и вліянію перваго Министра Испанїи Зеа-Бермудеса. Онъ учредилъ въ половинѣ сего года, такъ называемую Юншу безопасности, для успокоенія Испанїи обузданіемъ неумѣренныхъ людей всѣхъ паршій. Нѣкоторыя особы, находившія, что благо Испанїи требуетъ совершеннаго и безусловнаго истребленія всѣхъ особъ, которыя малѣйшимъ образомъ подозрительны въ приверженности къ революціоннымъ правиламъ, вознегодовали на сіи мѣры. Генералъ Бессіеръ, бывшій прежде однимъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ Короля, дерзнулъ даже вооруженною рукою воспротивиться Правительству, и принудилъ оное къ принятію правилъ, сходствовавшихъ съ его обра-

зомъ мыслей. Сей мяшежникъ былъ разбитъ, взявъ въ павъ и казненъ. Испанское Правительство, желая показати, что оно равно намърено карати ослушаніе и мяшежь, въ какомъ бы видѣ оныя ни являлись, въ то же время предало законной казни звѣрскаго приверженца Конспишуціи, Генерала Эмпеси-надо, который, долгое время по успокоеніи Испаніи Французскими войсками, дѣйствовалъ противъ законной власпи. — Въ Сентябрѣ мѣсяцъ учреждена была въ Мадридѣ Юнга Совѣщательная: она состояла изъ особъ разныхъ званій, и имѣла цѣлю согласовати между собою противоборствовавшия партіи, исправить финансы, и рѣшити запруднительныя дѣла Американскія. Но успѣхъ не оправдалъ сихъ ожиданій. Министръ Зеа-Бермудесъ нашель для плановъ своихъ непреборимыя препяшствія, и принужденъ былъ уступити мѣсто свое Герцогу Инфантадо. Съ паденіемъ Министра рушились и Юнги, имъ составленныя. Въмѣсто ихъ возникъ Государственный Совѣтъ, въ новомъ образованіи. И въ ономъ, какъ кажется, дѣла Америки составяютъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ совѣщанія. Обширныя, богатыя владѣнія Испаніи въ Америкѣ опторглись ошъ оной въ самомъ началѣ войны ея съ Наполеономъ. Американскіе Испанцы

не хотѣли повиноваться ни Иосифу Бонапарте, ни Кадикскимъ Кортесамъ и ихъ уродливой Конспитуціи. По возстановленіи Королевскаго Правленія (въ 1814 году), не успѣли вновь подчинить сихъ провинцій власти Королевской. Испанскія войска долго прошивались успѣхамъ инсургентовъ. Наконецъ ослабленіе власти Королевской (въ 1820 году) и принятіе Кортесами разныхъ смѣшительныхъ мѣръ, въ разсужденіи Южной Америки, довершили сіе оппаденіе. Королевскія войска, не получая пособія изъ оппечесства своего, принуждены были уступить Боливару и другимъ предводителямъ Американскимъ. Наконецъ, въ исходѣ прошлаго года, сдалась инсургентамъ послѣдняя Испанская крѣпость въ Мексикѣ Санъ-Жуанъ д'Уллоа, а въ южной Америкѣ оспались во власти Королевскихъ войскъ только оспровъ Хилоэ и крѣпость Каллао: въ послѣдней, храбрый Генераль Родиль успѣшно прошивился всѣмъ силамъ Юго-Американскимъ. Между тѣмъ, Англія, обращая вниманіе на пользы торговли своей, и не надѣясь когда либо всупить въ сношенія съ Южною Америкою посредствомъ Испаніи, рѣшилась завести прямо съ оною коммерческія связи, за коими послѣдовали и пракшны съ тамошними обласпями. Франція равно-

мѣрно отправила шуда торговыхъ аген-
шовъ. Но сама Испанія лишена и сихъ вы-
годъ. Съ великимъ трудомъ успѣла она, по
испощеніи Корпесами казны ея, отпра-
вить экспедиціи въ Кубу и Порторико.
Дѣйствія оныхъ еще неизвѣстны. Новому Го-
сударственному Совѣту Испанія предле-
житъ рѣшеніе важнаго дѣла, попытаться ли
на покореніе Америки, или рѣшиться на
ограниченіе себя торговыми съ нею сноше-
ніями. Последнее легче, но перваго пребу-
ютъ Испанцы, которые не могутъ забыть
прежняго величія и силы своего отечества.

Португалія. Для рѣшенія разгласій съ
Бразилією, Португальскій Дворъ обратился
къ древней союзницѣ и покровительницѣ сво-
ей, Англіи. Лондонскій Кабинетъ отправилъ
въ Ріо-Жанейро Посланника своего Сира
Карла Стуарта, который въ короткое вре-
мя успѣлъ заключить договоръ между Пор-
тугалією и Бразилією, къ обоюдному удоволь-
ствію. Бразильцы, подобно прочимъ Юго-
Американцамъ, не хотѣли зависѣть отъ
Европы, но разность между ними и Испан-
скими инсургентами была весьма великая.
Въ Бразиліи царствуетъ родной сынъ и На-
следникъ Португальскаго Короля, имѣющій
въ супружествѣ дочь Императора Австрій-
скаго. Все способствовало къ примиренію

сѣхъ двухъ странъ. Наслѣдникомъ собственной Португальской короны будетъ, вѣроятно, Донъ Мигуэль, второй сынъ Короля, живущій теперь въ Вѣнѣ.

Италія наслаждалась въ печеніе сего года совершеннымъ спокойствіемъ. Въ Неаполь скончался престарѣлый Король Обѣихъ Сицилій, Фердинандъ IV, испытавшій всѣ превращенія судьбы во время революціи. Сынъ его, нынѣшній Король, Францискъ I, ознаменовалъ начало своего правленія ревностнымъ и успешнымъ стараніемъ исцѣлить послѣднія раны, нанесенныя опечествувъ продолжительными войнами и безпокойствами. — Папа Римскій, Левъ XII, торжествовалъ Юбилей или такъ называемый *Святый годъ*.

Всѣ Государства и области *Германскаго Союза* пользовались вообще тишиною, спокойствіемъ и благоденствіемъ. — Баварія лишилась почтеннаго, благодѣтельнаго Короля своего.

Австрійскій Императоръ короновалъ въ Пресбургъ Супругу свою, въ званіи Королевы Венгерской, послѣ чего происходило собраніе Сейма Венгерскаго Королевства.

Въ Скандинавскихъ Государствахъ, *Швеціи, Норвегій* и *Даніи*, въ Королевствѣ *Нидерландскомъ*, въ *Швейцарской Республикѣ*

не происходило дѣлъ, которыя могли бы имѣть вліяніе на общую судьбу Европы или какія либо важныя послѣдствія.

Турція. Еще не можемъ утѣшиться чишпедей нашихъ радостнымъ извѣстіемъ о прекращеніи жестокой брани въ юговосточной части Европы.

Порша, видя недосшаточность собственныхъ силъ своихъ, успѣла и въ прошекшемъ году склонить Пашу Египетскаго къ подаіію ей сильной помощи. Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ, Ибрагимъ - Паша, при пособіи многихъ Европейскихъ выходцевъ и Ренегатовъ, вооружилъ многочисленное войско, посадилъ оное на суда и двинулся къ Морю. Канари и другіе начальники Греческихъ брандеровъ не успѣли наспигнуть его на пуши. Ибрагимъ благополучно вошелъ въ гавань Модонскую, высадилъ тамъ свои войска, и осадилъ крѣпость Наваринъ, которая сдалась чрезъ нѣсколько недѣль, послѣ опчаяннаго, но безуспѣшнаго сопротивленія. Между тѣмъ Канари, прибывъ къ заливу Модонскому, сжегъ нѣсколько Египетскихъ кораблей, а Ибрагимъ пошелъ во внутренность Мореи, взялъ и разграбилъ Триполицу и Аргось, и хотѣлъ было покорить главную Греческую крѣпость въ Пелолоннезъ, Напо-

ли ди Романію; но Греки, собравъ всѣ свои силы, при помощи Европейскихъ же офицеровъ опразили лютаго врага. Ибрагимъ мѣшался нѣсколько времени во всѣ спороны, жегъ, грабилъ селенія, убивалъ жителей, увозилъ въ плавнь женъ и дѣтей, и возсѣвалъ прошивъ себя и шѣхъ Морейцевъ, которые, вражду съ господствующею партіею, сначала не хошѣли было ему сопрошивляться. Они удалились въ горы, и опшуда превозжили его непрерывно. Испоотивъ силы свои, онъ обратился опять къ Наварину и Модону: полагали, что онъ оставишь Морею; вмѣсто того, выждалъ онъ новое ополченіе изъ Египта, и присоединивъ оное къ себѣ, пошелъ къ сѣверу въ Пашрасъ, а опшуда къ Коринѣскому перешейку, въ намѣреніи, соединившись съ сухопутною арміею Решида-Паши, при пособіи флота Капшана - Паши, взять главное мѣсто Греческой независимости, крѣпость Миссолонги.

Храброму и искусному Решиду - Пашѣ поручено было, въ началѣ прошлагоднаго похода, взять крѣпость Миссолонгскую: онъ пронесся съ исполинскою силою своею по всей Элладѣ, но не достигъ своей цѣли. Греки съ неописаннымъ мужествомъ опразили отчаянные приступы. Гура напалъ на часть его арміи при Салонѣ и разбилъ ее,

послѣ чего всѣ силы Турецкія отступили отъ Миссолонги.

Первое выступленіе Паши Египетскаго изъ Дарданеллъ было неудачно. Греческій Адмиралъ Сахшурі, встрѣтивъ его между Капо-д'Оро и Андросомъ, вступилъ съ нимъ въ сраженіе, и въ девяти-часовой битвѣ, съжегъ значительное число большихъ и малыхъ Турецкихъ судовъ. Капипанъ-Паша съ остальными 52 судами прибылъ къ Миссолонгѣ, претерпѣвъ и тамъ новое пораженіе, и обратился въ Александрію. Тамъ былъ онъ принятъ Мегметомъ-Али съ великими почестями, исправилъ поврежденные суда свои, и изготавился къ новому походу. Частные успѣхи Ибрагима-Паши и нѣкоторыхъ другихъ Полководцевъ внушили Портѣ и помощникамъ ея, мысль испытать счастья въ зимнемъ походѣ, и ознаменовать начало онаго, взявъ, соединенными силами Ибрагима, Решида и Капипана-Паши, непреклонный Миссолонги. Кажется, по послѣднимъ изъ Греціи извѣстіямъ, что и сей планъ не удался. Миссолонгцы, призвавъ на помощь Бога и правое свое дѣло, опразили Решида; Ибрагимъ потерпѣвъ пораженіе близъ перешейка Коринесскаго, а Капипанъ-Паша, одержавшій сначала нѣкоторую поверхность

надъ Греческою эскадрою, въ послѣдствіи самъ понесъ чувствительную опъ нихъ потерю. Мы говоримъ *кажется*, по той причинѣ, что весьма трудно разобрать и согласовашъ между собою прешиворѣчащія въ разныхъ Газетахъ извѣстія о дѣлахъ Турціи. Въ Journal des Débats безпрестанно пишутъ о шоржествахъ Грековъ, а въ Австрійскомъ Наблюдателѣ о побѣдахъ, будто бы одерживаемыхъ Турками. Если бъ первыя извѣстія были совершенно справедливы, то Греція давно спяжала бы свою независимость, и съ другой стороны, если бъ реляціи Наблюдателя были истинны во всѣхъ пунктахъ, то Турки уже года за три предъ симъ покорили или испребили бы непокорныхъ. Истина находится въ срединѣ; но не современному Журналисту предославлено совершенно разгадывашъ сіи задачи! —

Внутреннее положеніе Греціи было въ прошедшемъ году не лучше прежняго. Вожди ея были почти въ непрерывномъ между собою раздорѣ, и въ этомъ заключается (какъ мы уже неоднократно замѣчали) главная причина неуспѣховъ ихъ. Одна партія хотѣла покориться Англіи (которая весьма благоразумно опъ того уклонилась), другая искала помощи у Филеллиновъ Французскихъ; прешья не хотѣла знать ни о какой чужой помощи, полагаясь на собственныя свои силы. При сихъ обстоятельствахъ неудивительно, что земледѣліе, промышленность, торговля, управленіе, правосудіе и финансы Греціи находящя въ разстройствѣ. Въ случаѣ даже освобожденія оной опъ Магометан-

скаго ига, не республиканское правленіе во-
дворишь въ ней порядокъ и благоустройство,
а швердай, сильная и благоразумная Монар-
хія, кошорая соединишь всѣ разсыянныя до-
нынѣ силы въ одну почку, и направишь ча-
стныя подвиги, пожертвованія и шруды къ
одной цѣли — общему благу Эллады, кошо-
рой Европа. обязанная ей просвѣщеніемъ, Искус-
ствомъ и Науками, не можешь не пожелать
всего возможнаго счастья подѣ сънію мира и
мишины!

VII.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛЮГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 6.

М е д и ц и н а.

23. *Руководство для преподаванія общей Патологии Ветеринарной*, изданное К. А. Швабомъ, Профессоромъ при Ветеринарномъ Училищѣ въ Минхенѣ. Переводъ съ Нѣмецкаго. М. въ шип. А. Семена, при И. Мед.-Хир. Ак. 1826. 170 и III стр. въ 8.

Я з ы к о з н а н і е.

24. *Kleine deutsche Grammatik, nebst einer Auswahl von Gedichten zu Uebersetzungsübungen.* Moskau, gedr. bei S. Selimanowsty, 1826. 98 стр. въ 6. 16.

И с т о р і я.

25. *Römische Lebensweise und Erziehung zu des Hörax Zeit;* fragmentarischer, aus Stel-

len des genannten Dichters entlehnter Geschichtsbeitrag von *C. A. Förster*, Dr. Lehrer an der Domschule zu Riga. Съ эпигр. Bonus tantummodo segnior fit, ubi negligas, at malus — improbior (Sallust). Zu einem wohlthätigen Zwecke. Riga; gedr. bei W. F. Häcker. 1826. 30 стр. въ 8.

С т и х о т в о р е н і я.

26. *Апологи въ четверостишіяхъ.* М. въ шип. А. Семена. 1826. 121 и IV стр. въ 6. 16.
27. *На кончину Государя Императора Александра Перваго. Стихотвореніе Михаила Дмитриева.* М. въ шип. И. Моск. Теашра. 1826. У содержателя А. Похорскаго. 12 стр. въ 8.
28. *Ода на срѣтеніе Московскими жителями тѣла незабвеннаго Монарха, Александра I, Императора Всероссійскаго. Сочиненная Александромъ Волковымъ.* М. въ Унив. шип. 1826. 8 с. въ 4.
29. *На прибытіе въ Москву тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра I. (Д. Ознобишина).* 3 стр. въ 4.
30. *Любопытнѣйшее въ мірѣ, или книга, содержащая въ себѣ описаніе изящнѣйшихъ произведеній природы и искусства, разсѣянныхъ по всей землѣ. Сочиненіе Г. Пропіака, служащее продолженіемъ его Достопамятностей въ мірѣ; съ присовокупленіемъ ошъ переводившаго нѣкошорыхъ избранныхъ сшашей изъ иныхъ Авшоровъ. Переводъ съ Французскаго. Съ гравиров. картинами.* М. въ

шип. С. Селивановскаго. 1826. Ч. I, XII
и 263 стр. Ч. II, V и 281 стр. въ м. 8.

С М Ъ С Ъ.

31. *Речь*, произнесенная Г. Попечителемъ, Дѣйствительнымъ Спашскимъ Совѣшникомъ и Кавалеромъ *Михиломъ Магницкимъ* въ торжественномъ Собраніи Императорскаго Казанскаго Университета, 17 Января, установленномъ по случаю Высочайше дарованныхъ въ сей день инструкцій Директору и Ректору. Казань, въ Унив. шип. 1826. II стр. въ 8.
32. *Gefühle bei der Nachricht vom Ableben des Ugeliebten Monarchen Alexander des Ersten.* Reval, gedr. bei Carl Dusso.

VIII.

С М Ъ С Ъ.

П и с ь м о к ъ И з д а т е л ю .

Позвольте обезпокоить васъ просьбою о поправленіи одной грубой ошибки въ переводѣ моемъ спашьи изъ Записокъ Г-жи Жанлисъ, во 2й кн. С. О., на стр. 181. Тамъ сказано: „Въ молодости онъ (женщины) вызжали неняче, какъ съ покрышою головою (въ канорахъ).“ Надлежало бы сказашъ: „не яначе, какъ въ сопровожденіи *пожилой женщины*.“ Въ подлинникѣ напечатано: *charegon*. Виновашъ! я перевелъ это слово *à la Грипусье*. Прибавлю, что я обязанъ симъ замчаніемъ и поправкою одной любезной дамѣ, у кошорой бы желалъ бышъ безсмыннымъ *шаперомомъ*.
А.....лій.

Февр. 6 1825.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № IV.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ВОЗВРАЩЕНІЕ Г-жи Жанлисъ во Фран-
цію, ОБЫЧАИ НОВАГО ОБЩЕСТВА.

(Окончаніе.)

Въ первые два года жизни моего въ Арсеналъ, продолжала я работать для Библиотеки Романовъ; попомъ, не желая ошъ влекать себя ошъ сочиненія большаго Романа, котораго было уже написано у меня довольно много, прекратила я свое участіе въ Библиотеку Романовъ, и тогда вшопъ Журналь пошеряль подписчиковъ. Писанный мною Романъ была *Герцогиня де ла Вальеръ*. Не за долго до его изданія, Г. Фъеве, бывшій въ перепискѣ съ Первымъ Консуломъ, зная, что ни я сама и никшо изъ моихъ родшвенниковъ не хлопональ о вознагражденіи меня за пошери, сказалъ мнѣ, что рѣшился написашъ къ Правителю о моемъ положеніи, васшавляющемъ меня жить шрудями. Я по-

благодарила Г. Фьева, но умоляла его не предпринимать того, что непременно должно было послужить ему во вредъ, потому что Первый Консулъ позволилъ ему писать только о Полиціи. Г. Фьева, не смотря на то, совершилъ свой великодушный поступокъ, и свидѣніемъ письма его было то, что ко мнѣ прислали Г. Ремюза (*), Двор-

---

(*) Г. Ремюза былъ поспешенно человѣкомъ свѣтскимъ, придворнымъ и должностнымъ. При Наполеонѣ былъ онъ первымъ Камергеромъ и Управляющимъ Театрами. Осплицительными чертами его характера были всегда чрезвычайная учтивость и искренность. Сей просвѣщенный любитель Искусствъ оказывалъ опмѣнное уваженіе къ шѣмъ, кто занимался ими. При возстановленіи Королевства, лихась придворныхъ должностей, вступилъ онъ на поприще гораздо важнѣйшее, на кошоромъ чрезвычайно осплицился. Бывъ Префектомъ, сначала въ Тулузѣ, потомъ въ Лиллѣ, онъ съ большимъ благоразуміемъ и швердосшію укрощалъ спрасши въ эпоху самую шрудную. Много помогла ему придворная ловкость его къ уничтоженію паршій. Съ большимъ искусствомъ покровишельствовалъ онъ промышленности, шорговлю и всѣ полезныя занятія. Въ особенності Сѣверный Департаментъ, одинъ изъ богатѣйшихъ и наиболѣе промышленныхъ во Франціи, обязанъ много его усердію и познаніямъ. Тамъ всдоминающъ объ немъ съ жи-

цоваго Префекта, чптобъ сказать мнѣ почтенныя слова Перваго Консула: „что если бы онъ зналъ о моемъ положеніи при самомъ возвращеніи моемъ во Францію, то я ни одной минуты не оставалась бы безъ пособія, и что онъ спрашиваетъ меня, какія средства полагаю я нужными къ моему счастью.“ Мои первыя движенія всегда романтическія, почему и ошвѣчала я, чпто живу очень хорошо своими трудами и никогда ничего не пошребую.

При изданіи въ свѣтъ *Герцогини де ла Вальеръ*, имѣла я большую надобность въ деньгахъ, почему и продала за сто лундировъ, на три года, Романъ, который въ печеніе двухъ лѣтъ имѣлъ 20 изданій. Въкъ Лудовика XIV вошелъ тогда въ большую моду.

Даже и Журналы опозвались очень хорошо объ этомъ сочиненіи; въ обществѣхъ шолько и говорили о Г-жѣ де ла Вальеръ; меня вспрѣчали не иначе, какъ произнося это имя съ эписетами: *прелестно, восхитительно*, шакъ, чпто наконецъ мнѣ очень

вѣйшимъ сожалѣніемъ и почтительностію. Г. Ремюза умеръ въ 1823 году, послѣ продолжительной и жестокой болѣзни. (*Пр. Фр. Изд.*)

наскучил, и я спала слушанъ эщи похвалы съ чрезвычайною разсѣянностію, какъ и доказала шо однажды у Г-жи Ласкуръ. Гостей было много; я сидѣла одна на канаве; ко мнѣ подошла очень умная и любезная дама (Г-жа Ремиза) (*), и сядясь возлѣ меня, по

(*) Похвала, сдѣланная здѣсь Графинѣ Ремиза особливо, которая никогда не измѣняла испинѣ, еснѣ справедливостѣ, въ какой не оиказалъ бы и не споль правдолюбивый авторъ женщинѣ, опличавшейся своими привлекательными качествами и умомъ.

Г-жа Ремиза, родившаяся въ Верженѣ, жила долго въ свѣшѣ, и при Дворѣ Императорскомъ. Она писала мало, но съ опличнымъ талантомъ. Оспавшееся послѣ нее сочиненіе (Опытъ о воспитаніи женщинѣ), издавное достойнымъ ея сыномъ, удивило воѣхъ просвѣщенныхъ цѣнителей глубокомысліемъ, скрытымъ подъ самыми замысловатыми и прелестными формами: эшо разсужденіе опытнаго Философа, а языкъ женщины любезнѣйшей и умнѣйшей. Все сочиненіе исполнено праводушія и чистѣйшей правопвенности, составляющѣя собственно характеръ самой Сочинительницы, и оспавившихъ въ память ей сполько искреннихъ сожалѣній. Никакая книга не можетъ приносить споль великой чести женщинамъ нашего вѣка, какъ эшо произведеніе Г-жи Ремиза, и никакая похвала не превыситъ изображенія, въ кошоромъ она неумышленно предспавила сама себя. (Пржм. Франц. Издатель.)

обыкновенію, стала говорить мнѣ о Г-жѣ де ла Вальеръ. Въ эпоху вечеръ слышала я подобныя похвалы уже болѣе придцати разъ, и пошому, въ совершенномъ разсѣлнн, опвнчала ей машинально: *да, это прелестно, восхитительно.* Изобразившееся на лицѣ Г-жи Ремиза удивленіе привело меня въ себя; я поправилаь, рассказавъ ей чистосердечно причину, кошорая показалаь ей очень просна, заставила ее хохоташь и рассказывашь эпоху анекдотъ нѣсколько дней. Но не съ такою безпечностію приняла я похвалу, полученную опъ одной изъ моихъ пріятельницъ, Г-жи де Бонъ, въ слѣдующей запискѣ, кошорая привела меня въ нешпнный восторгъ:

„Скажу вамъ, милая моя, что Первый Консуль читалъ *Г-жу де ла Вальеръ* шрешьего дня—не могъ выпуститиь книгу изъ рукъ, и плакаль. Эшо совершенная истина; мнѣ рассказывалъ о шомъ Г. Фоншанъ, слышавшій опъ него самого. Маринье утверждаетъ, что я посылаю къ вамъ слезы Консула, и что эшо лучше похвальныхъ стиховъ. Онъ видѣль, какое чрезвычайное удовольствіе доставляешь мнѣ эпо. Прощайше. Люблю васъ больше своей жизни.“

Эта записка меня воскишила; я гордилась, заставивъ плакашь шого, кто возмшанъ

вилъ тишину въ моемъ опечесивѣ — кшо освободилъ его опъ анархіи — кшо былъ первымъ воиномъ своего вѣка. Въ восторгѣ, опъ сего успѣха, написала я стихи, копорые шопъ же часъ послала къ Г-жѣ де Бонъ. Она опдала ихъ Г-ну Фоншану, копорый немедленно вручилъ ихъ Первому Консулу. Жалѣю, что не оставила себѣ копиі. Стихи написаны были съ силою, копорую даюшь всегда чувствво и истина.

По случаю изданія шого же Романа, получила я шакже письмо опъ славнаго цѣнителя (Г. Фьеве). Вошь оно:

„Человѣка, принесшаго мнѣ *Герцогиню де ла Вальбергъ*, оппустилъ я безъ записки, пошому, что хошѣлъ послашь къ вамъ не одну благодарность, а что нибудь болѣе; шеперь я прочиталъ до страницы 109^а, и вздумалъ написашъ къ вамъ.

„Предисловіе ваше хорошо, а сочиненіе лучшее изъ всѣхъ, какія вы написали, лучше всего, что шолько я читывалъ: вы знаете, что я не охотникъ хвалишь. Остановясь на 109 страницѣ, я шолько могу вамъ сказашъ, какъ опецъ Ансельмъ: „*Продолжайте.*“ Какая истина въ подробностяхъ! какая прелестъ и какое глубокомысліе въ сужденіяхъ! какіе поршрешы! Вы расположеше мнѣ, опъ чего вша истина заславляешъ

меня смѣяшься такимъ смѣхомъ, который происходишь не отъ веселости: мнѣ кажешся, эшо отъ удовольствія видѣшь вполнѣ движенія сердца человѣческаго. Съ тѣхъ поръ, какъ знаю васъ, эшо первое сочиненіе, которое читаю, не думая объ васъ: какъ будто вы уже не существоваете, долженствуй бышь свидѣтельницаю всего, что шущъ происходишь.“

Еще получила я прекрасное письмо отъ Графа Сегюра (*) старшаго. Оно содержишь въ себѣ, припомъ, очень умное сужденіе о дурныхъ Романахъ, которые съ нѣкошораго времени начали входишь въ моду.

„Г-жа Валансъ передала мнѣ экземпляръ *Герцогини де ла Вальеръ*, который угодно было вамъ, М-ая Г-ня, для меня назначишь. Примите искреннюю благодарноснь за эшо лестное доказательство памяти обо мнѣ. Вы опдали мнѣ настоящую справедливоснь, если полагали, что я чувствую цѣну шой

(*) Никно не можешъ лучшеознакомишь съ Графомъ Сегюромъ, какъ сдѣланное имъ самимъ свое изображение въ первой часпи недавно вышедшихъ *Записокъ* его. (Прим. Франц. Изд.) Переводъ сего изображения Графа Сегюра извѣсненъ читателямъ изъ *Журналовъ* прошедшаго года; почему здѣсь и не повшоряешся. (Отъ Перевод.)

чистоты вкуса и слога, которую вы по-
 чти одні сохранили въ наше время, и кошо-
 рая дѣлаешь сочиненія ваши достойными са-
 мыхъ лучшихъ дней Литературы нашей.
Герцогиня де ла Вальеръ естъ, по моему
 мнѣнію, одно изъ шѣхъ, кощорыми вы наибо-
 лѣе должны бышь довольны: вы совершенно
 обновили въ памяти извѣстное всѣмъ про-
 исшествіе; вы дали ему привлекательность
 Романа, не нарушая исторической истины;
 простота этого происшествія, прешковен-
 ніе для другихъ, ни мало не затруднила васъ;
 все, что можно назвашь событіемъ для спра-
 сшнаго сердца, заняло у васъ мѣсто шѣхъ
 приключеній, распрей, кашаспрофовъ, кошо-
 рые служатъ единственнѣмъ прибѣжищемъ
 большей части романистовъ. Вы владѣете
 искусствомъ шворить положенія споль про-
 гательныя и разнообразныя, что вамъ удаеш-
 ся изображать простоту и постоянство,
 не ущемляя долгимъ или пошлымъ раска-
 зомъ. Торжество усердія къ Вѣрѣ, послѣ дол-
 гой борьбы между любовью и угрызениями,
 даетъ Роману вашему много нравствен-
 ности, и самая невинность безопасно можете
 предаться удовольствію, какое доставляетъ
 его чтеніе. Примите, М-ая Г-ня, благосклон-
 но дань моей благодарности и моего ува-
 женія.“

Спусти нѣсколько мѣсяцевъ, издала я другой Романъ: *Г-жа Ментенонъ*. Смыъ возобновилось еще болѣе удивленіе къ великому вѣку, а я получила письмо отъ Г. Фоншана, едва знакомаго мною.

„Присылка послѣдняго сочиненія вашего, М-ая Г-ня, кошорою вы почтили меня, столько же была для меня удивительна, какъ и деспна. Никогда не имѣлъ я чести васъ знать иначе, какъ по удовольствію чтенія книгъ вашихъ. Говорили, что Фенелонъ былъ первымъ Писателемъ по искусству дѣлать добродѣтель привлекательною. Мнѣ кажется, что вы раздѣляете въ томъ его славу. Фенелонъ имѣлъ враговъ; нельзя, чтобы и вы ихъ не имѣли. Несправедливости, на кошорыя, кажется, вы жалуешесь въ своихъ швореніяхъ, бывающъ во всякое время. Я сомнѣваюсь даже, чтобы и въ достойнѣйшій васъ вѣкъ, Г-жи Севинье и Лафайетъ просили вамъ превосходство ваше надъ ними. Правда, что Лафоншены, Лабрюйеры и Ларошфуко упали бы къ стопамъ вашимъ; но гдѣ они нынѣ?

„Примише, М-ая Г-ня, мое изъявленіе благодарности и уваженія.“

Эстампы сихъ двухъ сочиненій продавались во всѣхъ лавкахъ; Правительствово ока-

зало наконецъ нѣкошорую подозрительность къ сему общему восшоргу: по приказанію Полиціи, строго соблюденному, запрещено было купцамъ высшавлять и продавать гравюры вшихъ Романовъ. Въ шо же время написала я *Жизнь Г-жи де ла Вальеръвъ* покаяніи (La vie pénitente de Madame de la Vallière). Строгость Правительства на счещъ сихъ сочиненій шѣмъ удивляла меня, что и Наполеонъ очень хвалилъ ихъ, и даже Повѣсть мою: *Черта изъ жизни Генриха IV*, изъ кошорой сдѣлали послѣ Водевилъ, однако подъ другимъ названіемъ. Дюпаши сдѣлалъ прекрасную комическую Оперу изъ Mademoiselle de Clermont, но подъ именемъ Mademoiselle de Guise (*). Для Театра переложены были почши всѣ мои Повѣсти, въ шомъ числѣ *Ида*, *Семейственныя свиданія*, *Предубѣжденія женщины*, гдѣ ошавили мой романсъ; *Любовники безъ любви*, *Мужъ наставникъ* (**). Такъ

(*) Когда онъ напечаталъ эту піесу, шо посвящилъ ее мнѣ, и посвященіе написано прекрасными стихами, лучшаго вкуса (Пр. Сог.)

(**) Эту Повѣсть переложилъ для Театра, подъ названіемъ La jeune femme colère Липерашоръ, пользующійся истинно заслуженною славою, Г. Эшьень. Такимъ образомъ преобразованное сочиненіе, когда эшо сдѣлано съ успѣхомъ, показывается шаланшъ, какой шолько можешъ

же взявши изъ моихъ Повѣстей и Романовъ: *Артуръ и Софронія*, *Клара*, извлеченная изъ *Осады Ларошели*; *Велисарій*, изъ Романа сего имени; *Рыцари льва* изъ Романа *Рыцари лебедя*; *Камилла въ подземельѣ*, изъ *Адели и Теодора*; даже преобразили двѣ Комедіи мои, одну *Перегородка*, изъ кошорой сдѣлали *Aucassin et Nicolette*; другую *Любопытная*, изъ кошорой Г. Дюваль съ такимъ успѣхомъ сдѣлалъ прекрасную Драмму *Эдуардъ въ Шотландіи* (*). И во многихъ другихъ сочиненіяхъ, не говоря о негодныхъ, брали изъ моихъ. Я никогда никого не облачала; кромѣ Романа Г-жи Кошпенъ (**),

---

бышь видимъ въ хорошемъ переводѣ; надобно шакъ много перемѣнять въ заняшомъ содержаніи, что Авторъ, его избирающій, присвоиваетъ себѣ по справедливости все достоинство, прибавля къ тому много хорошаго отъ себя.

(Прим. Соч.)

(*) Король Шведскій, (кошорый сдѣлалъ шакъ много добраго для *Слѣгаго въ Спа* послѣ моей Комедіи подъ симъ названіемъ) почшилъ меня переводомъ Комедіи *Любопытная* на Шведскій языкъ.

Прим. Соч-цы.

(**) Г-жа Кошпенъ, споль рано для Литературы похищенная смертію, сочинила, на шридцать четвершомъ году жизни, Романы: *Claire d'Albe*, *Malvina*, *Amelie Mansfield*, *Mathilde* и *Eli-*

названнаго *Мальвиной* и составленнаго совершенно по *Дерзкимъ опытамъ*. Въ числѣ другихъ, умолчала я и о Г-жѣ *Ге* (Gay), которая сдѣлала Романъ изъ двухъ моихъ сказокъ: одной, помѣщенной въ *Воспоминаніяхъ Фелиции*, въ кошорой дѣйствующее лице Нѣмой; и другой, подъ названіемъ *Встрѣчи*. Если бѣ я захошѣла говорить обо всемъ, что у меня украдено, то надлежало бы прибавить еще одну часть къ симъ Занискамъ.

Спустя нѣсколько времени, Г. Лавалетъ написалъ мнѣ, что *Первый Консуль*, сдѣлавъ

---

zabeth. Выгоды, какія получала она отъ сихъ сочиненій, доставляли ей нѣчто, гораздо сладостнѣйшее, нежели слава: она употребляла ихъ вполнѣ на благошворенія. Въ минушу, когда постигла ее смерть, въ 1807 году, Г-жа Конженъ оканчивала вѣпорую часть Романа, основаннаго на сужденіяхъ о воспитаніи. Она намѣревалась написать книгу о *Религіи Христіанской, доказываемой чувствованіями*. По правиламъ этой Сочинительницы, особы ея пола не должны были занимать авшорствомъ, попому что, говорила она: „въ книгу всегда вмѣшается что нибудь изъ собшвеннаго сердца, а это должно бытъ хранимо для друзей.“ Эша мысль мнѣ кажется болѣе прогашельна, нежели справедлива: нѣжныя чувства немощными, особлмво къ сердцѣ женщины. (*Прим. Франц. Изд.*)

шійся Императоромъ, желаетъ, чтобъ я каждыя двѣ недѣли писала къ нему о *Политикѣ*, о *Финансахъ*, о *Литературѣ*, о *нравственности*, словомъ обо *всемъ*, что придетъ мнѣ въ голову. Я никогда не писала къ нему чрезъ каждыя двѣ недѣли; никогда не писала о *Полицикѣ* и *Финансахъ*; никогда не просила никакой милоспи для себя; просила только для другихъ, и онъ почти все исполнялъ, не писавъ ко мнѣ ни спроки. Никогда не говорила я ему ни слова о врагахъ моихъ, а нѣсколько разъ ходатайствовала за нихъ. Писала я къ нему въ мѣсяць разъ — о *Религии*, о *Нравственности*, о *Литературѣ* и *Философiи* послѣдняго вѣка (*). Ужъ не моя вина, если онъ не сдѣлался *набожнымъ*. Чрезъ *Г. Талейрана* и чрезъ другихъ особъ узнала я, что мои письма ему нравятся, пошому что онъ находилъ въ нихъ умъ, простоту, а иногда и веселость. Эшотъ родъ корреспонденціи доставилъ мнѣ удивительное множество новыхъ *непріятелей* —

(*). Спирола нѣкошорой отважности писать къ нему прошивъ *Философовъ*, пошому, что всѣ знали, какъ и я, что *Наполеонъ*, бывши еще *Первымъ Консуломъ*, при посѣщенiи, сдѣланномъ *Г-жѣ Гельвесіусъ*, сказала, что желала видѣть вдову великаго человека. (*Прим. Сов.*)

иныхъ изъ зависти, другихъ по убѣжденію, будто я забавляла его только, говоря худо обо всемъ свѣшъ: эта клевета очень меня оскорбляла. Я ошвѣчала на нее посредствомъ выноски, помѣщенной въ Романъ *Г-жа Ментенонъ*, и совершенно опровергающей это низкое обвиненіе. Въ этой выноскѣ, упоминающая о столь частой корреспонденціи Фенелона съ Герцогомъ Бургонскимъ, найденной въ бумагахъ послѣдняго, сказала, что надобно имѣть самую черную душу, чтобы въ подобной секретной перепискѣ говорить худо о комъ бы то ни было, и что сверхъ того это значило бы имѣть недоспающее уваженіе къ высокой особѣ, къ кошорой пишешь, и ни мало не боишься презрѣнія и негодованія оной за столь низкія чувства. Клеветники принуждены были замолчать, но враги остались врагами.

Я не ослабляла у себя копій съ писемъ, посылаемыхъ къ Наполеону, а сберегла только нѣкоторыя нравственныя и религіозныя замѣчанія, кошорыя въ нихъ входили.

Съ Фр. Вл.

СМЕРТЬ КАЛЬМАРА И ОРЛЫ.

Подражаніе Макферсонову Оссіану.

Лорда Бейрона (*).

Драгоцѣнны дни юности! Они подкрѣ-
пляютъ сшарца, представляясь ему сквозь
шуманъ времени. Во мракъ зришь онъ свѣт-
лые часы ушра. Трелещущею рукою поды-
маетъ онъ копіе свое. „Не сподъ слабо воз-
вышалъ я оружіе предъ очами опцевъ мо-
ихъ!“ Прошло племя героев! но слава ихъ
пробуждается на спрунахъ арфы; души ихъ
носятся — на крилахъ вѣшра; они слышатъ
звуки среди завываній грозы, и наслаждаются
ими въ облачныхъ своихъ чертогахъ! Таковъ
Кальмаръ. Сѣрый камень означаетъ шѣсное
его лице. Онъ взираетъ долу изъ обше-
ли ревущихъ бурь; призракъ его носится въ
вихрѣ и плаваетъ надъ вершиною горы.

Въ Морвенѣ обшала вождь— правая ру-
ка Фингала въ бшвѣ. Слѣды его на рашномъ
полѣ означались кровію; сыны Лохлина бѣ-
жали предъ ненасышнымъ копіемъ его: но

(*) Въ подлинникѣ Повѣсть сія писана прозою,
(Прим. Пер.)

крошки были очи Кальмара; мягки были рассыпающіяся бѣлыя его кудри, — блескъ ихъ подобился ночному метеору. Ни единая дѣва не возбуждала душевнаго его вздоха: помышленія его отданы были дружбѣ, темно-власому Ораѣ, испребителю героевъ. Равны были мечи ихъ въ сраженіи; но свирѣпъ духомъ былъ Ора, милосердый шокмо къ Кальмару. Вмѣстѣ обитали они въ пещеръ Ойшоны.

Изъ Лохлина Сваранъ успрямился на синія волны. Сыны Эрина пали подъ его могуществомъ. Фингаль возбудилъ вождей своихъ къ бишвѣ. Ладьи ихъ покрывающъ океанъ. Воишли спѣсняющся на зеленыхъ холмахъ. Они шекутъ на помощь Эрину.

Ночь испустилась въ облакахъ. Мракъ покрываетъ воинства; но пылающіе дубы разливаютъ свѣтъ по долинь. Сыны Лохлина почилы: сны ихъ кровавы. Въ мезшахъ возвышаютъ они копія, и Фингаль бѣжитъ. Не по происходишь въ воинствѣ Морвена. На спражѣ находился Ора. Рядомъ съ нимъ споялъ Кальмаръ. Въ рукахъ ихъ блиспали копія. Фингаль созвалъ вождей своихъ. Они спали окрестъ. Царь былъ въ срединѣ. Бѣлыя власы его, но мощна десница Царя. Лѣва не сокрушила силъ его. „Сыны Морвена!“ рекъ герой, „давша мы встрѣшимъ врага; но

гдѣ Кушуллинъ, щить Эрина? Онъ покоишь
въ чершогохъ Туры; онъ не вѣдаешъ о
нашемъ пришествиѣ. Кто поспѣишь чрезъ
воиство Лохлинское къ герою, и призовешъ
вождя къ оружію? Путь леишь сквозъ ме-
чи враговъ, но много у меня героевъ. Они—
громовыя стрѣлы въ бишвахъ. Вѣщайше,
вожди! Кто изыдешъ?'

„Снѣ Тренмора! мнѣ предстоишь сей
подвигъ,“ вѣщаль темновласый Орла: „мнѣ
одному. Чшо смершь для меня? я люблю сонъ
мощнаго; но не велика опасносшь. Сынъ
Лохлина почишь. Я опыщу лешающаго на
колесницѣ Кушуллина (*). Если же я паду;
шо возбуди пѣснь Бардовъ, и полжи меня у
пошока Любара.“— „И падешъ ли ты одинъ?“
сказаль лѣповласый Кальмаръ: „удалишьсѣ ли
ты опы своего друга, вождь Ойтоны? Не сла-
ба рука моя въ бишвѣ. Могу ли я видѣть ше-
бѣ мертва, и не поднѣшь копѣя? Нѣшь, Орла!
Мы раздѣляли ловишву дикихъ козь и пир-
шество раковнѣ (**): раздѣлишь стезю опа-

(*) Надобно замѣишь, что герой сей въ По-
эмѣ Оссиановой, называемой *Фингалъ*, предспа-
лялешся сражающимся на колесницѣ, и что шамъ
находишь и подробное описаніе сей колесницѣ.

Прим. Перевод.

(**) Такъ назывался особый праздникъ древнихъ
Шотландцевъ. *Прим. Перевод.*

сноспи; мы раздѣляли пещеру Ойшоны: раздѣлили шѣсное жилище на берегахъ Любара.“ „Кальмаръ!“ возразилъ вождь Ойшоны, „для чего свѣшлые кудри твои будутъ омрачены прахомъ Эрина? Дозволь мнѣ пасть одному. Родитель мой обихаетъ въ воздушныхъ своихъ чершоггахъ: онъ будетъ упѣшашься своимъ юношею; но голубоокая Мора приутошвляетъ пиршество для своего сына въ Морвенъ. Она внемлетъ шагамъ звѣроловца между кустарникомъ, и мнитъ, что вношуетъ Кальмара. Не заславъ его скажешь: Кальмаръ сраженъ оружіемъ Лохлина; онъ палъ съ мрачнымъ Орлою, вождемъ грознымъ! Для чего слезы зашмяшь лазоревыя очи Моры? Для чего гласъ ей будетъ проклинать Орлу, погубившаго Кальмара? Живи, Кальмаръ! живи, да воздвигнешь надо мною мшистый камень; живи, да опшшишь меня въ крови Лохлинской! Соедини пѣніе свое съ гласомъ Бардовъ надъ моею гробницею. Оспрадна будешь Орлъ пѣснь смерти изъ устъ Кальмара. Тѣнь моя будешь улыбаешься, внимая хвалебные звуки.“ — „Орла!“ рекъ сынъ Моры: „могу ли я возвысить пѣснь смерти въ честь моего друга? Могу ли я предашь славу его въпрамъ? Нѣтъ! сердце мое будетъ вѣщать вздохами; слабы и прерывисты звуки печали. Орла! души наши бу-

душь внимашь пѣснь сію вмѣспѣ. Одно обла-
ко одѣнешь насъ на высотѣ; Барды совоку-
пашь имена Орлы и Кальмара.“ —

Они осцавляють кругъ вождей. Шествіе
ихъ къ воинству Лохлина. Умирающей свѣтъ
дуба мерцаешь среди ночи. Сѣверная звезда
показываетъ путь къ Турѣ. Сварань, Царь,
покойся на своемъ уединенномъ холмѣ. Здѣсь
смѣшались рашники; они нахмуриваются
во снѣ. Щишы ихъ подѣ головами. Мечи ихъ
не владѣ блискающъ въ гругдахъ. Огни слабы;
горящая зола падаетъ въ дымъ. Все безмолв-
ствуешь; шокмо въперъ въздыхаетъ на вер-
шинѣ ушесовъ. Быспро шествують герои
среди дремлющей шолпы. Половина пути
уже совершена, когда Машонь, покойщійся
на своемъ щипѣ, встрѣшилъ съ очами Орлы.
Они воспламеняются и сверкають во мракѣ;
копѣ Орлы подѣмлетъ. „Чшо омрачаетъ
взоръ швой, вождь Ойшоны?“ сказалъ лѣпо-
власый Кальмаръ. „Мы посреди враговъ. Вре-
мя ли шеперь медлитъ?“ — „Теперь время
мшитъ!“ отвѣшествовалъ свирѣпый Орла:
„Машонь Лохлинскій покойся: видишь ли
шны его копѣ? Оспрѣ онаго обагрено кро-
вию моего опца. На моемъ будешь дымитъ-
ся кровь Машона. Но умерщвлѣю ли я его
соннаго, сынъ Моры? Нѣшъ! Онъ почув-
ствуетъ свою язву; слава моя не воспаритъ

съ кровію спящаго. Возспань, Машонь! возспань! сынъ Коиннала призываетъ тебя; — жизнь твоя принадлежитъ ему; возспань къ бишвъ.“ — Машонь подъежлешся опъ сна, но одинъ ли? Нвъшь: воспрянувшіе вожди успремляюшся на долину. „Бъги, Кальмаръ, бѣги!“ въщаль шемновласый Орла. „Машонь мой; я умру въ радосши; но чада Лохлина спекаюшся ошовсюду; бѣги во мракъ ноши.“ Орла возвращаетъся; шлемъ Машона разсвченъ; щипъ упадаешъ съ руки его: онъ колеблешся, испекая кровію; онъ низвергаешся близъ горящаго дуба. Спрюмонъ видишь его паденіе. Ярость его воспаменяешся; оружіе его сверкаешъ надъ главою Орлы; но копіе пронзило глазъ его. Мозгъ его брызнулъ изъ раны и дымишся на копѣ Кальмаровомъ. Какъ успремляюшся волны Океана на двѣ крѣпкія ладіи Свъера, шакъ ударяюшъ воишела Лохлина на вождей. Какъ ладіи Свъера, разсвая въ прахъ пвнящіеся вазы, гордо несущся, шакъ вожди Морвена шекушъ по разсваннымъ перьямъ шлемовъ Лохлинскихъ. Звукъ оружіа достигаешъ до Фингала. Онъ ударешъ во щипъ: сыны окрешъ его собираюшся; рашники проспираюшся по долинь. Рино скачетъ въ радосши. Оссианъ шешвуешъ во всеоружіи. Оскаръ пошрясаешъ копіемъ. Орлиное крыло на шлемъ Филлана

развиваешься въпрямь. Ужасень гласъ смерти! много вдовиць въ Дохлянь. Морвень превозмогаетъ.

Упро мерцаешь на холмахъ; ни единого живущаго врага не видно, но много почившихъ: страшны лежатъ они во прахъ Эриана. Дыханіе Океана воздымаетъ ихъ кудри: но они не возстанутъ. Соколы, съ крикомъ носятся надъ своею добычею.

Чьи бѣлые кудри волнуются на груди вождя? свѣплы, какъ злопо иноземное, они смѣшались съ темными власами друга его. То Кальмаръ, — онъ простеръ на персяхъ Орлы. Кровь ихъ спруишся однимъ попокомъ. Суровъ взоръ мрачнаго Орлы. Онъ не дышитъ, но очи его еще пламенѣютъ: и въ смерти грозно смотрятъ они опверстые. Рука его сжала въ Кальмаровой; но Кальмаръ живъ: онъ живъ, хоша не на долго. „Возстань“ вѣщала Царь: „возстань, сынъ Моры; мое дѣло — врачевать лзвы героевъ. Кальмаръ можешь еще блуждать по холмамъ Морвена!“

„Не будешь уже Кальмаръ преслѣдоваць серны Морвенской вмѣстѣ съ Орлою!“ — сказала герой: — „безъ него какая для меня довшва? Кто раздѣлитъ добычу военную съ Кальмаромъ? Орла почилъ! Мрачна была душа твоя, Орла! но для меня свѣшла, какъ

роса утрення. Она бросала на другихъ молнію, на меня серебряный лучъ ночи. Опнесише мечъ мой къ голубоокой Морвѣ: пустьъ виситъ онъ въ осирошѣлыхъ моихъ черпотахъ. Онъ омытъ кровію; но онъ не могъ спасши Орлы. Положите меня вмѣстѣ съ моимъ другомъ: возвысите пѣснь, когда меня не спанешъ.“ —

Они положены у попока Любара. Четыре сѣрые камня означаютъ жилище Орлы и Кальмара.

Когда Сваранъ удалися, паруса наши забѣдѣлись на синихъ волнахъ. Вспры несли ладіи наши къ Морвену. Барды воспѣли:

Какой призракъ возвышается надъ ревущими облаками? Чья мрачная тѣнь является надъ кровавыми брздами грозы? Чей голосъ кашитъ надъ громами? Се Орла, смуглый вождь Ойшоны. Миръ душъ швоей, Орла! Слава швоя не погибнешъ. Ни швоя, Кальмаръ! Любезень былъ ты, смнъ голубоокой Моры, но не безвреденъ былъ мечъ швой. Онъ виситъ въ швоей пещерѣ. Тѣни Лохлицевъ спонутъ вокругъ лезвія его. Внемли хвалу швою, Кальмаръ! Гласъ сильныхъ ее увѣковѣчитъ. Имя швое вшоритъся вхомъ Морвена, И шакъ, яви прелесные курри

пвои, сынъ Моры. Проспри ихъ по радугѣ,
и улыбнись сквозь слезы бури (*).

Съ Англійскаго Ф. Совоновича.

3.

РЕЙНСКІЙ ВОДОПАДЪ.

(Повѣсть Августа Лафонтена.)

Не знаю, случай ли, который даже въ жизни мудрейшихъ людей играетъ гораздо важнѣйшую роль, нежели они себя воображаютъ, или горькіе опыты, или Философія, или просто глупость, побудила Графа Тенгенбаха оставить свой замокъ и Графство,

(*) Я думаю, что послѣднее Ленгсово изданіе разрушило всякое чаяніе, чтобы Макферсоновъ Оссіанъ могъ быть переводомъ нѣсколькихъ Поэмъ, полныхъ въ первоначальномъ ихъ видѣ; но хотя подлогъ и открытъ, достоинство самого сочиненія остается неоспоримымъ, хотя оно и не безъ погрѣшностей, особенно мѣстами, гдѣ слогъ слишкомъ изысканъ и напыщенъ. — Да просиялъ почишатели оригинала сіе слабое подражаніе оному, какъ покушеніе, хотя и не шакъ удачное, доказывающее привязанность къ любимому ихъ Сочинителю. *(Примѣч. Сов.)*

лежащие въ прелестнѣйшихъ долинахъ около Дуная, и переселившись съ своимъ сыномъ, Докшоромъ Шопшомъ и однимъ слугою вверхъ по Дунаю въ Шварцвальдъ, откуда вытекають Дунай, Некаръ и Кинцингъ, и гдѣ, неподалеку отъ монастыря Святаго Георга, былъ у него маленькій замокъ, въ спорной дикой и пустой. Правда и то, что разные случаи, испытанные Графомъ въ жизни, могли бы хоть какого мудреца приглашать въ уединеніе, ибо все, что другимъ людямъ обыкновенно служило въ пользу, въ жизни Графа принимало превращенное направленіе — отъ того, говорилъ слуга его, сердечно къ нему привязанный, что онъ за все брался не шакъ, какъ должно. Графъ думалъ напрошивъ, что всякій мудрецъ долженъ шакимъ образомъ браться за вещи. „Не довольно ли дурно и то, любезный Докшоръ,“ говорилъ Графъ: „что природа къ повозкѣ человѣческой жизни припрятала самую разнопарную упряжку? Сначала возвышенный разумъ или Философія, которая однако же шакъ слаба и безсилна, что при-каждой лужѣ и при всякомъ камнѣ, встрѣчающемся на пути, останавливается; рядомъ съ нею шанеть благоразуміе, но къ сожалѣнію, никогда не хочешь шануть, и все бы ему пасшисъ только у дороги; впереди же спросать,

которая по упряма, какъ рпачливый лошакъ, по дика, какъ бурный въпръ, несеть повозку съ хорошей дороги въ пропасть, на круизны, съ шакою силою, что разумъ падаешъ, благоразуміе совсѣмъ опрывается, и еще слава Богу, если и повозка не вовсе разобьешся.“

Графъ думалъ и говорилъ такъ, какъ умнѣйшіе люди на каедрахъ и у налоевъ; — онъ былъ твердо увѣренъ, что не довольно учишь мудрости, надобно и исполнять ея совѣты. И такъ, въ двадцать чешыре года, женился онъ на дѣвушкѣ — не пошому, что любилъ ее — „нѣтъ, любезный Докшоръ,“ говорилъ онъ: „размноженіе челоѳического рода еспь обязанность споль важная сама по себѣ, что всего болѣе жаль, зачѣмъ природа подчинила ее спрасши, и какъ мнѣ кажешся, самой дурной; а какъ пришомъ счастье и характеръ дшяши такъ много зависяшъ ошъ надлежащаго смѣшенія характеровъ родшелей, по —“

То, слѣдуя симъ правиламъ, женился онъ на бѣдной дѣвушкѣ, которая однако же была молода, здорова, и имѣла всѣ качества, какихъ онъ шребовалъ. Графъ любилъ жену свою, пошому, что не смопря на его мудрость, любовь имѣла таки большое участие въ его выборѣ; но скрывалъ это не шолько ошъ себя

самого, но и ошь жены. Онъ даже напрямки сказаь ей, что руководствовало его въ выборъ.

Графиня смѣялась; но она рѣшилась, во что бы то ни стало, принудить мужа своего признасться ей въ любви. Крапчайшимъ къ шому пушемъ казалаь ей ревность. Для возбужденія ея въ сердце Графа, избрала она искреннѣйшаго друга его. Графъ замѣнилъ что и смѣялся, какъ мудрецъ. Короче, все шрое играли свои роли до шѣхъ поръ, пока изъ шушки вышла правда. Графъ сдѣлался ревнивъ, но уже поздно.

Онъ нашелъ однажды жену въ объшяхъ вѣроломнаго своего друга. Со слезами досады объявила ему невѣрная жена, что онъ довель ее до шого, и не заслуживаетъ самъ ни любви, ни вѣрности.

Ихъ развели; жена Графа вышла замужъ за его друга, и исправилась: сдѣлалась добродѣтельной супругою и матерью. Но Графъ, обманушый любовью, обманушый дружбою, обращенный въ сказку и посмѣшище для цѣлаго околodka, рѣшился удалиться въ горы, и мудрымъ воспитаніемъ своего сына охранить его ошь бѣдешвей жизни, кошорыхъ самъ былъ жершвою.

Когда все пригошовленія, кошорыя Графъ считалъ нужными, чтобы себя и сына ош-

дѣлать совершенно ошъ свѣта, были приве-
дены къ окончанію, принялся онъ за воспита-
ніе своего Морица. Графъ не походилъ на
большую часть воспиташелей, которые пи-
шутъ умнѣйшія книги о первой, важнѣйшей
наукѣ, воспитаніи, а о дѣлахъ своихъ ни ма-
ло не заботятся— нѣшь, онъ хотѣлъ дѣлать
и то и другое: писать и дѣйствовать. А какъ
воспитаніе дѣлалъ до его рожденія казалось
Графу почти еще важнѣе, нежели воспита-
ніе его по рожденіи, то и считалъ онъ не-
обходимымъ всякій пунктъ напередъ хоро-
шенько взвѣснть, а потомъ обдумать и
объяснть, при чемъ раздалась между нимъ
и Докторомъ безпрестанные и безконечные
споры. Къ тому же Графъ ошъ природы
былъ мягкосердеченъ и по бѣльшей части
ушнупалъ Доктору, шакъ, что напоследокъ
самъ не зналъ, по кошорой споронѣ дороги
идеть, шочно какъ бы шель онъ по узкимъ
улицамъ Венеціи. Ошъ этого воспитаніе до
рожденія Морица заняло времени болѣе девя-
ти мѣсяцовъ; а какъ Морицу было уже два
года, когда переселились они въ замокъ, то
всякій знающій счетъ увидѣнть, что воспи-
таніе, какое гошовили ребенку Графъ и Док-
торъ, никогда бы его не догнало. Между
шѣмъ слуга Графа, по имени Пешръ, про-
шпой, добрый малой, воспитывалъ мальчика

какъ умѣлъ, шакъ чшо въ то самое время, когда наши воспиташтели съ жаромъ спорили о пеленкахъ новорожденнаго, Мориць въ воскресенье прыгаль въ первыхъ своихъ шараварчикахъ, и съ полспнымъ ломшемъ хлѣба въ рукъ и за щеками, самъ присущешвоваль при изслѣдованіяхъ о качествахъ своей кормилицы.

Въ ученомъ засѣданіи было' опредѣлено, въ концѣ перваго года 'дашь диняши гувернера, и шоварища въ его играхъ и занятіяхъ; и когда наконецъ свойшва, добродѣтели, дарованія, умшвенныя способности и познанія каждаго изъ вшихъ лицъ изложены были письменно, усомнились, можно ли будешъ найни двухъ шакихъ людей въ свѣшъ. А между шѣмъ, Пешрь, въ простотѣ своей, не зная о томъ ни слова, уже исполниль ихъ желаніе. У Морица былъ гувернеръ шакой честный, вѣрный, великодушный, шакой масперъ расказывать разныя повѣсти, шакъ хорошо умѣвшій играть на флейшѣ, и къ шому шакъ горячо любившій своего воспитанника, какъ шолько могли желашъ шого оба Философа. Это былъ самъ Пешрь. Товарищъ въ играхъ былъ у Морица шакже, и даже лучшей, нежели какого желали господя Философы. Онъ былъ честель, вѣренъ, нѣжно привязанъ къ швоему сошоварищу, шерпяливъ, и при-

помъ шакъ храбрь и безспрашенъ, даже шакъ швердъ и неусшупчивъ, какъ шолько можно было шого надъяться. Морицъ шеперь шолько что бѣгалъ съ нимъ по двору; пошомъ легъ подлѣ на солнцъ и дѣлилъ съ нимъ свой полдникъ. Это была большая Дашская собака, по имени Роландъ: она иногда играла даже ролю маленькаго гувернера когда шоварищу ея приходило въ голову играшь ролю слишкомъ спрогаго начальника.

Лѣшомъ у Морица было много занятія въ окрестностяхъ стараго замка: онъ шого, что свойство ошца, узнавалъ каждой вещи основаніе, а пошомъ дѣискивалъ и въ эшомъ основаніи другаго, имѣлъ онъ шочно въ шакой же шепени, какъ и его башюшка. Такъ, съ маленькой долины, на кошорой стоялъ замокъ, разсматривалъ онъ окружные холмы, съ желаніемъ узнать, каково-шо шамъ. Пошомъ взбирался на нихъ, ошшуда видѣлъ ошашъ новыя горы еще выше, и не пересматривалъ взлѣзалъ на нихъ до шѣхъ поръ, пока не побывалъ на всѣхъ возвышенностяхъ кругомъ замка, и не нашелъ, что всѣ онѣ очень похожи одна на другую.

„При всемъ шомъ, Пешръ, я не ушерплю, чтобы не побывалъ на всѣхъ ихъ,“ воскликнулъ онъ: „иначе не могу бышь покоснъ.“

— , Богу известно, любезный Мориць“
 отвѣчалъ Пешрь: „зачѣмъ Онъ такъ со-
 творилъ насъ; но милосердый Создатель,
 когда обозрѣлъ все, Имъ сотворенное, ска-
 заль Самъ: все добро! А почему, думаю, и
 то добро, что тебѣ хочется побывать на
 горахъ, хотя и не понимаю, зачѣмъ. Но мы
 многого не понимаемъ, Мориць . . .“

„Докторъ говоришь, Пешрь, что надоб-
 но все понимаешь.“

Когда Мориць ознакомился со всеми
 окружающими горами, дошло дѣло до глубины.
 За пошохомъ воды, кошорый низвергался съ
 одного кремнистаго утеса и какъ бы въ жо-
 лобахъ пробирался сквозь камни и кустар-
 ники, пущился онъ внизъ изъ одной рых-
 вини въ другую, не смотря на всѣ преграды
 и опасности; и такимъ образомъ изъ доли-
 ны въ долину, все по берегу журчащаго ру-
 чейка, дошелъ до того мѣста, гдѣ впадалъ
 онъ въ другой большой ручей. У одного пат-
 шуха спросилъ Мориць, какъ называется
 впошъ большой ручей. „Дунай!“ Онъ бро-
 силъ сверкающій взглядъ по волнамъ, кошо-
 рыя съ шумомъ и пѣною катились внизъ.
 Онъ зналъ, что вша рѣка течетъ далеко, и
 за нѣсколько сошъ миль ошшуда вливается
 въ Черное море.

Морицу очень хотѣлось пуститься съ своимъ Роландомъ вдоль по рѣкѣ: онъ гошовъ былъ бы поклясться, если бы зналъ, что такое клятва, что тамъ, за горами, долженъ быть рай, о которомъ Пешръ такъ часто ему рассказывалъ.

Нѣсколько времени слѣдовалъ онъ внизъ по теченію рѣки, и чѣмъ далѣе шель, тѣмъ предесннѣе казались ему виды. Онъ далъ себѣ слово, когда будешь постарѣе, совершить это путешествіе. Возвратясь домой, сказалъ онъ Пешру: „я долженъ идти внизъ по рѣкѣ, Пешръ; иначе не могу быть покоенъ.“ Пешръ отвѣчалъ, какъ и прежде.

Зимою кашался онъ на санкахъ съ горъ, или сидѣлъ вмѣстѣ съ Петромъ, который училъ его чиншашъ, рассказывалъ повѣсти и сказки, и заспавлялъ играшъ на флейшѣ. Или ходилъ съ шарикомъ на охоту, стрѣляшъ хищныхъ птицъ, которыхъ вили гнѣзда на высошѣ скаль. Или пускался на конькахъ по замерзшему озеру, или раскладывалъ огонь предъ пещерами въ скалахъ и мечпалъ въ нихъ о сказкахъ добраго Пешра, осуществлялъ желанія, мечпы, раждавшіяся въ груди его, въ кошорой пылало гораздо чистѣйшее пламя, нежели возженное предъ нимъ его рукою. Опъ того и зимою и лѣпомъ, не часто приходилъ онъ къ своему опцу и Докшору,

которыя восплаивали его на бумагъ совсѣмъ иначе, нежели добрый Пепръ на самомъ дѣлѣ. Весною еще шруднѣе было заманишь Морица: тогда мечтались ему зародыши и почки, цвѣшны и пѣсни соловья, какихъ не производила сама весна. Тогда голосъ флейшы казался ему прошивень; только меланхолическій понѣ паспущьяго рожка или сладостный звукъ рожка охотничьяго, раздававшася въ долину, наполняли грудь его желаніями и увлекали душу въ безконечную даль.

Такимъ образомъ оба Философа не замѣчали, что Пепръ расположилъ свой планъ не по ихъ плану, и что имъ, сколько бы ни хошѣлось, не удалось бы направишь его на путь истинный.

Морицъ не долженъ былъ знать, что онъ Графъ и богачъ. Онъ долженъ былъ видѣшь въ людяхъ брашьевь, съ шѣми же правами, съ шѣми же видами на счастье. — Эту спашью изъ плана надобно было по необходимости сообщить доброму Пепру. Протшивъ нее Пепръ и не спорилъ. Онъ даже пошелъ шагъ далѣе, и училъ мальчика, что по мудрому и благому опредѣленію Божію, въ долговременной жизни нѣтъ радости болѣшой, какая происшекаетъ изъ любви къ людямъ.

„И шой любви, когда наступитъ весна; Пешрь?“ прибавилъ Мориць. — Пешрь согласился.

„И когда хочешся вверхъ, далеко, къ морю, и за море, Пешрь, на небо! А оштуда еще дальше?“

— „Дальше нельзя, любезный Мориць!

„Можно и дальше, Пешрь! А швои сказки,“ — Пешрь покраснѣлъ. Чшашель усмѣшишь, ошъ чего.

Къ тому долженъ былъ Мориць всѣмъ, Докшору, ошцу и Пешру, говорить *ты*; а какъ Пешра никакъ нельзя было принудить также почно обращаться и съ своимъ бариномъ, ошъ чего мальчикъ замѣнилъ различіе состояній, шо и положили ошавить безъ дальнѣйшихъ объясненій, кто именно ошець Морица.

Морицу пришло самому въ голову, чше онъ сынъ Пешра, и Пешрь получилъ спржайшее приказаніе, ошавить мальчика при шшой мысли. Спарикъ подумалъ: не онятъ ли баринъ мой берешся за вещь не такъ, какъ должно? — Но надобно было повиновашься.

Еще спржайшее приказаніе дано было Пешру, ошавить мальчика въ совершенномъ невѣдѣніи любви къ женскому полу. „Попому“ говорилъ Графъ: — „что природа сама шшошь пункшь жизни покрыла спыдомъ.

Она не дала даже челоуьку для эшого чув-
ства и слова, а полько краску на щекъ,
желая шьмь показашь намъ, Пешрь, что мы
совсьмь не должны о томъ говоришь.“

Пешрь кивнулъ головою и покраснълъ
въ то же время. — „Мориць“ — продол-
жалъ Графъ:— „не долженъ знашь объ эшомъ
лдь, кошорый вбираетсѧ не полько сквозь
глаза, но и сквозь уши, доколь я не дамъ
ему для шого прошивудіѧ.“ — Пешрь ду-
малъ шакъ и сякъ, и не могъ помяшь, что
за прошивудіе разумьешъ господинь его.
Онъ покачалъ головою.

Но Пешрь привыкъ повиновашься, какъ
ни шранны казались ему иногда приказаніѧ
его барина. Только одно привело его въ за-
шрудненіе: онъ началъ рассказывашь Морицу
сказки. Теперь надобно было выкинуть изъ
нихъ любовь — „а эшо“ — говорилъ онъ —
„все то же, что вынуть изъ пирога начин-
ку.“ — Пешрь не удовольсшвовался еще
эшимъ сравненіемъ; онъ продолжалъ: „изъ
года весну, изъ жизни свѣшь, изъ шьла ду-
шу, и изъ могильнаго шльнїѧ воскресеніе.“
Но шакъ было приказано.

Пешрь началъ рассказывашь безъ любви,
но его сказка походила на сухое паспешное
швьшо, и не успълъ онъ оглядѣшься, какъ

герой его спояль уже по уши въ любви, шакъ, что онъ не зналь, какъ его опшуда и выпушашь. Пешръ призадумался; а какъ слушаеш приказъ господина, долженъ онъ былъ десятиъ разъ покраснѣшь, шо и пришло ему на мысль, что вѣрно Графъ говорилъ ему о какой нибудь другой любви, а не о той, кошорая была въ его сказкахъ, и кошорая — воскликнулъ онъ въ восторгъ — „шакъ чиста и была, какъ лилія, шакъ была и холодна, какъ вновь выпавшій снѣгъ, шакъ невинна, какъ молитва младенца, шакъ чиста какъ ясное небо! Хранишель, бодрствующій надъ невинностію скромной дѣвушки, могъ бы показашь ей сказку мою во снѣ.“

И поэтому продолжалъ онъ рассказывать свои рыцарскія и волшебныя сказки; чтообы однако жъ, прошивъ нарушеннаго имъ приказанія положить что нибудь и въ другую чашу, сплеталъ онъ любовь свою изъ такихъ нѣжныхъ, чистыхъ нишей, что и самое цѣломудріе ни разу не покраснѣло бы, слушая ихъ.

Держашь свое слово, во что бы шо ни спало, презирашъ для несчастнаго всякую опасность, говоришъ правду, бышь вѣрнымъ Богу, ошечеству, другу, будущей супругѣ—
вошь правила, кошорыя, какъ элекшриче-

*

ская искра, изъ каждой повѣсти проникали въ сердце ошрока, возвышали его душу, укрѣпляли волю и руку для будущаго.

Когда оба Философа, послѣ продолжительныхъ споровъ, наконецъ признали, что строгое Спартанское воспитаніе — умѣнь сносить недоспашокъ и шрудиться, не боясь смерти — есть самое лучшее для мальчика; когда приведеніе плана ихъ въ исполненіе, рѣшились они возложить на добросердечнаго Пешра, какъ удивились они, увидѣвъ, что Пешръ достигъ уже предположенной ими цѣли, хотя и совсѣмъ другою дорогою — повѣщическою! Охота, рыцарство, странствованія по горамъ, по долинамъ, въ пространную, неизвѣстную даль, укрѣпили Морица. Рабоша, кошорую теперь возложилъ на него, казалась ему легкою, пошому что Пешръ охотно работалъ съ нимъ, охотно раздѣлялъ съ нимъ хлѣбъ и воду, на кошорую осужденъ онъ былъ одинъ день въ недѣлю. Философы торжесшествовали, видя столь счастливые успѣхи мудраго ихъ плана; скромный Пешръ не зналъ даже, что онъ сдѣлалъ. Онъ только любилъ Морица, и любовь руководила имъ при воспитаніи мальчика.

„Я бы хотѣлъ быть рыцаремъ, башюшка!“ сказала Морицъ Пешру, возвращаясь од-

нажды съ охоты. — Блаждая по горахъ, дошелъ онъ до монастыря Св. Георгія. Тамъ, сподъ передъ часовнею, разсматривалъ онъ изображение Святаго, поражающаго змя, и не могъ догадаться, что оно значить. Церковнослужитель, молодой Августинскій монахъ, увидяль принадлежавшаго ошрока съ ружьемъ и сумою за плечьми и съ цвѣтущимъ лицомъ, которое еще болѣе, нежели нарядъ мальчика, показывало воинственнѣйшій духъ его. „Да будешь съ побою духъ побѣдоносца Святаго Георгія, сынъ мой!“ сказалъ ему церковнослужитель. „Откуда ты?“

— „Изъ замка Тенгенбаха, шамъ въ долину.“ — „Побѣдоносца, сказалъ ты?“ — Слово побѣдоносець поразило Морица.

Монахъ рассказалъ ему житіе Святаго Георгія: и какъ подвижникъ сей побѣдилъ злаго духа въ образъ дракона.

„Я бы хотѣлъ бытъ также рыцаремъ.“ сказалъ Морицъ Пепру.

Онъ не давалъ Пепру покою, безпрестанно докучалъ, чтобы сдѣлалъ его рыцаремъ.

Пепръ не могъ болѣе отговариваться. Однимъ упрямъ съ восходомъ солнца, опирались они на вершину высочайшей горы въ окрестностяхъ замка. Пепръ взялъ съ собою

шляпу Графа. Здѣсь, окруженный возвыше-
ною природою, зримый только всевидящимъ
окомъ, упреннымъ солнцемъ, Морицъ прекло-
нилъ коленно, и Пешръ по просбу далъ ему
рыцарскій ударъ, не сказавъ при томъ ни
слова, хотя и приготовился было къ не-
большой рѣчи — слезы не дали ему гово-
ришь. Не смотря на это, я готовъ проза-
кладывать всѣ рыцарскіе ордена въ свѣтъ,
начиная отъ Золотого руна до ордена Розъ,
что болѣе прехъ или четьрехъ спольшій,
ни одинъ рыцарскій ударъ не былъ данъ и
принятъ съ такимъ чувствомъ, съ такимъ
достоинствомъ, съ такою важностію, какъ
этошъ. Юный рыцаръ, съ полными слезъ гла-
зами, бросился на шею къ отцу, и клялся
ему сохранить рыцарскую честь свою такъ
чисту, такъ ясну, какъ небо и солнце, быв-
шія свидѣтелями его посвященія. И съ тѣхъ
поръ, во всѣхъ важныхъ дѣлахъ увѣрялъ онъ
своею рыцарскою честію, или своею рыцар-
скою клятвою, которой не слыхалъ никшо,
кромъ Бога и его собшвеннаго сердца.

Такъ росъ Морицъ, дѣля время свое ме-
жду работою и удовольствіемъ. Отъ отца
своего и Доктора учился онъ мыслишь, ана-
лишически, смншешически, сколько могъ пе-
реняшь отъ двухъ споль глубокомыслен-
ныхъ мудрецовъ, готовыхъ, пожалуй, раздро-

башь и самыя лучи свѣта. Онъ научился ошь нихъ и нѣкоторому роду познанія людей, по которому однако жъ люди всѣ, безъ изъятія, сославляли скопище воровъ, разбойниковъ, льстецовъ, и обманщиковъ.

„Такъ ли это, башюшка?“ спросилъ онъ Петра.

„Да, Мориць“ — отвѣчалъ спарикъ, пожимая плечами: „нельзя съ этимъ не согласиться. Человѣкъ такое переменчивое существо, какъ погода. Но какъ и въ самомъ дурномъ находилъ я, что онъ имѣеть свою хорошую сторону, по и держался всегда лучшей, когда только могъ, и ихъ хорошей стороны. — Это всегда можно; а потому совѣтую и тебѣ, Мориць, поступать также, когда ты будешь между людьми.“

Это начало подало поводъ къ дальнѣйшимъ объясненіямъ, которыя только увеличили желаніе нашего рыцаря вслушаться въ свѣтъ. — „Такъ по этому, башюшка“ — сказалъ Мориць: — „твои сказки о добрыхъ рыцаряхъ одна выдумка?“

Петръ не зналъ, что отвѣчать. „Богъ дастъ, Мориць, и тебѣ встрѣшишься иногда въ свѣтъ рыцарь или такая дѣвушка, о какихъ говорилъ я тебѣ въ сказкахъ. И я думаю, что для каждаго человѣка на землѣ бывають годы, или хотя мѣсяцы, или

но крайней мѣрѣ урывкою день или часъ, когда онъ думаешь и чувствуешь, какъ рыцарь, и одолеваетъ змія, кошораго, надобно полагать, самъ дьяволъ украдкою вселить въ насъ.“

„Спасибо тебѣ за это; башюшка; безъ того, если бы жизнь совсѣмъ не походила на твои сказки, я бы не могъ быть счастливымъ.“

Морицу минуло шестнадцать лѣтъ. Наступила эпоха, когда жизнь въ одно время опровергается для безконечности, для славы, для перваго вздоха любви. Онъ бросилъ свою флейту, на которой игралъ уже порядочно, и на рожкѣ перекакивался съ эхомъ въ скалахъ, передавалъ звуки чуждой дали, вызывалъ голосъ духовъ изъ за шемной завѣсы будущности. Уже онъ не слушалъ Пешра, когда тотъ начиналъ ему свои сказки: въ библіотекѣ отца своего искалъ онъ, чего ему недоставало, спремился за шѣмъ въ дикія пустыни, въ мрачныя пещеры. — Онъ завидовалъ монахамъ Свяшаго Георгія, ихъ мирнымъ занятіямъ, уединеннымъ кельямъ, ночнымъ хорамъ, власницамъ, строгому покаянію.

„Нѣтъ, башюшка!“ воскликнулъ онъ однажды, возвращаясь домой послѣ странствованія въ окрестностяхъ: — „нѣтъ, я долженъ, я хочу цѣлши въ свѣтъ. Здѣсь я щолько

мучусь, шаю въ напрасныхъ желаніяхъ. Почему не могу я видѣть людей? Зачѣмъ закованъ я здѣсь въ цѣпи? Кто я? О, скажи мнѣ; заклинаю тебя, скажи мнѣ! Почему не могу я бытъ въ Виллингенъ, котораго блестящія башни манятъ меня къ себѣ въ долину, какъ въ рай? Ты думаешь, я не принимаю, что ты опъ меня что-то скрываешь? — Однимъ словомъ, я непременно хочу въ свѣтъ.“

Петръ успокоилъ рыцаря и предувѣдомилъ Графа, что Морицъ уйдетъ опъ нихъ, если не возьмешь прошивъ пого мъръ.

Отецъ призвалъ сына къ себѣ. „Теперь пора, сынъ мой Морицъ“ — сказала Графъ:— „открытъ тебѣ кто ты. Ты Графъ Тенгенбахъ; сынъ мой, а не Петра.“

Морица какъ бы обдало холодомъ.

Онъ опспунилъ назадъ и бросилъ на Петра взглядъ, въ которомъ имя отца шакъ выразительно соединилось съ любовью и почтеніемъ, какъ бы хотѣлъ онъ сказать: ты все шакъ отецъ мой!

„Поди въ мои объятія, сынъ мой!“ продолжалъ отецъ. Морицъ не противился, но попомъ, со всею горячностію любви, обвилъ руки свои около шеи Петра, и воскликнулъ: „я навсегда останусь твоимъ сыномъ!“

Графъ принялся полковашь Морицу, какія причины побудили удалить его отъ опасныхъ примѣровъ свѣта, отъ низкой лести, кою которой никогда не избѣгнешь тамъ порода и богатство. „Здѣсь, въ этомъ уединеніи, Морицъ, остался ты человѣкомъ, который не желаетъ ни властвовать, ни быть подъ властію.“

Отецъ говорилъ длинную рѣчь, но Морицъ не слышалъ ни слова болѣе: всѣ эти новыя идеи вшорглись вдругъ въ его душу и возбудили въ ней смѣшеніе надеждъ, ожиданій, плановъ, такъ, что онъ не въ состояніи былъ думать о чемъ нибудь другомъ.

Графъ кончилъ, взявъ съ сына обѣщаніе не ославлять настоящаго уединенія до наступленія двадцатаго года его жизни. „Даю въ томъ рыцарское мое слово!“ — отвѣчалъ Морицъ, не думая.

Петръ покраснѣлъ; отецъ не вслушался въ слова сына. — Старый слуга вышелъ изъ комнаты; Морицъ за нимъ. Онъ увелъ его съ собою въ поле. „Отецъ мой!“ воскликнулъ онъ съ нѣжностію.

— „Я очень радъ, что могу наконецъ называть васъ Графомъ.“

„Наконецъ! Опшннѣ, какъ и всегда, отецъ и сынъ. Но скажи мнѣ пожалуйста, что это

значить: я Графъ, я богашъ. Расколкуй мнѣ
впо.“

Петръ объяснилъ ему, какія преимуще-
ства даешь ему его званіе; какъ онъ богаче,
нежели милліоны его собратій. — Не это
хотѣлъ знашь Морицъ; но онъ и не могъ
изъяснить вѣрному слугѣ, что именно хо-
тѣлось ему знашь. Новая жизнь лежала еще
въ душѣ его, какъ хаосъ. Какъ ни старался
Петръ помочь ему, для него еще все оста-
валось въ сумракѣ, кошорый не могъ прояс-
ниться.

„Я хочу самъ все видѣшь! вскричалъ
онъ: „я долженъ самъ итти туда! Сегодня!
или завтра! И ты со мною!“

Петръ напомнилъ ему данное имъ ош-
цу обѣщаніе, не оставаяшь уединенія до
двадцатаго года. — Онъ ничего не зналъ о
помѣ; но онъ далъ слово, и съ шяжкими вздо-
хами считалъ дни пѣхъ прехъ лѣшъ, кошо-
рья долженъ еще былъ оспаваться шущъ.

О, какъ медленно шкали Парки эши при
года его жизни! Наконецъ, наконецъ зашло
последнее солнце этой вѣчности. Между
пѣмъ опецъ познакомилъ его съ домашними
обшояшельствами, со всѣми ошношеніями
его фамилин, съ офиціаншами, кошорые досе-
лѣ управляли его имѣніемъ, и подвласными.

„Такъ, чужіе люди, башюшка,“ сказала Мориць, пошупивъ глаза, „управляли своими дѣльми? Такими я считаю своихъ подвласныхъ.“

— „Согласенъ; но за то въ тебѣ я восхищалъ имъ добраго отца. — Теперь, любезный Мориць, хочу предосмеречь тебя отъ спраски самой опаснѣйшей, самой сильнѣйшей изъ всѣхъ, которая, при своемъ горячемъ, доврчивомъ сердцѣ, первая встрѣтилась тебѣ въ свѣтѣ — отъ любви.“

„Отъ любви? отъ этого прекраснѣйшаго ощущенія сердца? И она опасна?“

— „Я говорю о любви къ женщинѣ, Мориць.“

„Объ ней говорю и я, башюшка, объ этомъ источникѣ добра на земли.“

Графъ какъ бы упалъ съ неба. Но онъ взялъ отъ сына обѣщаніе: полюбивъ дѣвушку, цѣлые три года скрываетъ любовь свою отъ нее, и отъ всякой человѣческой души.

„О башюшка!“ весело воскликнула Мориць. „Это точно, какъ въ Петровыхъ сказкахъ. Съ радостію даю тебѣ обѣщаніе.“

— „И во все эти три года“ продолжалъ отецъ: „всеми возможными способами испытывать любовь, вѣрность и сердце твою любезной.“

„О, ты знаешь Петровы сказки, башюшка! Охотно обываю тебѣ это.“

— „Поклянись мнѣ!“

„Клянусь своею рыцарскою честию.“ —
Отецъ смотрѣлъ на него съ изумленіемъ. —
„Я рыцарь, башюшка: Петръ далъ мнѣ рыцарскій ударъ.“

— „Вижу, что Петръ дѣлалъ съ тобою много глупостей. Въ самомъ дѣлѣ прекрасный рыцарь! Прекрасныя сказки!“

„Башюшка! Я далъ тебѣ слово — самъ не знаю того — оспашься здѣсь еще три года. Они были для меня вѣчностью; каждый день мучился я, какъ въ аду; рвался, какъ левъ, тогда, башюшка, тогда удерживала меня здѣсь моя рыцарская клятва, тебѣ данная и Петровъ рыцарскій ударъ. Никакая человѣческая сила не удержала бы меня. Еще разъ клянусь тебѣ, цѣлые три года скрывашь любовь свою; клянусь моею рыцарскою честию!“

Петръ принесъ парадную одежду Графа; возьмешь имъ въ свое уединеніе. Она была точно также въ пору рыцарю, какъ и опцу. Всѣ приговоренія къ запитанному опцу были кончены. Явдась великолѣпная карета въ шестъ лошадей. Морщъ въ молчаніи, съ сладкимъ, неописанно сладкимъ

шрепешаніемъ сердца, ожидалъ завтрашняго дня.

Утро наступило. Глубокая почтительность вновь прибывшихъ слугъ, раззолоченная кареша, прекрасныя верховыя лошади, вышитый золотомъ кафшанъ, надѣтый Морицемъ, произвели спранные ощущеніе въ душѣ его. Въ безмолвіи, какъ бы съ робостію, ожидалъ онъ вспуленія въ новый свѣтъ, который долженъ былъ шеперь предъ нимъ раскрыться. Наконецъ сѣлъ онъ въ карешу вмѣстѣ съ опцемъ и Докшоромъ, и про себя удивлялся, почему Петръ не занялъ чепвертаго мѣста. Къ вечеру прибыли они въ Тенгенбахъ.

Поселяне шоржешествовали прибытіе своего господина. При вспуленіи въ деревню, пріѣзжіе вышли изъ карешы. Они вошли въ шріумфальныя враша, сдѣланныя изъ сосенъ, съ вензелемъ Графа. Звонъ колоколовъ и пальба изъ шести морширь встрѣтили ихъ. Деревенская школа, за нею юноши и дѣвушки изъ крешьянъ стояли въ шпрою,

Мориць никогда еще не видалъ шакого множештва людей. Слезы выступили изъ глазъ его: видъ сполькихъ дѣшей глубоко шпронулъ его душу. Но скоро гораздо сильнѣйшее и радостнѣйшее ощущение произвелъ

въ его сердце рядъ разряженныхъ дѣвушекъ, ихъ цвѣщущія, отъ стыда и радости разгорѣвшіяся щеки, ихъ потупленные глаза, когда Морицъ, проходя ряды, бросалъ на нихъ пламенные взгляды.

Далѣе стояли опцы и машеры по порядку: недавно сопряженные предъ алтаремъ и приближающіеся уже ко гробу. Въ душѣ рыцаря одно чувство смѣняло другое. Онъ былъ чрезвычайно пронупъ; ему казалось, что вся жизнь въ торжественномъ шествіи, проходишь предъ его глазами. Неописанная любовь ко всѣмъ, выказывающаяся только въ слезахъ, наполняла его сердце. Въ молчаніи сѣдовали за нимъ поселане по большой липовой аллеѣ; передъ нимъ усыпали пушъ пѣшными шесшъ молодыхъ дѣвушекъ, копорыхъ красота олицетворяла предъ его глазами всѣхъ дѣвушекъ изъ Пешровыхъ сказокъ.

Это были дочери деревенскихъ управителей. Въ послѣднихъ триумфальныхъ вращахъ стояла прелестнѣйшая изъ нихъ, стройная блондинка, одѣтая, какъ нельзя лучше, и привѣтствовала Графа хорошенькими спишками. О какъ билось сердце рыцаря при взрѣніи на эпошъ свѣщъ, наполненный для него очаровательными радостями! Онъ зашепталъ, когда опецъ его поцѣловалъ че-

до прекрасной дѣвушки. Ни за что въ свѣтъ не осмѣлился бы онъ коснуться ея одежды. Ему казалось, что онъ не на землѣ!

Великолѣпный замокъ, низкіе поклонны офіціаншовъ, рѣчь главнаго управителя, наполненная подлою ласкью, ни мало его не пронули. Когда наконецъ всѣ большимъ полукружіемъ собрались около него и ошца его, тогда представилъ имъ Графъ своего сына, Графа Морица, ихъ будущаго властителя. Офіціаншты въ изумленіи выпучили глаза на молодаго Графа, котораго давно уже считали мершвымъ: эпошъ слухъ былъ нарочно распрощраненъ спарымъ Графомъ. За шо крестьяне съ сердечною радостію подпизались около Морица, называли его своимъ любезнымъ молодымъ господиномъ, и одинъ спарикъ просилъ его никогда не покидать ихъ на шакое долгое время, какъ ошець его.

Раздалось всеобщее ура, загремѣла музыка и пальба, и шѣмъ кончилось все. Морицъ благодарилъ Бога, что все кончилось. Въ самомъ шемномъ углу сада, бросился онъ на землю, чтобы прояснить шемныя ошущенія своего сердца. Но шщениво! Въ его головѣ и сердць была гораздо бѣльшая сумашоха, нежели въ деревнѣ, гдѣ весь народъ бросался изъ одного шѣста въ другое, чтобы приго-

повишься къ панцамъ и къ освѣщенію замка и большой аллеи.

Прекраснѣйшій лѣпнѣй вечеръ спустился на окрестности Тенгенбаха; на Морица разлился магическій свѣсъ волшебнаго міра. Освѣщеніе привело его въ упоеніе; еще болѣе восхитили его панцы дѣвушекъ. Главный управитель подвелъ къ молодому Графу дочь свою: она вручила ему лавровый вѣнокъ, и сказала небольшое привѣтствіе.

Мориць схватилъ ее за руку; она думала, что Графъ хочеть танцовать съ нею и ввела его въ ряды танцующихъ. Музыка заиграа. „Ты долженъ танцовать, Мориць!“ — сказалъ ему отецъ. Мориць обхватилъ дѣвушку; она сочла, что онъ спанеть вальсировать, и начала кружиться около него, онъ около нее, какъ умѣлъ. Но съ каждымъ шакомъ прижималъ онъ ее ближе къ груди, такъ, что скоро остановились они. „Этакъ, Ваше Сіятельство,“ — сказала она съ безпокойствомъ: — „этакъ нельзя танцовать.“

— „Я поже не могу!“ — просенпала Мориць. Онъ со вздохомъ опошелъ въ спорону. — Когда Пепръ проводилъ его ночью въ его комнату, Мориць съ жаромъ броснася къ нему на шею и воскликнулъ: „Три года долженъ я ждать, пока осмѣлюсь ска-

зашь ей, что люблю ее до бесконечности!
О, это невозможно!“

Петръ, какъ громомъ пораженный, спросилъ его: „кого, какую дѣвушку любишь ты, Мориць?“

— „И ты спрашиваешь? Развѣ ты не видалъ ее? Ту, съ которой я танцевалъ? О, какой это ангелъ, башюшка! какое добродушіе! какой умъ! какая твердость въ характеръ! Не говорю уже о восхищительныхъ ея предестяхъ. Какое смиреніе! какая кротость! какъ свободна, открыта душа ея и при томъ какъ нѣжна и дѣвственна! И это душевное спокойствіе, изъ котораго происходятъ всѣ ея добродѣтели! Сравни, о, сравни ее, прошу тебя, со всеми другими на землѣ! Она одна танцуетъ, она одна улыбается, она одна умѣетъ говорить! Какая мудрость въ словахъ ея, какая высокая простота, еще болѣе украшаемая шушайвостію!“

Петръ не могъ опомниться отъ удивленія. „О Мориць!“ воскликнулъ онъ: „ты нарушилъ свое слово! Давно ли знаешь ты ее? Откройся мнѣ! Вѣрно познакомился ты съ нею въ прошедшемъ году, когда не возвращался ночью домой!“

— „Я узналъ ее только сегодня; мнѣ неизвѣстно еще и имя ея.“

Петръ усмѣхнулся. „Слава Богу, что отецъ взялъ съ тебя обѣщаніе, три года не открывашь любви своей! Вѣрь мнѣ, Морицъ! не вша дѣвушка швоя любезная. Въ этомъ ты согласишься со мною чрезъ мѣсяць. Но не хочу лишашь тебя наслажденія, о коцоромъ ты будешь мечшашь. Прощай.“

Морицъ клялся, что Петръ сошелъ съ ума. Онъ клялся въ томъ до тѣхъ поръ, пока на одной прогулкѣ съ Петромъ въ Шафгаузенѣ увидѣлъ дѣвушекъ, которыхъ прелесть — Морицъ покраснѣлъ и признался, Пешру, что онъ ошибся въ любви своей. „Но что жъ это такое было, Петръ?“

— „Я думаю, Морицъ, это была любовь, о которой говорилъ отецъ швой, а не любовь изъ моихъ сказокъ: для моей не нужно прошивудія.“

Морицъ покраснѣлъ еще болѣе, и рѣшился обходиться съ своимъ сердцемъ нѣсколько ошорожитѣ.

Мало по малу все въ свѣшъ начало спановишья ему извѣшнѣ. Онъ бросилъ плашье, которое было въ модѣ за двадцать лѣтъ, и надъ копорымъ смѣялись миленькія Швейцарки въ Шафгаузенѣ, и сдѣлался другимъ человекомъ, по крайней мѣрѣ по наружности. Его порода и богашство были причиною, что онъ не сдѣлался засшвѣчивымъ: едва

улыбались, когда онъ дѣлалъ что нибудь про-
шивъ обычая; а это случилось съ нимъ
очень часто.

(Продолженіе впрѣдъ.)

II.

Б И О Г Р А Ф И Я.

Ж и з н ь Р а д к л и ф ь.

(Продолженіе.)

Миссрисъ Радклифъ имѣеть неоспори-
мое право занять мѣсто между небольшими
числомъ Писателей, кои оплачиваются, какъ
основатели новой школы. Многіе Сочини-
тели старались ей подражать, но всѣ они не
достигли своего образца; изъ сего числа
можно только исключить Сочинителя *Се-
мейства Монторіо* (*) (Машуринъ.)

Романъ, въ томъ видѣ, какъ изобрѣла
его Г-жа Радклифъ, есть въ отношеніи къ
новому Роману (novel) не же, что исчадіе
Драматическаго Искусства, называемое Мело-

(*) The family of Montorio.

драмою, къ собственно — Драмѣ. Онъ не спрашивается угодишь уну вѣрнымъ изображеніемъ сердца человѣческаго, ни подвигнушь спраши явленіями прогающими душу, ни дѣйствовать на воображеніе карпиною нравовъ, ниже пробудишь веселость комическихки или смѣшными положеніями. Въ другихъ выраженіяхъ, сей родъ не заманиваетъ насъ ни средствами Трагедіи, ни средствами Комедіи, и со всѣмъ шѣмъ онъ производитъ, средствами, независимыми отъ сихъ двухъ родовъ сочиненій, весьма сильное впечатлѣніе, возбуждая чувствованіе страха или существованіемъ опасностями, или съ помощію суевѣрія. Все очарованіе состоитъ въ описаніи случаевъ совершенно *внѣшнихъ*; характеры подчинены мѣсту дѣйствія, подобно какъ въ ландшафтѣ, человѣческія фигуры означаются только чертами, посредствомъ коихъ они гармонируютъ съ деревьями и скалами, составляющими главный предметъ картины. Всѣ лица (и здѣсь-то легче всего найши сходство между Мелодрамою и Романами въ родѣ *сокровенностей* или *Таинъ Удольфскихъ*) являющіяся не какъ частныя, но какъ представители того званія, къ которому они принадлежатъ. Графъ свирѣпый и самовластный; старый спракъ замка, коему вѣрены почти всѣ тайны семейныя; болша-

ван служанка; забавный и веселый слуга; одинъ или два разбойника, гошовые на все; и героиня, одаренная всѣми возможными совершенствами и угрожаемая всѣми возможными опасностями, — вошь весь запасъ Романсша и Сочинишеля Мелодрамъ. Когда сіи лица являющся въ *костюмъ* приличномъ ихъ ролямъ, и говорящъ языкомъ приличнымъ ихъ званію, спешени и характеру, шо не должно ожидать, чшобы зришеля хохотали до нельзя, или безъ умолку расплакались опъ ихъ словъ.

Съ другой стороны необходимо, чшобы сіи лица, неимвющія въ себѣ никакой ошличительной чершы, носили обликъ шого званія, къ кошорому принадлежатъ; чшобы кошюмъ ихъ соотвѣтшвовалъ ихъ ролю въ діестъ; чшобы языкъ и осанка ихъ увеличивали ужась, кошорый они должны внушать, или, при случаѣ, составляли драматическую противоположность. Мисприсъ Радклифъ обладала ошличнымъ даромъ изображать сіи лица, представляя ихъ только въ шомъ сомнишельномъ свѣтѣ, коего пребуешъ шажншвенность и заспавляя ихъ говорящъ и пошущащъ сообразно съ ихъ положеніемъ или участіемъ въ дѣйствіи.

Въ примѣръ шому приведемъ удивительный поршрешъ Монаха Скедонн въ Романъ: *Итальянецъ*.

„Видъ его былъ замѣчательнъ и разишельнъ, однако жъ не пріятностію. Онъ былъ высокъ росломъ, и хотя весьма сухощавъ, но члены шѣла имѣлъ широкіе и крѣпкіе. Когда онъ шель закушавшись въ черную одежду своего чина, по видъ его имѣлъ нѣчто ужасное, нѣчто свыше человѣческаго. Капшонъ его, бросая шѣнь на мертвенную блѣдность его лица, придавалъ ему еще болѣе суровости, а въ глазахъ его отражалась задумчивость, сдававшаяся на ужась. То не была задумчивость сердца чувствительнаго и сраженнаго скорбью: нѣтъ! то была задумчивость души мрачной и свирѣпой. Въ лицѣ его было нѣчто необыкновенно-странное, чего нельзя опредѣлить. Въ немъ замѣшны были слѣды многихъ спрашпей, какъ будто бы врѣзавшихся въ черны, коихъ онъ уже не одушевляли. Печаль и суровость въ немъ господствовали; глаза его были такъ пронцашельны, что казалось, съ одного взгляда прозрѣвали въ глубину сердець человѣческихъ, и читали въ нихъ самыя скрышныя помыслы. Немногіе могли выдержашъ сей взглядъ испышующій: всѣ старались избѣгашъ его глазъ, вспрѣшясь съ ними однажды. Со всѣмъ шѣмъ, не смошра на сію мрачную спрогошь, нѣкошорые, хотя и рѣдкіе случаи, придавали лицу его совер-

менно иное выражение: онъ могъ съ удивительною способностію примѣняться къ нраву и страстямъ шѣхъ, съ кѣмъ хотѣлъ сблизиться, и умѣлъ совершенно ихъ покорить себя (*).“

Сей и многіе другіе портреты, находящіеся въ Романахъ Мисприсъ Радклифъ, показываютъ въ ней даръ необыкновенный. Правда, что они болѣе принадлежатъ къ области Романа, нежели списаны съ натуры; но впечатлѣніе ихъ на воображеніе наше слегка только ослабляется размышленіемъ, что они въ нѣкоторой степени столь же баснословны, какъ Феи и Огры.

Когда одобреніе публики, такъ сказать, вынуждено, то почти обыкновенно она беретъ свое, кришкуня столь же строго, сколь великъ былъ изъвленный ею воспоргъ: она похожа на дѣшей, которме, наскучивъ своими игрушками, ломають ихъ въ куски. Мисприсъ Радклифъ должна была подвергнуться общей участи всѣхъ Писателей. Кришки ея сочиненій были во многихъ случа-

---

(*) Сиръ Вальтеръ Скопшъ могъ бы замѣнить, что Лордъ Бейронъ присвоилъ себѣ главныя черты сего портрета Скедони, когда изображалъ Конрада, Лару, а особливо Глуря.

яхъ пѣмъ суровѣе, что писаны были людьми съ дарованіями, отличавшимися на одномъ съ нею поприщѣ: слѣдовательно зависть, можешь быть, и не вовсе была ошъ нихъ усстранена. Въ то время говорили, и даже иногда послѣ повшорали, что Романы Мисприсъ Радклифъ и возбужденный ими вошпоргъ доказывающъ дурной вкусъ ея современниковъ. Разлюбивъ вѣрныя картины спрасшей, каковы Ричардсоновы, или нравовъ, каковы Смолешовы и Фильдингвы, тогда всѣ снова принялись за дѣшскія сказки, и не могли насытиться вздорными и невѣроятными вымыслами испуленнаго воображенія.

Если захопимъ бышь справедливыми, то замѣшимъ, что сія кришка облачаетъ духъ зависти, спремащійся уничтожить славу Писателя, отказывая ему въ качествахъ, принадлежащихъ роду сочиненій, вовсе отличному ошъ того, кошорый онъ избралъ. Вопросъ не въ томъ сосшопшь, имѣющъ ли Романы Мисприсъ Радклифъ шакое достоинство, кошорое вовсе не шребовалось, и даже исключалось по ея плану; шакже не о томъ идешъ дѣло, чтообы рѣшишь, имѣешъ ли избранный ею родъ достоинство и важность того, кошорый прославили великіе Писатели. Одно только подлежишь рѣшенію: имѣешъ ли *Романъ* Мисприсъ Радклифъ, разумѣя о

земь, какъ о швореніи новаго рода, какой либо достоинство, и доставляешь ли удовольствіе? Что касается до сихъ особенныхъ преимуществъ, о которыхъ жалюсъ, что не находятъ ихъ въ Романахъ Мисприсъ Радклифъ, то обратимъ наши взоры на швореніе природы — и мы убѣдимся, сколь несправедлива такая система кристики. Мы видимъ, что не только каждая звѣзда отлична одна отъ другой особымъ своимъ блескомъ, но что каждое дерево имѣетъ свои плоды и каждый цвѣтокъ свои прелести, исключительно ему принадлежація. Таково и поле Липерапуры: на немъ нужно разнообразіе, и о Музѣ вымысла можно сказать то же, что и о другихъ ея сестрахъ:

Mille habet ornatus, mille decenter habet.

Можно было бы прибавить въ обличеніе *гиперкритиковъ*, на которыхъ мы намѣкаемъ, что не только разнообразныя измѣненія вкуса пребываютъ разнообразія въ сочиненіяхъ; но что если бы кто вздумалъ требовать швореній такого рода, который бы нравился и ученому и невѣждѣ, и степенному человѣку и въпреннику, и евѣнскому и сельскому жителю, то это, можешь спастись, былъ бы самый родъ, который они расцѣниваютъ спрогою своею кристикою. Есть много людей поверхностныхъ,

ком скучающъ прекраснымъ, но длиннымъ развиіемъ спрасшей въ Романахъ Ричардсоновыхъ, хотя весьма многіе пому удивляющся; естѣ другіе, которымъ недостаеши живости воображенія, чтобы постичь остроуміе Ле-Сажа; иные по характеру склонны къ унылости, и пошому ихъ не прельщаеши комическая естественность Фильдинга; а сіи самые люди съ шрудомъ ошстающъ ошчшенія *Тамъ Удольфскихъ* и *Льса*. Любопытство, желаніе таинственности и скрыпный зародыщъ суевѣрія — находяшся въ числѣ стихій ума человѣческаго, и даже бывающъ обыкновеннѣ тонкаго чувства и вкуса у многихъ людей.

Безвѣстный сочинитель *Опытовъ о Литературѣ*, который по поводу сего рода Романовъ,

. . . . . Boast an english heart,
Unused at ghosts or rattling bones to start (*);
не оспариваеши у Романовъ Мисприсъ Радклифъ ихъ достоинства, въ отношеніи къ вымыслу написалъ довольно въ похвалу ея шанша, хотя и не весьма почщительно ош-

---

(*) . . . . . „Хвалитса шѣмъ, что у него Англьское сердце, непривыкшее шрепепать, при видѣ призрака, или педъ звонъ косшей скелеша.“

зылаешся о другихъ Англійскихъ Писательницъ, упражнявшихся въ томъ же родѣ сочиненій. „Хошя всѣ онѣ женщины съ умомъ,“ говоришь онъ : „но ихъ Романы слишкомъ „мрачны и плаксивы, а несбыточныя въ нихъ „присшествія кружатъ голову нашимъ дѣ- „вицамъ. . . . Не шакова великая чародѣйка „*Тайнъ Удольфскихъ*, вскормленная Музами „Флоренція въ пустынныхъ ихъ пещерахъ, „подъ сводами древняго суевѣрія и посреди „ужасовъ волхвованія: эшо женщина - Поэшь, „кошорую Аріосто съ восторгомъ бы при- „вѣщивоваль, какъ

La nudrita

Famigella Trivulzia al sacro speso (*).“

Мисприсъ Радклифъ узнала объ эшомъ ком-
панментѣ уже гораздо послѣ изданія Саширы,
но строгость судія и совершенное его зна-
ніе нравовъ и языка Италіи, кошорую она
избрала мѣстомъ дѣйствія лучшихъ своихъ
сценъ, долженствововали въ глазахъ ея возвы-
сить цѣну сей похвалы.

(*) Стихъ, коимъ начинается XVI пѣснь *Не-
жстоваго Орланда* (l'Orlando furioso). Аріосто
именуешъ всѣхъ красавицъ, гошоващихъ поэши-
ческое его шоржество, и между прочими юную
Тривульцію, вскормленную въ священной пещерѣ.—

Надобно еще замѣнить, что пошъ же самый цехъ Кришниковъ, который спарался оборонить въ смѣхъ ея Романы, какъ несбыточные и неесшешвенные, силился пуще всего унижить дарованія Сочинительницы подъ тѣмъ предлогомъ, что шрудъ ея былъ легокъ. По ихъ мнѣнью, не нужно было ни искусства, ни дара для возбужденія сильнаго вниманія и душевныхъ движеній, кои пробуждаются народными сказками о мертвецахъ еще сильнѣе, чѣмъ выисканными описаніями Мисприсъ Радклифъ. Эта кришика столь же неосновательна, какъ и первая: правда, Мисприсъ Радклифъ увлекаешь и приковываетъ вниманіе тѣми же средствами, кои можешь употребить человекъ съ посредственными дарованіями; но слишкомъ частое употребленіе можешь ихъ ослабить. Читатели скоро, подобно Макбету, пресыщаются ужасами, и спануть нечувствительны къ раздражительнымъ средствамъ сего рода. Посему нуженъ былъ весь даръ Г-жи Радклифъ, чтобы приковать вниманіе читателей къ премъ одного рода Романамъ, тогда, какъ изъ многочисленныхъ ея подражателей, хотѣвшихъ какъ также поводить по старымъ замкамъ, по лѣсамъ и ужаснымъ пещерамъ, ни одинъ не обратился на себя общаго вниманія, пока Г. Люисъ (Lewis) не

издать своего *Монаха*, спустя уже несколько летъ послѣ того, какъ Мисстрисъ Радклиффъ перестала писать.

Матеріалы и планъ сихъ славныхъ Романовъ весьма споспѣшествующъ цѣли Сочинительницы — распрощать читателя понятіями объ опасности, о тайномъ злодѣйствѣ, и привидѣніями, всегда весьма значительными: словомъ, всеми ужасами, смѣшанными съ чудеснымъ. На сей конецъ, картины ея вообще такъ же мрачны, какъ и самая повѣсть, а дѣйствующія лица такіе люди, коихъ одинъ взглядъ бросаешь на все сіе еще большую тѣнь. Дѣйствіе происходитъ вообще въ полуденныхъ краяхъ Европы, гдѣ спраши, какъ и распенія шамошней почвы, ошзываются вліаніемъ знойнаго солнца. Сіи страны обильны искаженными памятниками древности, и гопическими обломками старыхъ вѣковъ. Мѣсто дѣйствія и матеріалы повѣсти весьма искусно подобраны къ тому, чтобы придашь вѣроподобіе такимъ происшествіямъ, кои вовсе не были бы вѣроятны, когда бы дѣйствіе происходило въ Англіи. Со всемъ тѣмъ, дѣлая сіи уступки различію нравовъ чужеземныхъ и впечатлѣнію, какое сіи происшествія могутъ произвести на разумъ народовъ, коихъ понятія несходны съ нашими (Англійскими), мы должны

признаешься, что сіе безконечное сцѣвленіе бѣдствій, прѣшерпяваемыхъ героинею повѣсти, кажешь намъ нееспешивеннымъ. Она безпрестанно борется съ злосчасіемъ, и если иногда какое либо явленіе, повеселѣе другихъ, оживишь каршину, то единственно для противоположности, а совсѣмъ не для того, чтобы, шакъ сказать, ошвеспи душу ошъ унылаго и мрачнаго впечатлѣнія, произведеннаго въ ней повѣстью.

Спараясь возбудишь ощущение ужаса еспешивеннаго и суевѣрнаго, Мисприсъ Радклифъ часто прибѣгала къ темнотѣ и безвѣстности, кои, можешь быть, суть обильнѣйшіе испочники чувствованій возвышенныхъ; ибо мало шѣхъ опасностей, къ коимъ бы не привыкъ человекъ швердаго духа, когда ихъ предшавляютъ за несомнѣнныя и въ формахъ ошущивельныхъ; но и самыя ошважнѣйшія люди нерѣдко шрепешали въ темнотѣ, при мысли объ опасности сомнивельной. Перервашъ повѣствованіе въ шу ивину; шу, когда оно наиболѣе занимашельно, погасишь лампаду именно тогда, когда начинаютъ чишашъ рукопись, заключающую въ себѣ шайну ужасную, выдешпи шѣни, прозвучашъ гробовыми звуками — вошъ извѣстными пособія, кои Мисприсъ Радклифъ уопребляла гораздо удачнѣе, нежели всѣ другіе Писат

тели Романовъ. Правда, что искусство Писательницы слишкомъ явно себя изобличаетъ тогда, когда она готовишь явленіе драматическое. Героини ея охотно сами накликають на себя такія положенія, которыхъ всякая женщина, будучи одна, всего вѣрнѣе старалась бы избѣгать. Онѣ почти всегда выбираютъ полуночный часъ для поисковъ за сокровенностями необитаемой комнаты или похаеннаго хода; вообще онѣ ходятъ туда съ лампадой, которая гухнетъ въ шу минушу, когда онѣ уже готовятся прочесть самыя любопытныя сказанія. Простота повѣсти чрезъ то нѣсколько нарушается; это точно то же, какъ если бы при насъ стали *наряжать* призракъ, который долженъ привести насъ въ пренешъ, и сей-то недоспашокъ, — хотя онѣ и искупаются безчисленными красошами, — не избѣжалъ ошъ кришики.

Одно изъ отличительныхъ свойствъ Романовъ Мисприсъ Радклифъ есть принятое ею правило, давашь въ концѣ повѣсти естественное изъясненіе всѣхъ обстоятельствъ, какъ бы таинственныхъ, какъ бы сверхъ-естественныхъ они ни казались. Должно согласишься, что она гораздо съ большимъ успѣхомъ возбуждаетъ соучастіе и ужасъ, чѣмъ изъясняешь способы, употребленные ею къ

возбужденію сихъ ощущеній. Мы уже говорили о сей пышкѣ Писателей Романовъ — о послѣднихъ главахъ, въ коихъ должно распутать узлы шѣхъ происшествій, копорыя сіи Писатели съ такимъ трудомъ запутывали, и пояснишь всѣ обстоятельство, копорыя они старались сдѣлать неизяснимыми. Если бы позволено было симъ чародьямъ, шворящимъ дивное и ужасы, отправлять назадъ свои призраки также, какъ они ихъ вызвали — при пособіи сомнительнаго свѣща, пособіи, весьма важномъ для фантазмагоріи, — и никогда ихъ не выводили на свѣтъ солнечный, то ихъ обязанность была бы гораздо легче, и превосходный опытовокъ *Сиръ Бертрада* не былъ бы единственнымъ въ эпоху родъ. Но Писателямъ новѣйшимъ не позволяющъ такимъ образомъ устраниваться отъ затрудненій.

Чишателямъ извѣстенъ, можешь быть, анекдотъ о томъ шаромъ судья - формалиста, кошорому доносили, что духъ одного умерщвленнаго человека самъ объявилъ свидѣтелю, что обвиняемый есть подлинный виновникъ. — „Показаніе духа, весьма заслуживаешь вѣру, отвѣчалъ судья; но я оспариваю у него право передавать сіе показаніе черезъ постороннее лице, и шребую, чтошобъ онъ самъ лично явился.“ Нышняя

наша публика сполько же настойчива, какъ и эпопъ судья: она пребуешъ, чшобы расказчикъ самъ объяснилъ свою повѣсть. И шакъ ему должно обсудить, нужно ли для развязки существо сверхъ-естественное, и тогда уже выспавить на показъ мнимаго духа, или же, подобно Мисприсъ Радклифъ, постарашся все объяснить способами естественными.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

III.

ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

О духъ Поэзии Восточныхъ народовъ, и разсмотрѣніе статьи Московскаго Телеграфа подъ заглавіемъ: Новѣйшія изслѣдованія и сочиненія касательно Восточной Литературы и древностей.

Quid verum atque decens curo et rogo, et
omnis in hoc sum

Horat. Epist. I. i.

Для всякаго просвѣщеннаго любителя Словесности, безъ сомнѣнія, пріятно видѣть появленіе въ нѣкошорыхъ періодическихъ из-

даніяхъ нашихъ спашей, относящихся до Литературы Воспочнои, споль много любопытной и споль мало извъспной. Если бы мы вздумали доказывашь пользу, происпекающую опъ знанія оной, то сіе бы увлекло насъ далеко; ибо — кромъ того, что люди весьма свѣдушіе и опытные упражнялись въ семь предметъ, и безмерными трудами своими запечашляли сію истину, — кому не извъспны имена Джонеса, Коллеброка, Гаммера, Саси! — сіе бы поспребовало много времени: слишкомъ обширно поле, ею занимаемое; взоръ съ спрудомъ можешь обняшь его! Мы намърены только, при пособія сихъ знаменипыхъ Писашелей, сказашь напередъ нѣсколько словъ о духъ Поззіи прехъ родспвенныхъ по языку народовъ Воспока: Арабовъ, Персовъ и Турокъ, показашь причины, замедляющія успѣхи въ изученіи сихъ языковъ; и наконецъ разсмотрѣшь одну спашью, помѣщенную въ 21 и 23 NNo Московскаго Телеграфа, подъ заглавіемъ: *Новыишія изслѣдованія и сочиненія касательно Восточной Литературы и древностей*, съ показаніемъ относительной ея пользы, и въ какой спепенн можешь она заслуживашь довѣренность читающей публики.

Поззія Воспочная еспь ясне зеркало природы, — то пламенная, какъ знойное небо

Азія, по сильная и стремительная как неукротимый Симуль, по величественная и тихая, какъ Гангесъ; она — неуловимый Протей — являешся подъ тысячею разнообразныхъ видовъ, всегда новая, чудесная и невыразимо прекрасная. Картины ея роскошны и вѣрны: шѣнистыя пальмы, источники, разливающіе прохладу посреди луговъ, одѣвшихъ безчисленными цвѣтами, робкія серны — живое изображеніе ихъ любезныхъ, благоуханіе мускуса и розъ; — вошь, что безпрестанно встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ Азіатцевъ, и неудивительно: шакова природа, ихъ окружающая; почвы безъ всякихъ украшеній вездѣ оплываешся она въ ихъ произведеніяхъ; или заимствуя предметы свои изъ ужасовъ мѣстныхъ, кошорыми шакъ много изобилуешъ Каменистая Аравія, гдѣ неизмѣримыя пропасти, ужасныя стремнины и громады скалъ, ежеминутно грозящія паденіемъ, спрашашъ и самаго отважнаго Бедуина, удивляющъ они своимъ воображеніемъ смѣлымъ, высокимъ и величественнымъ. Здѣсь, отдавъ полную свободу своему неисшощимому вымыслу, поражающъ они злыхъ геніевъ, ужасныхъ *Дивовъ* — недруговъ челоувѣчества, въ непрестанной борьбѣ съ *Перй* — существами добрыми, пишающимися бальзамическимъ дыханіемъ цвѣтовъ и блистающими всѣми очаро-

вашельными ошпѣнками небесной радуги. Или наконецъ, углубляясь въ самихъ себя, въ непрерывномъ созерцаніи природы, изъ глубины сердца своего извлекають они шѣ высокія истины, кошорыя удивляють насъ въ системѣ Пиеагора, шакъ пѣвнишельны въ сочиненіяхъ Платона! Гимнософисты, говоришь извѣстный Ориенталистъ Шези, сравнивають крапкось жизни съ каплею росы, блеснувшей и въ шо же время исчезнувшей на шрепещущемъ листкѣ Лотоса; почти шо же уподобленіе встрѣчаемъ и въ успахъ Омира, когда онъ сравниваетъ поколѣнія человѣческія съ изсохшими листьями, носимыми по волѣ вѣшровъ.

Такова Восшочная Поезія, взятая въ цѣломъ, попеременно величественная и шихая, ужасная и пѣвнишельная, разнообразная и полная красоты вѣковъ первобытныхъ. Языкъ ея есть языкъ спрашпи; олтъ шоко онъ силенъ, обилуетъ фигурами и метафорами; если даже, какъ иные утверждають, иногда излишествуетъ сравненіями, шо это пошому, что онъ есть изліяніе сердца шресполненнаго, кошорому недосшаетъ словъ для выраженія всѣхъ своихъ чувствованій, — бѣдетъ, слишкомъ недосшашоченъ для него языкъ обыкновенный, неспособенъ для передачи созвучій каждаго особеннаго ощущение

нiя, каждаго ошдѣльнаго чувства, — и по-тому-то оно прибѣгаетъ къ пособію предме-товъ, существующихъ въ природѣ, го-воритъ ими, и говоритъ краснорѣчиво! Вотъ причина, оправдывающая Азіятцевъ въ частномъ употребленіи сравненій! По-чему же оныя употребляются рѣже Евро-пейцами и въ какомъ случаѣ они позво-лительны симъ послѣднимъ, объ этомъ разсуждать будемъ здѣсь не къ стати; ибо оно уже уклоняется отъ нашего разсмапри-ванія, и можешь служишь предметомъ для особеннаго сочиненія. Теперь постараемся опредѣлить характеръ Восточной Поэзіи, свойственной каждому народу въ особенно-сти.

Если Поэзія Восточная въ цѣломъ пред-ставляетъ собою много разнообразіи, то еще несравненно болѣе найдемъ его въ ошдѣльныхъ частяхъ ея. Каждый почти народъ имѣетъ свой особенный характеръ, особенный образъ мышленія, совершенно оригинальный способъ выраженія. Климатъ, Правленіе, Религія, преда-нія, нравы, образъ воспитанія, наконецъ степе-нь просвѣщенія болѣе или менѣе опредѣля-ютъ сіе различіе, которое собою видимо про-является въ нравственномъ характерѣ чело-вѣка, а отъ сего непосредственно и въ Ис-кусствахъ свободныхъ или изящныхъ, гдѣ пре-

иумущественно отражается духъ его. Опъ сего не будете казаться страннымъ, если мы скажемъ, что *Поэзія Китайцевъ* исполнена важности, нравоучительна и даже иногда слишкомъ школьна; что она, ограничиваясь мелочными выгодами жизни, тогда только становится нѣсколько возвышеннѣе, когда имѣешь въ виду прославленіе предковъ или возобновленіе воспоминаній минувшаго (*); что у *Индѣйцевъ*, напрошивъ того, весьма замѣтно направленіе ея къ вѣкамъ первобытнымъ и древнимъ обычаямъ; къ тому времени, когда, по языческимъ преданіямъ, ихъ боги принимали дѣятельное участіе въ дѣлахъ человѣческихъ и нисходили на землю какъ герои, — поборники всего добраго и правосудные мстители злодѣевъ; когда ихъ могущественные Браминны и слабые Раясы поддерживали въ народѣ то суевѣріе, предрассудки, безпечность и нѣгу, въ кошорыхъ онъ полагалъ все верховное свое благо и счастье (**). Причины сихъ двухъ различныхъ свойствъ очевидны: первые, пользуясь благоденствіемъ настоящимъ, не сожальюшъ о прошедшемъ; между шьмъ какъ другіе, онъ

(*) См. предисловіе къ эпической Поэмѣ: *Le Brata Jouda trad. de l'anglais par d'Aignan. 1823.*

(**) *Idem.*

незапамятныхъ временъ покорные игу побдищелей для нихъ ненавистными, вмѣстѣ съ обычаями, содѣлавшимися для нихъ ошъ долгаго упошребленія родсшвенными, и, шакъ сказащъ, необходимыми, ушрашили и свою безпечную свободу.

Блишашельная словомъ, величеспвенная мыслями, фигурами возвыщелная, наконецъ происхожденіемъ своимъ, чего ни о какой другой сказащъ не можно, испинно бодещвенная явлелщся *Поэзія Евреевъ* (*). Чшо-бы разгадащъ сей высокій характеръ ея, шпоищъ шолько обрашищъ внимашельный взоръ на Религію сего народа, кошорая, прищавъ въ основаніе свящыя испины Ошкровенія, была испочникомъ его нравеспвенныхъ и граждашскихъ узаконеній. Ошдѣлая человѣка ошъ всего земнаго, чрезъ побвду надъ его спрашлыми и чувеспвенноспію, она указуешъ ему въ ошдаленіи его испинную ошчизну—небо, и шамъ, какъ въ свѣшлой и блишашельной жаршинѣ, шпо благо, къ кошерому онъ долелъ шспремилщся, и безъ кошораго все земное сущеспствованіе его ещъ бесполезное шстранствование, мучищельный сонъ безо

(*) Jones. Poëseos Asiaticae Commentariorum. Lipsiae 1777. in. 8.

всякой надежды къ сладкому пробужденію. Такимъ образомъ, сосредоточивъ всѣ мысли его и желанія въ одно непрестанное стремленіе къ безсмертію, вселяя въ него презрѣніе къ бѣглымъ и суешнымъ наслажденіямъ жизни, къ кошорымъ споль много было привязано его сердце, производишь въ немъ по внутреннее бореніе, шотъ чувствительнѣйшій разрывъ всего небеснаго ошъ земнаго, кошорый, сошряся самыя нѣжнѣйшіе изгибы его души, изъ собственнот ея дѣятельности, дошолъ шавшейся, рождаешь шу силу и глубину чувствованій, шот недное желаніе чего-шо лучшаго съ швердой вѣрою со временемъ оное достигнушь, и наконецъ шу высокосшь мыслей и помяшій, споль постоянно владычествовавшія въ жизни и въ Поззи сего народа. Здѣсь не мѣсто разсуждашь о богашествѣ и древности его Лишерашуры. Кому неизвѣстно, что ихъ безсмертнѣй Дѣписатель, Богодухновеннѣй Моисей, ознаменовалъ себя прежде, нежели Греки познакомились съ письменами, прежде, нежели существовалъ и знашой въкъ ихъ Поззи (*). Пришомъ споль много и просшранно писано было о семъ предметѣ, что мы почиша-

---

(*) Wahl, von der hebräischen Sprache. Leipzig. 1781. 8.

емъ даже излишнимъ, входяшь въ подробности.

Обратимся къ Поэзіи Персовъ, Арабовъ, и Турокъ (*). „Пламенное воображеніе восточныхъ народовъ,“ замѣчаешь Гаршманъ: „спремится все вокругъ себя одушевишь, выведешь все духовное изъ міра вещественнаго, и все лишнее шѣла и жизни приведешь въ сочувствіе и движеніе. Опъ шого ихъ спихотворенія суть изліянія свободной, ничѣмъ некованной природы, произведеніе огненнаго, пламенющаго воображенія, въ порывистомъ и часто гиперболическомъ тонѣ.“ (**). Такова въ самомъ дѣлѣ являешся *Поэзія Арабовъ*, и преимущественно въ Писателяхъ, жившихъ до Магомеда, коихъ произведенія собралъ Абу-Темамъ въ половинѣ IX столѣтія, давъ сей Аншологіи названіе *Гамазы*, и кошорая намъ извѣстна подѣ именемъ *большой Гамазы*, пакъ прозванной, для отличія оной опъ второй Гамазы, составленной Спихотворцемъ Бохшери, спустя пятьдесятъ лѣтъ послѣ

(*) Поэзіи не столь возвышенной по своему происхожденію, не столь и важной по произведеніямъ, и не столь величественной мыслями, какъ Поэзія Евреевъ.

(**) Hartmann. Die hellstrahlenden Plejaden. 1802. Münster. in 12.

первой. Но еще лучше обнаруживается характеръ Поэзіи сего народа, въ его древнихъ Поемахъ, называемыхъ *Моаллакатами*, о каковомъ названіи ихъ я буду имѣть случай говорить ниже. Въ сихъ Поэмахъ, обыкновенно начинающихся съ воспоминаній о возлюбленной, при описаніи красоты ея и достоинствъ, и при мысли о невольной и даже иногда неожиданной разлукѣ съ нею, Поэшь, тронутый въ глубинѣ души своей, съ твердою рѣшимостію даетъ себѣ обѣщаніе всюду ее отыскивать, при какомъ случаѣ подробно описываетъ своего любимаго коня и верблюда. Потомъ, предаваясь благородному спремаенію души, прославляетъ свою неустраслимость, свой смѣлый и предприимчивый духъ въ опасностяхъ, мужество и храбрость на войнѣ, и пламенное желаніе мести за нанесенныя обиды; исчисляетъ великія и славныя дѣянія своихъ предковъ; наконецъ, переходя отъ звуковъ воинственныхъ къ болѣе сладоснымъ созвучіямъ нѣги, съ веселостію Эпикурейца, громко вызываетъ онъ; чтобы весело наслаждались жизнью, наполняя до края бокаль драгоценнымъ сокомъ гроздій; или восхваляетъ свое гостеприимство, щедрость и благородный образъ мыслей. Таковъ обыкновенный ходъ сихъ Поэмъ, славныхъ не въ одной Аравіи, но и въ

цѣломъ Востока. Въ нихъ вполнѣ развивающ- ся духъ Азіатцевъ: увлеченные первою мыс- лію, копорая успѣла овладѣшь умомъ ихъ, безсильные прошивишься смѣлому порыву своего пламеннаго воображенія, съ быспрошою въшра переносащся они ошь одного предме- ша къ другому, ему близкому, не имѣя ника- кого поспоянно опредѣленнаго плана, ника- кой главной связи, копорая бы господство- вала въ цѣломъ сочиненіи. И можно ли пре- бовашь связи ошь Пивіи, съ преножняка про- рицающей? Слова невольню вырываются изъ полураскрытыхъ, дрожащихъ успѣ ея; языче- ское преданіе говоритъ, что не она, но воля божества, невидимо соприсуществующаго, из- брала ихъ орудіемъ для своего ошкровенія! — То же самое можно сказашь и о Моаллака- шахъ. Сочинишели ихъ — спранспвующіе па- спухи, переходящіе съ спадами своими не- измѣримыя пущыни, находясь на низшей степени образованности, не имѣя никакихъ образцевъ, копорымъ они могли бы слѣдо- вать, но полные предметомъ своимъ, въ шворческомъ порывѣ смѣлаго воображенія, въ пламенномъ волненіи спрасшей, принимаю- щихъ съ живосью каждое впечатлѣніе силь- ное и новое, предавались невольному спрем- ленію своего гевія. Ихъ языкъ, богашый сло- вомъ, но недоспашочный для выраженія по-

няшіи отвлеченныхъ, внезапно одушевлялся
 огнемъ чувства, высокою мысли, разитель-
 ною върносцію карсивъ, мгновенно схвачен-
 ныхъ съ напуры. Можно бѣ было сказать, что
 каждый предметъ въ природѣ встрѣчалъ
 соотвѣтственное чувство въ ихъ сердцахъ,
 каждое чувство рождало новую мысль, каж-
 дая мысль находила слово для видимаго сво-
 его проявленія; и сіе-то одушевленное слово
 въ звучномъ и мѣрномъ паденіи обворожало
 слушателей дошолъ еще неслышанною и не-
 вѣдомою гармонією, въ копорой, какъ въ
 спройномъ и прекрасномъ цѣломъ, непоняш-
 нымъ образомъ сливались и ошголоски серд-
 ца, и яркіе лучи мысли, и предметы види-
 мой природы. Послѣ этого будущъ ли уди-
 вляешься, что въ сихъ сочиненіяхъ шакъ мало
 господствуетъ связи общей; имѣли ли ихъ
 Сочинители довольно времени для обрабош-
 ванія своихъ произведеній! Не всегда ли они
 почши, какъ бы внезапно изливались изъ кра-
 снорѣчивыхъ устъ ихъ! — Живо предшавляю
 себѣ Гареша-бенъ-Хельзу, облокошвшася
 на лукъ свой, и въ сильномъ порывѣ души,
 произносящаго безъ всякаго приготошвенія
 свою Поэму предъ многочисленнымъ собрані-
 емъ народа, вмѣстѣ любителя и спрогаго
 судиіи всего изящнаго, — народа, копорый
 цѣнилъ выше всѣхъ благъ возвышенный даръ

Поэша, и появленіе онаго въ поколѣніи праздновалъ съ великимъ шоржесшвомъ и пышностью (*). Но не одинъ Гарешъ, — имена Амралькеиса, Тарафы, Цохаира, Лебида, Анпары и Амру, — имена всѣхъ Сочинишелей Моаллакашъ вмѣстѣ, блистающъ какъ яркое семи-созвѣдіе на необозримомъ горизонтѣ Арабской Словесности. Мы не намѣрены говорить о достоинствѣ cadaго изъ сихъ сочиненій въ особености, о швореніи Магомеда — Коранъ, о многочисленныхъ Писателяхъ, за нимъ слѣдовавшихъ, и копорые блѣднѣя вблизи сего свѣтила Арабскихъ Поэтовъ, по мѣрѣ своего опдаденія опъ онаго, спановаяся ярче и блистательнѣе. Мы только хотѣли сказать нѣсколько словъ о духѣ Поэзіи сего народа, и невольню увлеклись за быспрымъ пошокомъ ихъ генія (**).

(*) *Suam (Cassida) autem Haereth-ben-Helza vehementissimo animi impetu, arcui suo, more Asiatico, innixus, effudisse ex tempore dicitur. Jones. Poës. Comm. p. 72.*

(**) Изъ числа Арабскихъ Поэтовъ заслуживаетъ особенное вниманіе Мошенебби, копорому многіе опдающъ пальму первенства. Кромѣ того, въ промежутокъ времени опъ Магоммеда до Аббасидовъ, при Оміадахъ жили: Урва-бень-Гисамъ, называемый Кашиль-эль-Хева (любовью

Бросимъ шеперь взглядъ на Повзію Персовъ.

Изъ языка народовъ, говоришь Баконъ Веруламскій, можно почерпнуть весьма почное познаніе ихъ нравовъ и характера. Сія истина, никакому сомнѣнію неподлежащая, можешь бышь весьма удачно примѣнена къ Персамъ и Арабамъ. Первые, подобно Грекамъ, находящъ особенное удовольствіе въ словахъ сложныхъ, другіе же, какъ Римляне, стараются избѣгать ихъ; изъ сего заключить можно, что Персы были склонны къ искусствамъ, Арабы — къ подвигамъ воинскимъ; ибо искусства, по многообразію своему, обыкновенно пребываютъ въ словахъ сложности, между шѣмъ, какъ дѣла воинскія выражаются просто и чуждаются всякихъ украшеній. Отъ сего Персы предспавляютъ

сраженный), Амеръ или Кеисъ-бенъ-Мулавихъ, названный Мемнунъ ш. е. бѣснующійся; Кошеръ бенъ-аббъ-Эррахманъ (хвалипель своей любезной); Каисъ-бенъ-Доранджъ (знаменимый любовникъ) и многіе другіе. Знаменишѣйшіе между ними: Джериръ, Эль-Ахшгаль и Эль Фараздакъ; отъ того Ибнъ Халекавъ, въ описаніи жизни перваго, говоришь, что ученые согласны въ томъ, что изъ Спихошворцевъ Ислама почши нѣтъ ни одного, подобнаго симъ прѣмъ.

ся намъ сладоспращными, роскошными и безпечными; Арабы, напрошивъ шого, важными и спрогими. Одни въ сочиненіяхъ своихъ многорѣчивы и распочипельны; другіе — крашки, почны, ясны и сжаны; весьма рѣдко упошребляющъ во зло обиліе словъ, и весьма часто однимъ словомъ яснѣе выражающъ мысль, нежели мы многими. Хотя сіе различіе характеровъ народа, выводимое Джонесомъ изъ спроенія языка, доспашочно опредѣляетъ совершенно противоположный духъ ихъ Поезін; но намъ кажешся, что есшъ и другая, довольно важная причина сего видимаго, и такъ сказашь, ошущипельнаго различія. Арабы не имвющъ никакой, собспвенно имъ принадлежащей Миеологій. Вся она заключаешся въ ихъ Коранъ и Суннъ или изуспныхъ преданіяхъ Лжепророка; а какъ ученіе Ислама основываешся на единствѣ Бога, и поелику сей чистый Теизмъ, какъ религій умшвенная, исключипельно опшвергаешъ всякіе вымыслы; шо и Миеосъ ихъ совершенно религіозный ограничиваешся весьма малымъ числомъ чудесъ, и нѣсколькими Библейскими повѣспвованіями, кошорыми Могамедъ заблагоразсудилъ украсишь Коранъ свой, и кошорыми первые Иманы, или духовные успановиштели Исламизма, спарались придашь смыслъ высокій и значеніе аллегорическое.

рическое. Сей по важный недоспашокъ; коего причины изыскивашь и излагашь здѣсь будешь слишкомъ длинно, необходимо долженствовало имѣть могущественное вліяніе и на языкъ ихъ. Поэзія Арабовъ, лишенная сего средства къ возбужденію удовольствія и занимательности, невольно обратилась къ другимъ источникамъ. Обиліемъ и, если позволять мнѣ выразишься, искусственнымъ спротивіемъ языка, хотѣла она замѣнить сіе непріязненное для нее достояніе. Отъ того находимъ въ ней шу тибкость въ выраженіи, шо невообразимое видоизмѣненіе слова, и наконецъ шошь избытокъ метафоръ, прошивоположеній, шу безчисленность украшеній, иногда самыхъ высканныхъ, шо разнообразіе и вмѣстѣ гармонію размѣровъ, кошорыхъ красоты и недоспашки, можно сказать, недостижимы для другихъ народовъ.

Совершенную прошивоположность сему усматриваемъ въ Персахъ: хошя они, подобно Арабамъ, отъ нихъ, какъ отъ побѣдителей, вмѣстѣ съ языкомъ, послужившимъ къ обогащенію ихъ природнаго, приняли и ученіе Корана; но сія бѣдность въ мѣтахъ была для нихъ нечувствительна при богатомъ запасѣ ихъ древнихъ баснословныхъ повѣствованій и старинныхъ вымысловъ, кошорые, или жершвые предметы шворенія пре-

имущественно предъ другими надѣляли душею и языкомъ, или пораждали такіе, которые никогда не существовали въ природѣ. Сія сокровища хранились въ древнихъ дѣписаніяхъ Государства, а по испроверженіи онаго, ошались, хотя сокращенно, въ *Шах-наме*, безсмертномъ произведеніи Фирдуси. Въ чемъ же они состояли, и что подало поводъ къ ихъ изобрѣшенію, — эпошъ вопросъ, равно какъ и разрѣшеніе онаго, относится болѣе къ особенной Миеологіи сего народа, которая въ занимаемость конечно не уступитъ Греческой, и ожидаетъ только дѣятельныхъ усилій какого либо любителя, чтобы обнаружилъ во всемъ своемъ блескъ.

Кромъ сего преимущества, которое хотя не даетъ Персамъ особеннаго перевѣса надъ Арабами, но весьма много распространяетъ вѣчно-юную область ихъ Поэзіи, имѣютъ они особенные прекраснѣйшіе вымыслы, которые содѣлались, можно сказать, родственнымъ языку ихъ. Упомяну только объ одномъ изъ нихъ: *Любовь соловья къ розѣ*: это самый древнѣйшій, а вмѣстѣ и прелестнѣйшій мифъ Персидской Поэзіи, который, не взирая на то, что столь часто повторяется въ пѣвническихъ произведеніяхъ ихъ Поэтовъ, сохранилъ однако жъ всю

дѣвственную свѣжестъ своихъ красокъ и доставляешь удовольствіе своими, всегда новыми ошпѣнками нѣги.

Сія-то особенная Мифологія и сіи вымыслы, опъ древнихъ временъ сохранившіеся, послужили Абуль - Касемъ Мансуру, по сладости стиховъ своихъ проименованному *Фирдусіемъ* или *райскимъ*, источникомъ чудеснаго для его безсмертной Эпической Поэмы *Шахъ - наме*, о которой я упоминалъ уже выше, и которая, подобно великану, является при самомъ возрожденіи Персидской Поэзіи. Въ ней встрѣчаемъ разительное сходство съ *Иліадою* и *Одиссеей* Омира; но что болѣе должно поразить удивленіемъ каждаго просвѣщеннаго мыслителя, то это одинакая участь сихъ великихъ геніевъ. И шопъ и другой посвятили всю жизнь свою на шворенія, спяжавшія обоямъ вѣнецъ неопшѣемлемый, и шопъ и другой, преслѣдуемые бѣдствіями, умерли въ бѣдности; съ шѣмъ только различіемъ, что слава Омира возникла уже надъ его могилю, между шѣмъ какъ она временно улыбалась Фирдусію при жизни, и послѣднія минуты кончины сего великаго Поэта улаждала радостною мыслию безсмертія. Удѣлъ завидный даже и тогда, когда онъ можешь бышь приобрященъ не иначе, какъ съ помер-

*

пвованіемъ цѣлой жизни! И будешь ли геній дорожишь симъ крашкременнымъ и преходящимъ даромъ неба? — Пославленный на распушія двухъ спезей, различно ведущихъ къ спяжанію славы, ужели онъ предпочтетъ пупъ длинный и покойный крашчайшему, но устьяному трудностями? Подобно кометѣ, разсѣкающей въ неизвѣстномъ направленіи въздушныя пространства вѣтра, и вдыхающей ужась въ сердце чловѣка суевѣрнаго, онъ устремится въ вѣчную и ненарушимую обитель хлада и мрака, швердою рукою внесешь шуда свѣшильникъ просвѣщенія, спрашный и гибельный для одного невѣжества, и, какъ новое солнце, благодѣтельнымъ сіяніемъ своимъ согрѣетъ природу окостенѣлую въ ея основаніи. Всякая борьба генія съ предразсудками, не есть ли новый выигрышъ пошомшву, а каждое слово его — драгоценный завѣщъ грядущимъ поколѣніямъ — новый міръ, въ которомъ развивается сокровищница его мыслей и возвышенныхъ понятій!

Теперь намъ осшаешься сказать еще нѣсколько словъ о главнѣйшихъ Поэмахъ Перси, дабы различными родами Стихотворства, въ которыхъ они упражнялись, и которыми приобряли себя славу, дополнишь то, что выше было приведено о духѣ и характерѣ ихъ Повзій. Каковымъ являешься *Фир*

души въ исторической Эпопее, таковы, и не
 менѣ славенъ Низами въ родѣ романтичес-
 комъ, Энверъ какъ Панегирикъ, Джелале-
 динъ какъ Писатель мистической, Саади
 какъ нравоучитель, и наконецъ Гафизъ,
 какъ Поэтъ эротической, коего Газели (Оды),
 безъ всякаго приспращія, назвать можно
 неоцѣненными перлами Востока. Нельзя
 оставишь также безъ вниманія и Джами,
 который, хотя гораздо поздне ихъ всѣхъ
 выступаетъ на сцену, и не можешь
 считаешь ни въ какомъ отношеніи пер-
 вымъ, но почти во всѣхъ родахъ имѣеть
 полное право на вѣчное мѣсто, и потому,
 по всей справедливости, можешь быть при-
 численъ къ собранію сихъ великихъ Поэтовъ,
 и вмѣстѣ съ ними прекрасно благоухаетъ въ
 семицвѣтномъ вѣнцѣ Персидской Поэзіи. Къ
 сожалѣнію, ограниченный объемъ снѣжки на-
 шей не позволяеть намъ заняшь размо-
 привіемъ произведеній каждаго изъ сихъ Поэ-
 товъ въ особенности; мы должны также
 пройди въ молчаніи и заслуги многочислен-
 ныхъ другихъ Персидскихъ Стихотворцевъ,
 которые хотя идушь уже по слѣдамъ сихъ
 великихъ геніевъ, но при всемъ томъ имѣ-
 юшь сколько еще оригинальности и досто-
 инствъ особенныхъ, что не только произ-
 веденіями своими способствовали къ укра-

щенію и обогащенію Персидской Словесности, но могли бы также служить богатымъ рудникомъ и для всякой чужеземной Литературы.

(Продолженіе вперед).

IV.

**СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ
и ПОЛИТИКА.**

**Историческое и политическое обозрѣніе
происшествій 1825 года.**

(Изъ Hamb. pol Journal.)

Съ полунощнымъ ударомъ колокола, окончившимъ сей годъ, свершилась и первая четверть XIX столѣтія. Какое различіе между началомъ сего столѣтія, кошорое, по словамъ безсмертнаго Поэты Германіи, открылось кровопролитіемъ и борьбою двухъ сильныхъ Монархій о единодержавіи вселенной, и вступленіемъ во вторую четверть онаго! Послѣ долгихъ, кровопролитныхъ браней, сіи Монархи снова соединены миромъ и дружбою. Новый Свѣтъ образованныхъ областей. (ибо тогда успѣхи Сѣверной Америки

были еще незначительны, или по крайней мѣрѣ, незамѣчательны, а Испанская и Португальская части оной служили только для наполненія ланкаришъ и къ обогащенію нѣкоторыхъ промышленниковъ запрещенными товарами), новая юная, огромнѣйшая, богатѣйшая Европа возникла изъ Океана, и образованность окинула волшебнымъ поясомъ своимъ отдаленнѣйшіе Архипелаги Австраліи. — Конецъ XVIII столѣтія былъ весьма значительенъ. Въ первые годы послѣдней его четверти, и шакъ за полвѣка донынѣ, началась борьба о независимости Сѣверной Америки. Бурное время Французской революціи, первые завоеванія Наполеона, начало его владычества заключались въ сей четверти. Но гораздо значительнѣе и важнѣе была первая четверть XIX столѣтія, въ которой могущество Наполеоново въ Европѣ развилось съ такою неизвѣстной быстротою, и достигло такой высоты, до коей, со временъ Римлянъ, никакая Держава не доходила, и, по кратковременной исполнкой борьбѣ, еще съ удивительнѣйшею скоростью обрушилось въ прахъ! Въ семь-по періодъ яснѣе, нежели во всякомъ иномъ, видна рука Провидѣнія, управляющаго дѣяніями человеческими. Все, что непоколебимая воля и всеобъемлющій гений Наполеона имѣли въ виду, или создали свою

сидю, уже сперлось съ лица земли; между-
 шьмъ, какъ съ случайными послѣдствіями
 двухъ поступковъ его, продажи Луизианы,
 учиненной для наполненія казны, къ пред-
 сполывшей ему войнѣ, и занятія Пиреней-
 скаго полуострова, находился въ тѣсной
 связи быстрое усиленіе Соединенныхъ Шта-
 товъ и преобразование всего Новаго Свѣта,
 два происшествія, коихъ послѣдствія перей-
 дуть въ позднѣйшіе вѣки. Однако же еще
 обильнѣе послѣдствіями и примѣчательнѣе
 всѣхъ сихъ политическихъ бореній и преобра-
 зованій въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, (ко-
 торое шьмъ большее заслуживаетъ вниманіе,
 что заключаешь въ себѣ все время пра-
 вленія и сильнѣйшаго и благодѣтельнѣйшаго
 вліянія на дѣла общественныя нынѣ, ко-
 всеобщей горести цѣлой Европы, столь ра-
 новременно почившаго Императора Але-
 ксандра), — были удивительные успѣхи и
 быстрыя распространенія общей образова-
 ности. *Внутренняя* Исторія народовъ сей
 эпохи, объемлющая всѣ измѣненія и успѣхи
 въ промышленности, торговлѣ, Художествахъ
 и Наукахъ, несравненно важнѣе *внѣшней*.

Десятилѣтній миръ, непрерыванный оп-
 дѣльными безпокойствами въ необразованныхъ
 южныхъ краяхъ Европы, господствовалъ въ
 сей части Свѣта. Въ теченіе сего мирнаго

періода народы сдѣлали величайшіе успѣхи, какъ въ отношеніи къ населенію, такъ и во всѣхъ постановленіяхъ и во всемъ кругѣ дѣйствія гражданской жизни. Во время онаго учинены новыя изобрѣшенія, старыя употреблены съ большею пользою и усовершенствованы, промышленность обогатилась новыми отраслями; недавно открытыя обильныя страны земли отверзлись для образованности. И такъ, нынѣшній вѣкъ по справедливости называется *эпохою просвѣщенія*, и мы должны признаться, что онъ, въ семь отношеній, кажется исполиномъ въ сравненіи съ прошекшими вѣками. Въ какое изумленіе пришелъ бы человекъ, который за двадцать пять лѣтъ оставилъ зѣное поприще, если бы онъ могъ ожить и узнать о происшествіяхъ и изобрѣшеніяхъ послѣднихъ временъ? — Во время его жизни считали невозможнымъ плавать по морю безъ вѣтра или пропивъ онаго: нынѣ сіе искусство изобрѣшено. Ъздить безъ лошадей полагали несбыточнымъ: нашему вѣку предоспавлено было успѣшное совершеніе сей мечты. Освѣщеніе улицъ и домовъ посредствомъ горючаго воздуха, есть изобрѣшеніе, о коемъ тогда и на мечтали. — Въ Ангаійской Газетѣ *The Mirror* приводятъ достойный вниманія примѣръ тому, какъ легко мо-

гушъ ошибашся люди, которые по насто-
 ящему положенію вещей судяшъ о будущемъ,
 и причисляюшъ къ невозможностямъ тѣ дѣ-
 ла, которыя переходяшъ за предѣлы ихъ
 свѣдѣній. Въ 1671 году, когда предложень
 былъ въ Нижнемъ Парламентѣ проакшъ о
 построеніи моста чрезъ Темзу близъ Порш-
 нея, онъ не только встрѣченъ былъ упор-
 нымъ сопротивленіемъ, но и совершенно
 былъ ошринуть, ибо уже тогда опасались,
 чшобы умноженіе числа мостовъ не разо-
 рило барочниковъ, пивавшихся перевозомъ
 людей и поваровъ чрезъ рѣку. При семь
 случаѣ, нѣкто Томпсонъ представилъ, что
 распространеніе Лондона естъ величайшее
 несчастіе, и назвалъ соединеніе собшвеннаго
 города (City) съ Вестминстеромъ совершен-
 ною невозможностію. Нѣкто Боскавенъ, же-
 лая осмѣяшъ весь проакшъ, сказалъ, съ на-
 мѣреніемъ еще увеличитъ насмѣшку, что
 можешъ бышъ найдущся изъ числа привер-
 женцевъ проакша такіе, которые предло-
 жашъ поспроитъ новый мостъ изъ одного
 чугуна — и этою выходкою возбудилъ всеоб-
 щій хохотъ. — Наконецъ, нѣкто Гербершъ
 увѣнчалъ саширу сими словами: „Если бы
 кто нибудь вздумалъ предложитъ намъ, въ
 семь дней свезши насъ въ карещъ въ Един-
 бургъ, или въ шесть мѣсяцевъ доставишъ

моремъ въ Индію, не справедливо ли бы мы посупили, когда бы опредѣлили заключить его въ домъ сумасшедшихъ?—А нынѣ многіе мосты построены чрезъ Темзу, и барочки опъ пого не разорились; сверхъ пого несколько сооружены чугунные мосты, но даже начинающъ проводить дорогу подъ самою Темзою, мысль, до кощорой даже воображеніе погоданныхъ ошряковъ не могло подняться, чтобы избраться оную цѣлю своего посмѣянія; менѣе, чѣмъ въ семь дней ѣздящъ въ почтовой каретѣ изъ Лондона въ Единбургъ, и вскорѣ по чугуннымъ дорогамъ будущъ ѣздишь въ три дни; менѣе, чѣмъ въ шесть мѣяцевъ, достигающъ моремъ даже самой опдаленной Новой Голландіи, и надѣющъ, посредствомъ паровыхъ судовъ, въ 2½ мѣяца проѣхашъ въ Восточную Индію. Брипанскія Компаніи усугубляющъ важность и пользу нынѣшнихъ изобрѣшеній неизмоврно быстрымъ распространеніемъ оныхъ по всему Земному шару. Такимъ образомъ два изъ нихъ, Коншинентальное Общество газоваго освѣщенія, управляемое Генераломъ Конгревомъ и имѣющее капиталу до 15 милліоновъ рублей, и Газовая Компанія для внутренности Брипанскаго Государства, съ величайшимъ успѣхомъ занимающъ распространеніемъ сего освѣщенія, и первое уже

заключило контракты въ Дани, Нидерландахъ, Пруссіи, Баденъ и Виртембергъ. — Изобрѣшашелемъ еще несравненно важнѣйшаго плаванія на паровыхъ судахъ былъ Сѣверо-Американскій уроженецъ, Робертъ Фульшонъ. Онъ также первый, еще въ 1793 году, предложилъ прозкты устройства чугунныхъ дорогъ, изобрѣлъ панораму и другія полезныя механическія произведенія. Въ 1807 г., построилъ онъ въ Сѣверной Америкѣ первое паровое судно, а въ 1815 г. окончивъ знаменитый паровой фрегатъ, названный его именемъ, скончался на 49 году жизни своей. Смерть его причинила всеобщую горестъ. Со времени кончины сего великаго генія, который столько способствовалъ къ сближенію всего міра, и шѣмъ къ дальнѣйшему развитію способностей человѣчества, сіе изобрѣшеніе не только распространилось по всей образованной части Земнаго шара, но и усовершенствовано мало по малу. Въ Америкѣ спроятъ теперь паровыя суда съ чугунными трубами, вмѣсто кошла, и многими другими улучшеніями, и возвышающъ силу паровыхъ машинъ до удивительной степени. Въ Лондонѣ учреждена большая Компанія мореплаванія на паровыхъ судахъ, которая уже построила 16 такихъ судовъ, и совершаетъ на оныхъ, между прочимъ, поѣздки въ Восточную Индію; она

Когда уже выплывешь значительные участки акционерам своимъ. Въ Россіи, Голландіи, Швеціи, Нидерландахъ и Даніи строятся болѣе и болѣе паровыхъ судовъ; таковыя же суда плаваютъ по озерамъ Швейцаріи и Сѣверной Италіи. Въ Кельнѣ основано Прусско-Рейнское Общество пароваго кораблеплаванія.

Другое изобрѣшеніе, важное для мореплаванія, суть кожаные паруса Г. Броунинга, могущіе прошивиться бурямъ. — Однако же парь не только совершенно преобразовала кораблеплаваніе, Горное Искусство и фабричныя работы: оны и въ Военномъ Искусствѣ произведешь великія перемѣны; просимъ читателей припомнить сказанное во всѣхъ Журналахъ о паровой артиллеріи, посредствомъ коей Г. Перкинсъ еще недавно дѣлалъ весьма удачныя опыты, въ присутствіи Герцога Веллингтона. — Уже не только Англійское Адмиралшество, подобно Американскому, хочешь умножить число военныхъ кораблей своихъ паровыми судами, но даже и Египетскій Паша отправилъ одно паровое судно съ послѣднею своею экспедиціею прошивъ Морей. Употребленіе пара, сбереженіемъ людей, увеличило народонаселеніе Великобританіи 2^м милліонами жителей, а промы-

шленность оной обогатила силою равною силъ 320,000 лошадей.

Нынѣ обращаютъ величайшее вниманіе на употребленіе паровыхъ повозокъ, и учрежденіе чугунныхъ дорогъ. Первый чугунный путь во Франціи учреждается нынѣ отъ Сеншъ-Эшіенна къ Лоарь. Въ Англіи предпочитаютъ чугунные дороги каналамъ, и строятъ оныя отъ Ливерпуля до Манчестера, и отъ Эдинбурга до Лондона, на пространствѣ почти 600 верстъ. Около Будвейса въ Богеміи также ревностно занимающа поспроеніемъ чугунной дороги. — Сверхъ того во многихъ мѣстахъ строятъ чугунные мосты. Посему желѣзо дѣлается со дня на день нужнее: теперь добывается оно въ Америкѣ и Новой Голландіи, въ такомъ же множествѣ, какъ и каменный уголь. — Не менѣе того вниманіе смѣшанныхъ головъ обращено на подземныя сокровища благородныхъ металловъ, преимущественно въ Новомъ Свѣтѣ. Въ Мексикѣ находится около 3000 копей, раздѣленныхъ на восемь полосъ, идущихъ вдоль Анагуакскихъ Кордильеръ, когоры занимаютъ десяную часть Мексиканской области. Доходъ, получаемый съ рудниковъ бывшей Испанской Америки, простирается съ 1800 по 1810 г., кругами числомъ ежегодно до 47 милліоновъ піастровъ, въ чи-

сло коихъ одна Мексика доспавляла 30 милліонѣвъ. Но сколько можешь прибыльъ съ оныхъ увеличиться, если разработка ихъ будетъ производиться сообразно съцѣлю! Первое рудокопное Общество есть Англо-Мексиканское, основанное въ Іюль 1824 г. Оно имѣешь капиталу милліонъ ф. сп., и разработываетъ уже 6 копей, между прочими, богатѣйшія въ Валенціанъ, изъ которыхъ ему удалось вычерпашъ воду, въ оныхъ скопившуюся. Кромѣ того, учреждены еще 3 Компаніи для разработки Мексиканскихъ рудниковъ, одна въ Гванахуашъ и Капорсъ, съ 960,000 ф. сп. капиталу, другая въ Реаль-дель-Монше съ 200,000 ф. сп, капиталу, прешія въ Тлапухагвъ, съ 400,000 ф. сп. капиталу; всѣ онѣ отправили корабли съ машинами, рудокопами и инженерами въ Мексику.—Другое Англійское Общество съ успѣхомъ разработываетъ Мараквильскія копи, близъ Боготы въ Колумбіи. Оно основано въ Декабрѣ 1824 г., и имѣешь капиталу милліонъ ф. сп. Еще одно Общество, съ милліономъ ф. сп, капиталу, учрежденное уже въ 1822 г., разработываетъ рудники Буэносъ-Айреской Республики, къ югу отъ рѣки Ла-Платы. Двѣ Компаніи копають Перуанскія руды, одна съ милліономъ ф. сп. капиталу, въ копяхъ Куско, другая въ рудникахъ Потози и Ла-Поза. Хилійскія золотыя

и серебряныя копи разрабатываются двумя Обществами, Хилійскимъ, съ миллиономъ ф. сп. и Англо-Хилійскимъ, съ 1,300,000 ф. сп. капиталу. Третья Компания, съ миллиономъ ф. сп. капиталу, добываетъ, мѣдную и другую руду въ Перу и Хили. — Также учреждено Общество для разработки Бразильскихъ золотыхъ копей въ Минасъ-Герраесъ съ миллиономъ ф. сп. капиталу. Къ сему причислишь должно общія Компаніи для разработки Юго-Американскихъ копей, имѣющія 2 миллиона ф. сп. капиталу, Общество для Мексиканскихъ копей и многія другія, недавно основанныя Компаніи. По новѣйшимъ донесеніямъ, уже почти всѣ сіи копи дославляють значительную прибыль, и количество благородныхъ металловъ на землѣ несравненно умножились. Всѣ Британскія Компаніи Американскихъ горныхъ работъ уже собрали для сей цѣли всего 12,060,000 ф. сп. — Британскій духъ смѣливости не довольствуется одними Американскими горными работами: Англійскія Общества разрабатываютъ рудники въ Гарцѣ; намѣреваются заниматься копами въ Борнео, Южной Индіи и пр.; опкупають жемчужную ловлю въ Колумбіи, алмазныя копи въ Индіи и Америкѣ, и ш. п. Такимъ образомъ Англія вскорѣ бу-

дешь владѣнїи большею частію благородныхъ металловъ, драгоценныхъ камней и жемчугу всего Сѣвѣ.— Между тѣмъ въ послѣдніе годы открытъ новый источникъ богатства, неподлежащій вліянію Англїи, а именно промываніе золотого песка въ Уральскихъ горахъ, на предѣлахъ Европейской и Азіатской Россїи. Сей источникъ богатства объявляетъ великую прибыль какъ Правительству Россійскому, такъ и частнымъ тамошнимъ помѣщикамъ.

Важнѣйшія послѣдствїя для всемірной торговли и для будущихъ всемірныхъ сношеній будетъ имѣть проведеніе канала между обоими великими Океанами. — Знаменитый Гумбольтъ въ недавно вышедшемъ шрешнемъ томѣ *Путешествій въ равноденственные страны Нового свѣта*, означаетъ 5 пунктовъ, чрезъ которые можно провести таковой каналъ: 1) въ Мексиканской Республикѣ чрезъ мысъ Тегуантепекъ, 2) въ Гватимальской—чрезъ мысъ Никарагву, 3) въ Колумбійской—чрезъ при пункта, а именно чрезъ Панамскій перешеекъ, къ югу отъ онаго чрезъ Даріенскій мысъ, близъ Купики, и наконецъ для лодокъ, на Колумбійской твердой землѣ, между рѣками Апраго и Хоко, который уже въ самомъ дѣлѣ проводится и называется Рапсадуру. — Онъ полагаетъ,

что полезнее всего проведши каналы широкаго размѣра чрезъ мысъ Никарагву и Купику, для плаванія въ Индію и Кипай. — Притомъ спрашивается: можешь ли Англія желать установленія такого сообщенія, коего величайшими выгодами воспользуются Сѣверные Американцы? Гассель замѣчаетъ, въ своей проспанной Американской Географіи, что хотя Англія и почитаетъ положеніе бывшихъ Испанскихъ и Португальскихъ колоній для себя выгоднымъ, однако же, можешь быть, не сшоль опдаленно по время, когда симъ-по самымъ всемірная торговля получитъ иное направленіе. Справедливо также Издашель Западно-Зеландской Газеты, основываясь на историческихъ и географическихъ причинахъ, почитаетъ положеніе Англіи менѣе выгоднымъ, чѣмъ оно было до Версальскаго мира, заключеннаго 3го Сентября 1788 г., — потребны великая политическая мудрость и оспорожность для удержанія въ ходу сей огромной Государственной машины. Конечно она еще имѣетъ свои владѣнія въ Индіи, кои безпрестанно приумножаются; но какимъ опасностямъ подвержена сія собственность! Вошь въроашная причина тому, что Англійское Министерство такъ ревностно распространяетъ поселенія свои на островахъ Южнаго моря и на величай-

шемъ оспрову Авспралиі. Но уже и Нидерланды и Франція обрашили на оныя свое вниманіе, и говоряшь даже, что Французское Правительство намѣрено основашь колонію для пресшупниковъ въ Новой Гвинее, на оспрову, почши равняющемся величиною со всею Франціею, на коемъ все прелестно и очаровательно, исключая обипашелей, принадлежащихъ къ черному безобразному племени Папусовъ. —

Въ прошедшемъ году, болѣе, чѣмъ въ которомъ либо изъ прежнихъ, важныя происшествія въ Исторіи человѣчества сопряжены были съ сильными переворотами стихій. Успѣхами въ Астрономіи доказано, что явленіе паша кометь на небѣ не принадлежишь уже болѣе къ происшествіямъ необыкновеннымъ; но землетресенія и метеоры были замѣчены на многихъ почкахъ Земнаго шара; и вѣроятно, должно приписашь новымъ подводнымъ вулканическимъ изверженіямъ единовременное наводненіе С. Петербурга и береговъ Калифорніи, 7 Ноября 1824 г., которое въ Февраль сего года, также въ одно время, покрыло морскими волнами Сѣверныя Европейскія приморскія страны и берега Сѣверной Америки. Раствореніе воздуха также отличалось нѣсколькими весьма умѣренными зимами и чрезмѣрнымъ зѣпнимъ зноемъ на

Сѣверѣ, между шѣмъ, какъ многія южныя страны терпѣли зимою ошъ сильной стужи, а лѣтомъ ошъ постоянной засухи. Метеорологи поясняютъ сіи случаи появленіемъ, величиною и исчезаніемъ солнечныхъ пятенъ.

Политическія обстоятельство, въ теченіе сего года, претерпѣли важную перемену, и могутъ подвергнуться несравненно важнѣйшей въ продолженіе будущаго. Въ концѣ протекшаго года, западныя страны Европы, подъ сильнымъ вліяніемъ Священнаго Союза, находились почти въ совершенной противоположности со всею Американскою швердою землею. Великобританія была сильною между ними посредницею и предупреждала начатіе непріятельскихъ дѣйствій; по причинѣ важныхъ торговыхъ и промышленныхъ выгодъ своихъ, она хотя и склонялась болѣе къ западному полушарію, однако же, сѣдуя осторожной политицѣ, старалась съ другой стороны, по возможности, согласоваться съ рѣшительно выраженными правилами восточнаго. Въ теченіе же 1825 года, двѣ области Американскія возобновили сношенія съ Европейскими странами, изъ коихъ получили населеніе и образованность свою. Франція признала независимость оспорова Сень-Доминго или Гаити, а Португа-

дія, при посередничествѣ Англіи, утвердила независимосць Бразильской Имперіи. Пошомъ Франція вступила въ торговья сношенія съ Мексикою, хошя оныя ограничились шолько взаимнымъ признаніемъ обоюдныхъ агеншовъ; и не она одна изъявила желаніе, чшобы Испанія окончила бесполезную, и для ней самой гибельную, борьбу прошиву бывшихъ ея колоній: самъ Папа предсшавилъ необходимость, чшобы Испанія или слюю оружія или другими способами, поспшавля себя въ шакое отношеніе къ колоніямъ, кошорое доставило бы ему возможность блюсти о благѣ Римско-Католической Церкви въ обширной и богатой сшрашъ, занимаемой ими на западномъ полушаріи. Бразилія, въ свѣдствіе признанной Поршугаллією независимости своей, вступилъ въ шѣсныя дружескія связи не шолько съ Францією, (кошорая поручила своему Генеральному Консулу заключишь съ нею дружесшвенный и торговый договоръ), но и съ восшочными Европейскими Державами, и именно съ Австрією, кошорая видѣшь одну изъ Эрцгерцогинь своихъ на единшвенномъ престолѣ Новаго Свѣта, украшенномъ ея добродѣтелями.

(Продолженіе впрѣдъ.)

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ,

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 6.

Мѣсяцословы на 1826 годъ.

На Русскомъ языкѣ.

33. *Мѣсяцословъ на лѣто отъ Рождества Христова 1826*, которое есть простое (.) содержащее въ себѣ 365 дней, сочиненный на значнѣйшія мѣста Россійской Имперіи. Печ. при И. Ак. Н. 130 стр. въ 8.
34. *Стѣнный Мѣсяцословъ на 1826 годъ* (изд. при И. Ак. Наукъ), на 1 листѣ.
35. *Морскій Мѣсяцословъ на лѣто 1826*. Печ. въ Морск. шип. 1824, 92 стр. въ 6. 8. Изданъ въ началѣ 1825 года; вслѣдъ за онымъ напечатанъ и
36. *Морскій Мѣсяцословъ на лѣто 1827*. Печ. въ Морск. шип. 1825, 92 стр. въ м. 4. Въ концѣ присовокуплены и на

Нѣмецкомъ языкѣ изъясненія сихъ Мѣсл-
цослововъ.

На Нѣмецкомъ языкѣ.

37. St. Petersburger Kalender auf das Jahr nach Christi Geburt 1826, welches ein gemeines Jahr ist von 365 Tagen, gerichtet auf die vornehmsten Derter des Russischen Reichs. St. Petersburg bey der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften. 136 стр. въ 8.
38. Comptoir und Wand-Calender auf das Jahr 1826. (изд. при И. Ак. Н.) на 1 л.
39. Mitauischer Taschenkalendar für 1826, Mitau, bey F. F. Steffenhagen und Sohn. (28 стр.) въ 12.

Въ семь Календаръ оканчивается сочиненная Г-мъ Профессоромъ Мишавской Гимназіи, *К. В. Крузе*, Исторія Курляндіи во времена Герцоговъ, объемлющая 234 года. Любители Курляндской Исторіи надѣются, что Авторъ доспавишь имъ удовольствіе видѣшь въ одной книжкѣ всѣ отрывки сего сочиненія, печатавшася въ Мишавскихъ карманныхъ календаряхъ уже съ 1816 года.

40. Mitauischer Kalender auf das Jahr nach Christi Geburt 1826, welches ein gemeines Jahr von 365 Tagen ist. Berechnet für Horizont von Mitau и пр. Mitau, 1825. печ. у Стеffenгагена. (44 с.) въ 4.
41. Livländischer Kalender auf das Jahr nach Christi Geburt 1826, welches 365 Tage hat. Mit allergnäd. Russisch-Kaiserl. Privilegio. Riga, bei Müller. (64 с.) въ 16.

42. Livländischer Kalender auf das Jahr nach Christi Geburt 1826, welches ein gewöhnliches Jahr von 365 Tagen ist. Riga, bei W. F. Häcker. (64 c.) в м. 12 или 16.
43. Livländischer Tafel-Kalender auf das Jahr 1826, etc. (Riga) bei Müller, (на одномъ листѣ).
44. Livländischer Tafel-Kalender auf das Jahr 1826 etc. bei W. F. Häcker, (на одномъ листѣ).
45. Revalscher Kalender, auf das Jahr nach Christi Geburt 1826, welches ein gemeines Jahr von 365 Tagen ist. Reval, bei F. H. Gressel. (48 c.) в м. 12 или 16.
46. Revalscher Kalender, auf das Jahr nach Christi Geburt 1826, welches 365 Tage hat. Mit einem Kupfer. Reval, bei E. Dullo. (64 c.) в м. 12 или 16. Съ музыкальнымъ приложениемъ.
47. Revalscher Damenkalender auf des Jahr 1826, welches 365 Tage hat. Reval, bei E. Dullo. (48 c.) в 24 или в 32.

Л а т ы ш с к і е .

48. Widssemes Kalenderis usko 1826 tu Gaddu kam 365 Deenas irr. (Ur Teshpataš Gramatu-tee'as šinras). Nihges pils:chtā, drifkehro pee W. F. Häcker. (40 c.) в м. 8.
49. Wezza un jauna Laika-Gramata us to 1826 tu Gaddu и пр. Zeligawa (п. е. Митава); печ. вь шпн. Спеффенгагена (41 c.) вь дл. 12.

Первый, сколько извѣстно, Латышскій Календарь изданъ былъ на 1763 годъ. Съ 1800 г. Издашелемъ сего Календаря, Г. Штоббе (Mathias Stobbe), какъ явствуетъ изъ Циммерманова Опыта Испоріи Латышской Словесности (с. 91).

Э с т с к и е.

На Ревельскомъ нарѣчїи.

18. *Seſti-ma rahwa Kalender ehſ Láhtramát 1826 aasta peäle, párraſt meie Jhsanda Jeſuſſe Kriſtuſſe ſündimist. Tallinnaſ (Ревель), въ тип. Гресселя. (48 с.) въ м. 12 или б. 16.*
19. *Seſti-ma-rahwa Kalender ehſ Láhtramat 1826 aasta peäle, párraſt meie Jhsanda Jeſuſſe Kriſtuſſe ſündimist. Sel aastal on 365 päwa. Tallinnaſ, (Ревель) trükkitud ja müa Dullo jures. (48 с.) въ 16.*

Дерптскаго нарѣчїя.

20. *Marahwa Kalender ehſ Láhtramelt 1826 aasta peäle párraſt Jeſuſſe Kriſtuſſe ſündimist. Tartuſ (Дерпт), въ тип. Шюнманна. (48 с.) въ дл. 12. (Schünmanni Kirjadega) 30 к.*

КОНЕЦЪ СТО ПЯТОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

С Т О П Я Т О Й Ч А С Т И.

	Стран.
I. Изящная Словесность.	
1. Розаура и ея родшвенники	3
(Оконч.)	105
2. Спары и новые нравы	160
3. Возвращеніе Г-жи Жанлисъ во Францію	209
(Оконч.)	317
4. Томъ Валькеръ	240
5. Смершь Кальмара и Орлы	331
6. Реймскій водопадъ	339
II. Философія.	
1. О шрудъ	41
2. О языкъ и словъ	55
III. Красноръчіе.	
Чувства Россіянина при вѣспи о кончинѣ Александра I.	81
IV. Биографія.	
Анна Радклифъ	131
(Прод.)	368
V. Путешествія.	
Путешествіе въ Саксонскую Швейцарію	264
VI. Литература.	
О существенности въ Липерашуръ	284
VII. Восточная Литература.	
О духъ и Поэзіи Восточныхъ народовъ	382

VIII. КРИТИКА.

Варрусь, VI Эклога Виргиліева 68

IX. АНТИКРИТИКА.О новомъ изданіи Французско-Россійска-
го Словаря . . . . . 294**X. СТИХОТВОРЕНІЯ.**

1. Изліяніе чувствъ вѣрноподданнаго . . . 94

2. Вечерь на Мечукѣ 190

3. Его Императорскому Величеству Го-
сударю Императору Николаю Павловичу 302**XI. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.**

1. Обзорѣніе новѣйшихъ путешествій . . . 96

2. Обзорѣніе главѣйшихъ происшествій
1825 года 192

(Оконч. 304

3. Историческое и политическое обо-
зрѣніе происшествій 1825 года . . . 402**XII. СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ** 100

199

314

418

XIII. СМЪСЬ.

Письмо къ Издашелю 316

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № 1.

Я Н В А Р Я I.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I.	Изящная Словесность.	3
	Розсура и ея родственники.	
II.	Философія	41
	1. О трудѣ.	
	2. О языкѣ и словѣ.	
III.	Критика	68
	Варрусъ, VI Эклога Виргиліева.	
IV.	Краснорѣчіе	81
	Чувства Россіянина при вѣспн о кончинѣ Александра I.	
V.	Стихотворенія	94
	Изліаніе чувствъ вѣроподданнаго.	
VI.	Современная Исторія	96
	Обозрѣніе новѣйшихъ промшествій.	
VII.	Современная Русская Библіографія	100

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.
Санктшпетербургъ, Декабря 21 дня 1825 года.

Цензорь Стат. Совѣтн. и Кавалеръ
Александръ Красовскій.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № 2.

Я Н В А Р Я 15.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

- I. Изящная Словесность 105
Розсура и ея родственники. (Олов.)
- II. БИОГРАФІА 131
Лана Радкларъ.
- III. СЛОВЕСНОСТЬ 160
Старые и новые претія.
- IV. СТИХОТВОРЕНІА 190
Ваторъ на Мечукъ.
- V. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИА 192
Обзорніе главѣйшихъ происшествій 1825 г.
- VI. СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІО-
ГРАФІА 199

~~Въ С.-Петербургѣ~~
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.
Сянкшпетербурга, Января 8 дня 1826 года.
Цензоръ Стат. Совѣтн. и Кавалера
Александръ Красовскій.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № 3.

Ф Е В Р А Л Я 1.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

- I. **Изящная Словесность** 209
1. Возвращеніе Г-жи Жанльсь во Францію.
2. Томъ Валькерь.
- II. **Путешествія** 264
Повѣдка въ Саксонскую Швейцарію.
- III. **Литература** 284
О существиности въ Литературѣ.
- IV. **Антикритика** 294
О новомъ изданіи Французско-Россійскаго
Словаря.
- V. **Стихотворенія** 302
Его И. В. Государю Императору Ни-
колаю Павловичу.
- VI. **Современная Исторія** 304
Обозрѣніе главѣйшихъ происшествій 1825 г.
(Оконч.)
- VII. **Современная Русская Биваю-
графія** 314
- VIII. **Смѣсь** 316
Письмо къ Издашелю.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.
Сянкшпешербургъ, Января 22 дня 1826 года.

Цензоръ Стат. Совѣтн. и Кавалеръ
Александръ Красовскій.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № 4.

Ф Е В Р А Л Я 15.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

- I. Изящная Словесность. 317
1. Возвращеніе Г-жи Жапансъ во Францію. (Оконч.)
  2. Смерть Кальмара и Орлы.
  3. Рейнскій водопадъ.
- II. ВІОГРАФІА 368
- Жизнь Радкливъ. (Прод.)
- III. Восточная Литература 382
- О духъ Поэзіи Восточныхъ народовъ.
- IV. Современная Исторія и Политика 402
- Историческое и политическое обзоріе происшествій 1825 года.
- V. Современная Русская Библіографія 418

ПЕЧАТАТЬ П О З В О Л Я Е Т С Я .
Санктпетербургъ, Февраля 8 дня 1826 года.

*Цензоръ Стат. Совѣтн. и Кавалеръ
Александръ Красовскій.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

